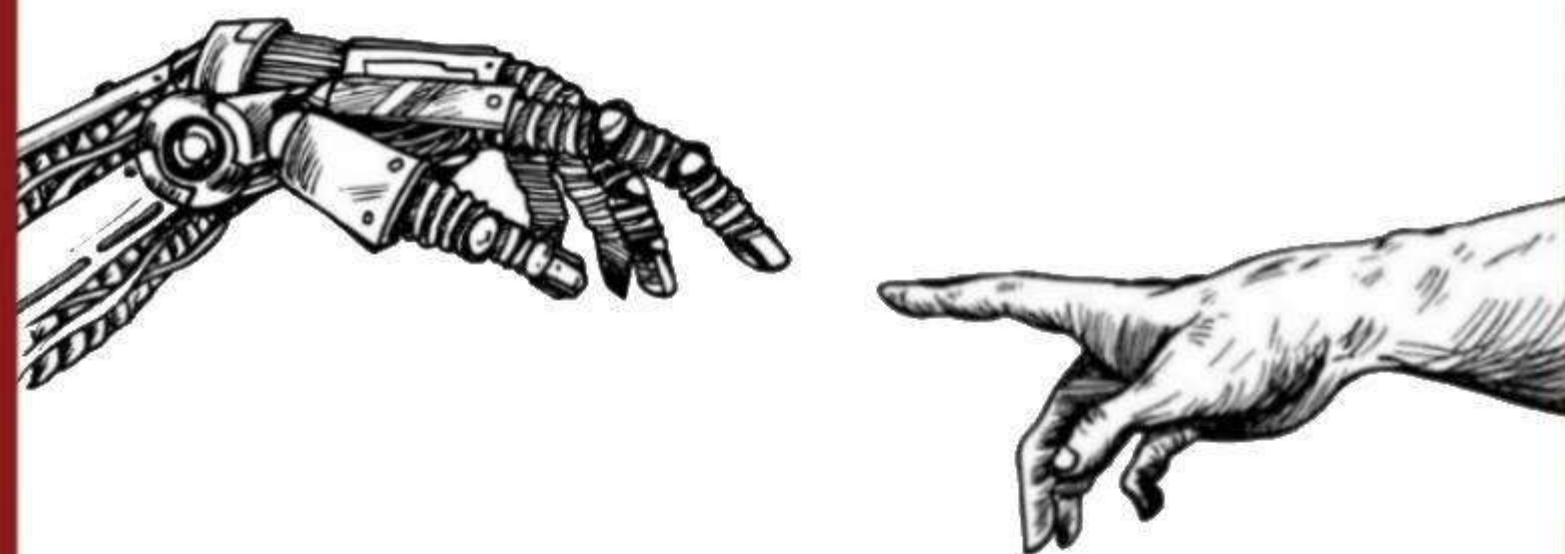

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VERITAS IN MEDIO EST

**ТОМ 4
НОМЕР 1(11)
2024**

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2024. ТОМ 4. №1(11)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте

<https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2024. Том 4. № 1(11)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора 2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Поддьяков А.Н.

Инструментарий исследователей: объекты, создаваемые для изучения мышления,
как когнитивные артефакты 4

Сухарев А.В.

Есть ли будущее у теории дегенерации–прогенерации:
культурно-психологический анализ 21

Новоселов В.М.

О возможном распространении ПТСР среди военнослужащих специальной военной операции
на территории Украины на фоне появления в популяции нового вируса SARS-CoV-2..... 34

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Скворцов Д.С., Гордякова О.В.

Коммуникативные стили специалистов по связям с общественностью
при различных предпочтениях типа организационной культуры..... 42

Орлова М.М.

Предикторы благополучия семейных отношений больных язвенной болезнью..... 56

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Зинченко Е.М., Лазунина Е.А.

Особенности оculoмоторной активности при восприятии
художественной народной росписи с учетом свойств нервных процессов..... 67

Карелов С.В., Лебедев А.Н.

Искусственный интеллект и проблемы психологии сознания..... 76

От главного редактора

Уважаемые коллеги и читатели журнала «Ученые записки ИПРАН», представляем вам очередной номер нашего журнала. В данном номере мы старались следовать научным направлениям, которые были обозначены нашим учреждением в конце прошлого 2023 года, и одновременно не терять связи с нашими постоянными авторами.

Номер открывается статьей А.Н. Поддьякова. Автор подробно описывает большой арсенал методик для изучения мышления. Данные методики представляют собой особый тип исследовательских орудий – материальные объекты, создаваемые для научного изучения мышления и интеллектуального поведения, и рассматриваются А.Н. Поддьяковым как особые когнитивные артефакты. Функция когнитивных артефактов – стимулировать постановку и решение проблем, а также сам процесс мышления. Представленный материал не ограничивается обзором методик. В статье автор показывает, как использование таких объектов позволяет поставить вопрос о новом для человека типе материальных исследовательских орудий.

В статье А.В. Сухарева речь идет о ряде научных теорий, которые относятся к числу фундаментальных и направлены на решение одного из важнейших вопросов науки – эволюции современного человека. Проводится детальный сравнительный анализ теорий дегенерации и прогенерации биологического вида *Homo sapiens*. Как отмечает А.В. Сухарев, вопрос о прогенерации – резком повышении уровня гениальности населения планеты или резком уровне ее снижения – дегенерации – является открытым, но не теряет своей актуальности. Автором предлагается концепция для возможного решения данной проблемы на основе положений, представленных в ряде его ранних публикаций в нашем журнале.

Статья В.М. Новоселова посвящена актуальной проблеме общей и медицинской психологии, возникающей в связи с неизбежными последствиями специальной военной операции

(СВО). Рассматривается феномен посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у военнослужащих, которое может принять специфическую форму в связи с возможным распространением новых болезнетворных вирусов, возникающих естественным путем или, например, применяемых воюющими государствами в качестве биологического оружия. Как отмечает В.М. Новоселов, существует обоснованная вероятность того, что у военнослужащих, переболевших коронавирусной инфекцией, ПТСР будет формироваться с большей вероятностью. Эти пациенты, по мнению автора, потребуют особенного внимания со стороны медицинского персонала.

В разделе социальной психологии представлена статья Д.С. Скворцова и О.В. Гордяковой, в которой рассматриваются результаты эмпирического исследования коммуникативных стилей специалистов по связям с общественностью в различных типах организационной культуры. В исследовании применялся комплекс диагностических методик, среди которых методика диагностики типа организационной культуры ОСАИ К. Камерона и Р. Куинна; опросник межличностных отношений В.В. Шутца методика диагностики индивидуального стиля межличностного поведения Т. Лири и другие. Исследование проводилось в компаниях и организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, Казани, Екатеринбурга и др. В нем приняли участие 80 специалистов в области связей с общественностью в возрасте от 24 до 48 лет. Исследование позволило изучить предпочтения респондентами различных типов организационной культуры (клановой, адхократической, рыночной, иерархической) и представить результаты в виде корреляционных плеяд. На основе полученных результатов Д.С. Скворцовым и О.В. Гордяковой сформулированы рекомендации для психологических служб, центров занятости и руководителей профильных предприятий. Эти рекомендации, по мнению авторов,

могут способствовать улучшению психологического климата и повышению эффективности совместного труда работников.

В статье М.М. Орловой рассматриваются результаты эмпирического исследования факторов и предикторов благополучия семейных отношений больных язвенной болезнью, проведенного в рамках комплексного изучения медицинских и социально-психологических проблем. В исследовании приняли участие 38 больных язвенной болезнью желудка (экспериментальная группа) и 120 человек, не имеющих хронических заболеваний (контрольная группа). Как отмечает автор, у больных язвенной болезнью значимые социальные отношения и ценности являются как ресурсными, так и травматичными. В частности, результаты показали важность для пациентов демонстрировать в семье негативные эмоции, что позволяет им получать подтверждение позитивного отношения к себе близких людей, готовых разделить с ними их страдания.

В статье Е.М. Зинченко и Лазуниной Е.А. приводятся результаты эмпирического исследования окулomotorной активности с применением айтрекера, которое позволило определить специфику восприятия продуктов народного творчества (художественной росписи) на приме-

ре гжели и хохломы и установить ряд закономерностей. В частности, было показано, что увеличение уровня «подвижности» у лиц со слабыми нервными процессами приводит к большей скорости сканирования изображения. Была обнаружена обратная корреляционная зависимость между нагрузкой на процессы внимания и памяти и уровнем «силы» у людей с уравновешенными нервными процессами. Авторы утверждают, что выявленные закономерности могут быть использованы как при обучении художников, так и в процессе проведения арт-терапии.

Номер завершается большим интервью нашего автора и участника Академического дискуссионного клуба ИП РАН С.В. Карелова. Отвечая на заданные вопросы С.В. Карелов поделился самой свежей информацией о проблемах и достижениях в области разработки искусственного интеллекта.

Коллеги, мы всегда рады рассмотреть ваши материалы и опубликовать их в нашем журнале. Дополнительную информацию и адреса вы можете найти на сайте Института психологии РАН.

С уважением,
гл. редактор журнала,
д.пс.н. Лебедев Александр Николаевич

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: ОБЪЕКТЫ, СОЗДАВАЕМЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ, КАК КОГНИТИВНЫЕ АРТЕФАКТЫ

© Поддьяков А.Н.

доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии РАН, Москва, Россия
poddyakovan@ipran.ru

В статье рассматривается особый тип исследовательских орудий – материальные объекты, создаваемые для научного изучения мышления и интеллектуального поведения. Функция этих объектов – стимулировать развертывание процесса мышления, постановки и решения проблем. Данные объекты можно рассматривать как особые когнитивные артефакты. Представлен перечень их характеристик, не претендующий на исчерпывающую полноту и предлагаемый для возможного обсуждения и дополнения другими исследователями. В него входят: а) степень новизны объекта и неопределенности его отнесения к тому или иному классу; б) «серендипность» объекта – наличие заготовленных скрытых сюрпризов, неожиданных свойств, связей; в) контринтуитивность объекта; г) объективная сложность; д) степень «прозрачности», доступности для наблюдения; е) предполагаемая понятность объекта для испытуемого (участника); ж) предполагаемая осмысленность практических действий участника по отношению к объекту; з) возможность трансформации объекта с целью создания сходных, но чем-то отличающихся проблемных ситуаций (задач); и) характер мыслительных целей (вызовов), которые, по замыслу разработчиков, должны провоцироваться (стимулироваться) объектом. Некоторые из этих объектов являются когнитивными артефактами не только для исследователей-психологов, но и для участников с развитием мышления выше некоторого уровня. Такой объект может стать для участника и метакогнитивным артефактом – средством познания чужого мышления (мышления разработчика).

Ключевые слова: исследовательские орудия, психологические инструменты, объекты для изучения мышления и интеллектуального поведения, когнитивные артефакты

Введение

Артефакт – «материальный объект, созданный человеком и предназначенный для определенной цели» [10, с. 312]. «Проблематика артефакта является определяющей для раскрытия столь актуальной в настоящее время дихотомии простоты и сложности, дискурсивно заполняющей всё социальное пространство современности и выступающей конечным основанием многих аспектов социальной динамики» [там же, с.

313]. По Н.С. Розову, в психологической парадигме «каждый тип артефактов когда-либо был изобретен, затем модифицировался и производился в результате творческой и рутинной деятельности индивидов, обладающих соответствующими способностями, знаниями, умениями, мотивацией. Все потребности в артефактах также имеют психологическую природу. Таким образом, развитие артефактов в целом опреде-

ляется развитием человеческой психики (что не исключает и обратную связь)» [22].

Опираясь на эти исходные положения, обратимся к артефактам определенного типа: специально созданным материальным объектам для изучения и стимулирования развертывания мышления и интеллектуального поведения. Они используются во множестве психологических и биологических исследований и их можно считать особым типом исследовательских орудий среди других, созданных человечеством.

Исторические предшественники этих артефактов – объекты-головоломки, известные с древности (вспомним Гордиев узел, представленный лишь в легенде, а также более поздние, зато сохранившиеся). Статус головоломок в культуре, а также психология творчества авторов головоломок анализируются в книге Б.Л. Ротштейна (B.L. Rothstein) [43]. Книга «дает читателям необычное и неожиданное понимание загадочного мира людей, которые создают головоломки, и тех, кто стремится их решить» [38].

По мнению Б.Л. Ротштейна, одна из психологических функций механических головоломок – стимулировать процессы понимания, «поскольку, возможно, мы никогда не бываем более старающимися понять что-то, чем когда мы пытаемся справиться с объектом, который отказывается соответствовать нашим ожиданиям. <...> Эти объекты, будучи специально созданы для провокации неправильного понимания, требуют пересмотра наших подходов к пониманию – не только этих объектов как таковых, но в придачу и самих себя, пытающихся понять их» [43].

В некоторых случаях психологи не изобретают, а берут в качестве «проблемного объекта» для эксперимента ту или иную известную головоломку, разработанную кем-то до них: например, «Ханойскую башню», кубик Рубика и др. (см., например, исследование Е.В. Битюцкой и Д.Н. Кавтарадзе с использованием головоломки В.И. Красноухова) [4]. Я.А. Пономарев, использовавший для разработки серии своих экспериментальных задач известную с XIX в. головоломку «9 точек» («9 points»), «писал, что начал экспериментировать с решением задач из

непосредственного интереса к ним как своего рода математической головоломке. Сам он и вывел формулу, связывающую число точек с минимальным числом линий, необходимых для их перечеркивания: $y = (\sqrt{x} - 1) \times 2$, где x – число точек, а y – число линий» [27, с. 26].

В данной статье мы не будем анализировать методический прием адаптации ранее известной головоломки для целей психологического исследования, а обратимся к тем стимульным «проблемным» объектам, которые изначально создаются исследователями для изучения мышления и интеллектуального поведения.

Это особые вещественные средства, культурные орудия исследовательской деятельности психологов, а также биологов, изучающих поведение. Данные объекты стимулируют другое живое существо, обладающее психикой (человека или животное), развернуть свое поведение, деятельность, процессы психического функционирования и позволяют тем самым изучать их [15, с. 30]. Подчеркнем – их изобретение позволяет поставить вопрос о новом для человечества типе материальных научных исследовательских орудий (в отличие от эхолотов, микроскопов и других научных инструментов). Рассматриваемые нами объекты входят в класс инструментов научной психологии и биологии поведения.

Словосочетания «психологический аппарат» и «психологический инструмент» использовались с конца XIX в. [33; 44]. Х. Гундлах (H. Gundlach) в статье «Что такое психологический инструмент?» (название отсылает к ставшей классической статье [46], см. также [45]) дает следующее определение. Психологический инструмент – это «связь некоторого материального объекта и процессуального правила, или каким-либо образом материализованное процессуальное правило; используется для психологических исследований, преподавания или практики; представляет или адаптирует часть рационального знания конкретного общества в определенный момент времени, причем это знание может быть психологическим, но не обязательно» [33, с. 217]. Психологические инструменты во многом создали современную научную психологию [33, с. 218-220].

История изобретения этих объектов, начиная с аппаратов Вундта, проблемных ящиков бихевиористов, экспериментального инструментария гештальт-психологов и заканчивая последними орудиями-новинками в когнитивных науках и биологии поведения, – это часть интеллектуальной истории человечества, история развертывания его творческого потенциала в направлении саморазвития и самопознания [15; 16].

Можно утверждать, что психологические инструменты входят в такой тип артефактов, которые называются когнитивными. Понятие «когнитивный артефакт» ввел Д. Норман [40]. Оно означает устройство, разработанное для получения, показа или обработки информации и выполнения функции репрезентации (“A cognitive artifact is an artifice all device designed to maintain, display, or operate upon information in order to serve are presentational function”).

Р. Хирсминк приводит также другие определения когнитивных артефактов. Это «физические объекты, сделанные людьми с целью помощи познанию или его улучшения» [36, с. 126], цит. по [34, с. 470]. «Это материальные носители, обладающие связанными с познанием свойствами генерации представлений, манипулирования ими или их распространения» [39, с. 41], цит. по [34, с. 471].

Научные приборы, используемые в естественных науках и инженерии, относят к когнитивным артефактам, т.к. они позволяют получать и показывать информацию нередко в обработанном виде. В этом контексте необходимо упомянуть классификацию вещественных средств, орудий труда, которую дал Е.А. Климов. Он включал в нее следующие средства познания (приема, получения, «добычи», обработки информации).

1. Приборы, машины, дающие изображение (бинокль, микроскоп, телевизионная система).

2. Приборы, машины, дающие условный знак, символ, сигнал (вольтметр, термометр, мнемоническая схема на сигнальном табло диспетчерского пульта управления).

3. Приборы, машины, обрабатывающие информацию (счетчики, электронные вычислительные машины) [11, с. 75].

Можно видеть существенное пересечение понятия приборов для приема, получения, обработки информации по Е.А. Климову и понятия когнитивных артефактов.

Поскольку рассматриваемые нами «проблемные» объекты для изучения и стимулирования мышления и интеллектуального поведения (различные проблемные ящики, головоломки и пр.), предъявляемые участникам экспериментов, позволяют получать информацию о мышлении и интеллектуальном поведении этих участников (в этом состоит назначение данных объектов), можно утверждать, что они тоже являются когнитивными артефактами для исследователей.

Многие из этих объектов описаны в учебниках и монографиях [8; 12; 21; 24]. Знакомясь с этими когнитивными артефактами, можно убедиться, что положение «научный прибор – это воплощенная мысль» [19] полностью относится и к ним.

При этом нет обзорно-аналитических работ, охватывающих широкий диапазон и базовые характеристики материальных объектов для изучения мышления и интеллектуального поведения, созданных психологами и биологами. Проведенный нами анализ различных материальных объектов, созданных для изучения и стимулирования мышления, позволил выявить некоторые их характеристики, которые, как мы полагаем, можно отнести к базовым. Они не являются исчерпывающими, но представляются принципиально важными. Мы приглашаем исследователей, заинтересовавшихся данной темой, расширить этот перечень. Можно видеть, что материальные объекты, созданные психологами и биологами для изучения и стимулирования мышления и интеллектуального поведения, образуют широкое разнообразие как по конкретным исследовательским целям их авторов, так и характеристикам самих объектов.

Предварительно заметим, что хотя параметры экспериментальной ситуации, в которую включен объект, не являются предметом рассмотрения в нашей статье, один из них следует упомянуть, поскольку под него могут разрабатываться очень разные объекты с противоположными характеристиками. Таким параметром является неопределенность создаваемой экспе-

риментатором ситуации, в которую включен объект. На одном конце оси здесь – ситуация развертывания мышления в условиях четко сформулированной экспериментатором задачи по отношению к объекту. Например, задание участнику перевести объект в заданное состояние, вызвать определенный эффект (свисток, зажигание определенной лампочки и т.п.), определить скрытое состояние объекта за минимальное количество действий и т.д.

Так, взаимодействуя с аппаратом, изображенным на рис. 1, ребенок должен был за минимальное количество нажимов на кнопки на передней панели (в каждой кнопке находилась зажигающаяся при нажиме лампочка) определить, какая из предъявленных ему конфигураций точек на вертикальной доске (Т-образная конфигурация слева или горизонтальная справа) скрыта в схеме панели. Нажимать кнопки можно только по одной, одновременные нажимы на несколько кнопок запрещены.

На противоположном конце оси «неопределенность ситуации» находятся очень неопределенные вводные от экспериментатора, которые сложно назвать инструкцией в традиционном

понимании: «Это новая игрушка. Я сам не знаю, как в нее играть. Позанимайся ей, пока я занят». (На самом деле как бы полуотвернувшийся экспериментатор занят тем, что ведет наблюдение за происходящим).

Приведем цитату: «Креативные способности ребенка изучались нами в предметных ситуациях, где ребенку как бы случайно давали осмотреть три одинаковых на вид коробки, одна из которых отличалась тем, что обычным способом не открывалась. Чтобы ее открыть, надо было обнаружить не бросающуюся в глаза маленькую кнопку, нажать на нее и одновременно потянуть вверх крышку коробки. Мы выясняли, обнаружит ли ребенок “секрет”, как он к нему отнесется: станет ли выяснять, проявит ли настойчивость, обратится ли за помощью к взрослому и др. “Секрет” считался решенным в том случае, если ребенку удавалось открыть коробку» [6, с. 85]. Вообще, «проблемные коробки с секретами» – один из основных исследовательских инструментов в научной школе М.И. Лисиной [13], к которой относится и Т.М. Землянухина, автор процитированного фрагмента.

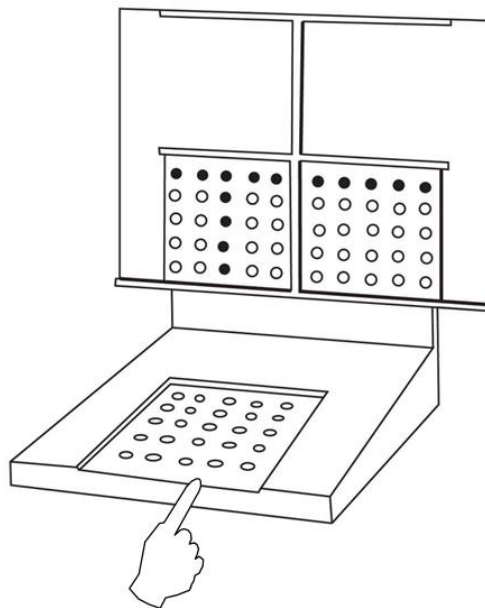

Рис. 1. Аппарат, использовавшийся в эксперименте Д. Олсона [5, с. 312].

Характеристики материальных объектов для изучения и стимулирования мышления и интеллектуального поведения

Мы будем отталкиваться от традиционно выделяемых факторов, вызывающих любопытство и познавательную активность, – это новизна, сложность, когнитивный конфликт (противоречие частей информации об объекте друг другу, противоречие поведения объекта ожиданиям) [41], и добавим еще некоторые.

1. *Новизна объекта и неопределенность его отнесения к тому или иному классу.* На одном конце оси находятся знакомые объекты: например, шестерни, пусть и образующие новую зубчатую передачу как стимульный материал задачи. На другом конце оси – объекты, воспринимаемые как существенно новые, которые можно неформально квалифицировать как «штуковины – не пойми что». Их специально разрабатывают такими, чтобы стимулировать любопытство участника по отношению к ним и пробудить как можно более разнообразное исследовательское поведение. Фото одного из таких объектов

представлено на рис. 2. Фотографии взаимодействия ребенка с этим объектом см. в [32].

2. *«Серендипность» объекта* – наличие заготовленных скрытых сюрпризов, секретов, неожиданных свойств, связей, выявляемых участниками при взаимодействии с ним. Серендипность означает обнаружение того, что не искали (или не того, что искали), при этом важного и интересного (сравнимо с побочным продуктом деятельности по Я.А. Пономареву). Серендипность мышления и серендипность многих научных открытий анализируют В.М. Аллахвердов [1], В.В. Знаков [7], А. Рулев [23]. Мы же обращаемся к такому методическому приему при разработке материального объекта для изучения мышления, как предоставление возможности участнику обнаружить неожиданное интересное и важное при взаимодействии с данным объектом. Психолога-исследователя интересует процесс обнаружения этой серендипности участниками, реакции на нее и последующая работа с ней, разная у разных участников.

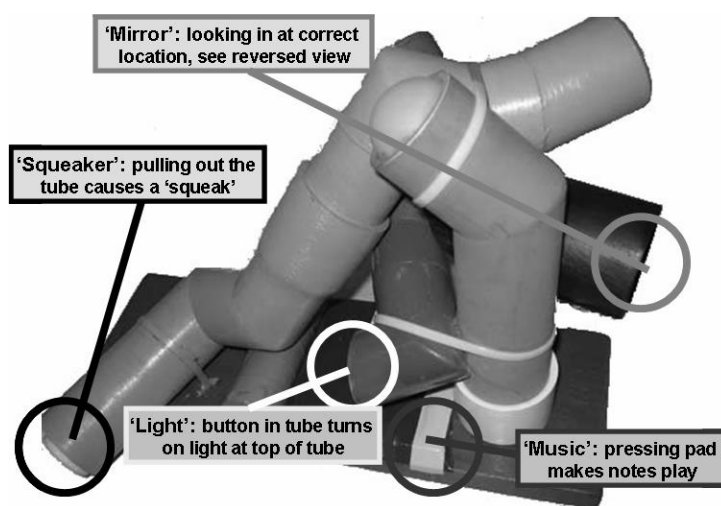

Рис. 2. Экспериментальный объект для изучения исследовательского поведения и экспериментирования детей [30]. Лицензия: Attribution-Noncommercial-ShareAlike 3.0 Unported. Объект относится к категории, которую можно неформально обозначить как «не пойми что», «неизвестно что», – это сделано намеренно, чтобы вызвать любопытство ребенка.

Аппарат на рис. 1 не содержит скрытых сюрпризов, объект на рис. 2 – содержит. Расширяя контекст, укажем, что в компьютерных играх-квестах также используется принцип скрытых секретов, сюрпризов, обнаруживаемых участниками в ходе обследования компьютерной среды. Пример исследовательской психологической методики с применением этого принципа см. в [25].

3. *Контринтуитивность объекта, провокация им ложных гипотез.* Любой проблемный ящик своими аффордансами может порождать ложные гипотезы у участника, на то он и проблемный [14]. Но некоторые из этих объектов специально разрабатываются так, чтобы спровоцировать у подавляющего большинства участников ту или иную ложную гипотезу, следование которой и пути отвержения которой интересны экспериментатору – исследователю мышления.

В качестве примера рассмотрим экспериментальный объект на рис. 3. «К правому плечу рычага прикреплена игрушка, привлекательная для ребенка, вызывающая желание ее достать. Положение игрушки на столе исключает возможность достать ее просто рукой. Единственный путь – воспользоваться рукояткой, прикрепленной к левому плечу. Естественно желание потянуть ручку к себе, но игрушка только

отодвигается, нужно совершать движение, обратное тому, которое обычно совершается при притягивании вещей к себе. Нахождение этого способа, которое для ребенка младшего возраста осуществляется со значительными трудностями, также называют в психологии мышлением» [26, с. 8].

Добавим пояснение к словам «естественно желание потянуть ручку к себе, но игрушка только отодвигается»: это пример искусно созданной провокации ложной гипотезы аффордансами объекта; провокации, созданной с пониманием психологии ребенка соответствующего возраста.

4. *Сложность объекта,* связанная с такими объективными характеристиками, как количество составляющих его элементов, количество и характер связей между ними, возможность их динамического изменения (рис. 4).

5. *«Прозрачность» устройства объекта, доступность для наблюдения.* На одном конце оси находятся полностью наблюдаемые объекты (рис. 5). На другом конце оси находятся объекты – «черные ящики», устройство которых скрыто от наблюдения (рис. 6). Также возможны промежуточные варианты – часть устройства объекта скрыта, часть открыта для наблюдения (см., например, описание «Механической установки» в [17]).

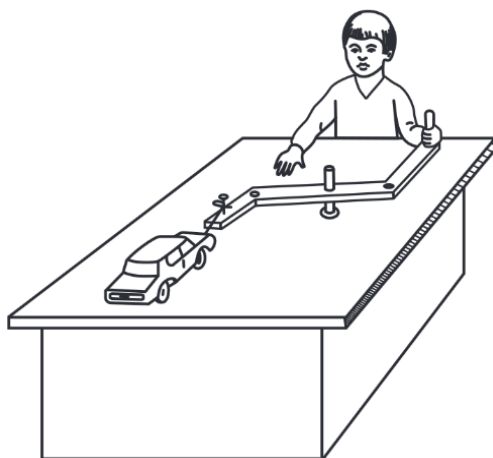

Рис. 3. Эксперимент по изучению наглядно-действенного мышления дошкольника [26, с. 8].

Рис. 4. Четырехлетний ребенок, обследующий объект, разработанный Л. Динем с коллегами для сравнительного изучения мышления обезьян и детей [31]. Этот экспериментальный объект содержит в себе скрытые зависимости разной сложности: самые простые могли выявить и капуцины, более сложные могли выявить шимпанзе, а самые сложные – дети 3-4 лет. Фото из статьи [42].

Лицензия: Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Рис. 5. Экспериментальный объект – зубчатая передача из элементов конструктора для изучения мышления детей 3-6 лет [37]. Полностью наблюдаема. При этом дети разного возраста различаются степенью понимания работы этой зубчатой передачи (степень понимания определяется по решению тестовых задач разной сложности). Лицензия: CC BY.

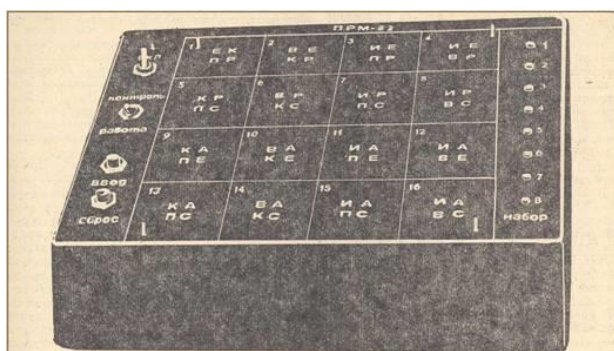

Рис. 6. Прибор для формирования понятий ПРМ-82 [20].

6. *Предполагаемая понятность объекта для испытуемого (участника).* На одном конце оси находятся такие объекты, которые, по мнению разработчика, могут быть поняты участниками (например, зубчатые передачи людьми). Интерес для исследователя здесь представляют процесс и результаты понимания, степени понимания, ошибки непонимания, инсайт и «ага-реакция». На другом конце оси находятся объекты, которые не могут быть поняты испытуемым (участником) в принципе (курица не поймет систему тяг и рычагов, связывающих педаль с высыпавшим корм устройством). Разрабатываемые в эволюционной биологии экспериментальные объекты (например, механические запоры

разной сложности) предполагают возможность разной степени их понимания представителями разных видов и разные стратегии освоения.

7. *Предполагаемая осмысленность практических действий участника по отношению к объекту.* На одном конце оси находятся объекты, предполагающие метод слепых проб и ошибок со стороны испытуемого (участника) – как в ящиках ранних бихевиористов (рис. 7). На другом конце оси – объекты, предполагающие осмысленный поиск и перебор возможностей практических действий на основе всё углубляющегося понимания (рис. 8).

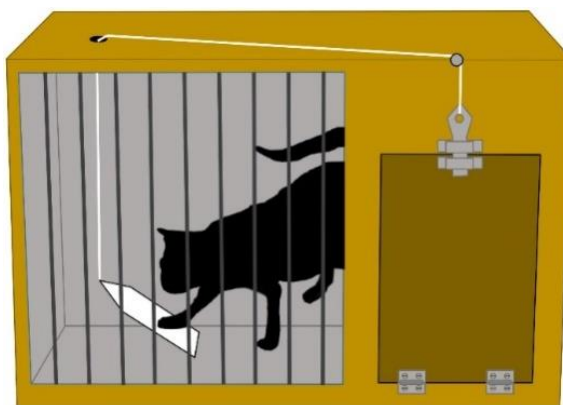

Рис. 7. Проблемный ящик Торндайка, в котором заперта кошка. Изображение-реконструкция [35].
Лицензия: ССВУ.

Рис. 8. «Треугольная установка», провоцирующая ребенка на полный и достаточно последовательный комбинаторный перебор 4 факторов (положений трех кнопок и одного тумблера) в ходе самостоятельного обследования объекта [17].

8. *Возможность трансформации объекта экспериментатором* с целью создания сходных, но чем-то отличающихся проблемных ситуаций, задач – например, для изучения процесса переноса и обобщения найденного решения. Такой возможностью обладал вариационный проблемный ящик В.И. Аснина и А.Н. Леонтьева с трансформируемой системой механических запоров, описанный в их статье «Перенос действия как функция интеллекта» [2].

В нашей «Мультипликативной установке» сам ребенок имел возможность изменять, переключать связи в объекте (путем переподключения игрушечных электрических вилок в разные электрические розетки внутри корпуса) для последующего обследования работы «перепрограммированного» таким образом объекта [17].

9. *Практический – познавательный характер мыслительных целей (вызовов)*, которые, по замыслу разработчиков, должны провоцироваться (стимулироваться) специально созданными объектами.

На одном конце оси находятся чисто практические цели испытуемого – выбраться из ящика, в котором его заперли, найти способ высыпать себе корм, подтянуть к себе что-то (еду или игрушку) и пр. На другом конце оси – познавательные цели и вызовы, связанные с бескорыстной любознательностью и познавательной активностью, исследованием из познавательного интереса – например, понять математическую закономерность работы объекта. Подробнее об этом различии см. [18].

Двойная функция объектов для изучения мышления как когнитивных артефактов

Итак, вышеописанные объекты являются психологическими инструментами – когнитивными артефактами, используемыми для получения данных о закономерностях и особенностях мышления и построения общих заключений. Например, на основе изучения того, как дети в ходе исследовательской игры познают разного рода устройства, часть из которых похожа на

описанные выше, известная исследовательница познавательного развития Э. Гопник (Alison Gopnik) заключает: «Дети познают мир во многом так же, как ученые: они ставят эксперименты, проводят статистический анализ и формируют гипотезы в соответствии с результатами» [9, с. 55].

Но обратим внимание на то, что часть этих объектов является когнитивными артефактами не только для исследователей-психологов, но и для участников с более развитым мышлением. Головоломки могут представлять собой когнитивные артефакты для решателя, поскольку он, «манипулируя их физической структурой, тем самым манипулирует информацией, которую они содержат» [34, с. 479]. Например, игра «Скрэббл» (на составление слов из квадратиков с буквами путем расположения их на доске по определенным правилам) и «Тетрис» – это когнитивные артефакты.

Приведем противоположный пример: ящик Скиннера лишь в минимальной степени является когнитивным артефактом для запертой в нем и пытающейся выбраться курицы, если является им для нее вообще. А экспериментальная установка, представленная экспериментатором ребенку как игрушка и реализующая ту или иную логико-математическую зависимость между нажимами на ее кнопки и освещением ее окошек с ранее скрытыми изображениями, когнитивным артефактом для детей является. Практически взаимодействуя с этим объектом, ребенок получает информацию о нем, его свойствах, скрытых связях и закономерностях – в том числе общезначимых, если разработчик их туда встроил (см., например, рис. 9).

К общезначимым зависимостям, реализуемым «проблемными» объектами для изучения мышления детей, можно также отнести логическое умножение признаков «форма × цвет» в «Мультипликативной установке» и управление открыванием окон в сетке прямоугольных координат при нажатии кнопок, задающих эти координаты, в «Матричной установке» [17].

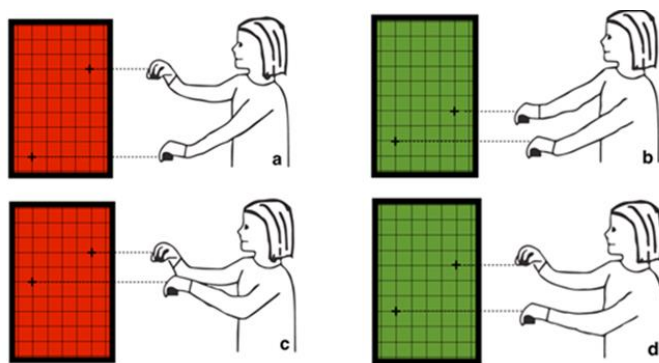

Рис. 9. Математический образный тренажер для изучения пропорций. Экран горит зеленым, если правая рука с одной коробочкой находится над столом в два раза выше левой руки с другой коробочкой, и красным – если пропорция другая [29]. Ребенок должен понять эту зависимость в ходе самостоятельного экспериментирования. Лицензия: CCBY.

Многие «проблемные» объекты для изучения мышления выполняют функцию когнитивного артефакта для исследователя в прямой зависимости от того, насколько они служат когнитивными артефактами для участника. Ведь участника и экспериментатора интересует хотя и разное, но связанное друг с другом: участника-ребенка интересует, какие свойства и зависимости скрывает объект и как это выяснить, исследователя – как участник ставит и решает проблемы и задачи, связанные с указанным интересом (собирает, обрабатывает и использует полученную информацию).

Отметим, что для участника с рефлексивной позицией «проблемные» объекты, созданные для изучения мышления, могут выступить в качестве когнитивного артефакта еще в одном аспекте. В ходе взаимодействия с ним участник может с тем или иным успехом реконструировать замысел экспериментатора и какие-то аспекты его мышления и исследовательской стратегии. Это является следствием общего положения: «В ходе эксперимента испытуемый не остается нейтральным ни по отношению к процедуре, ни по отношению к используемому оборудованию, ни по отношению к исследователю. Он по-своему понимает инструкцию, ставит перед собой дополнительные задачи, актуализирует уникальное поле личностных смыслов, использует защитные механизмы личности, произвольно переходит от одной стратегии поведения к другой» [3, с. 12]. Как писала Р.М. Фрумкина,

особенность рефлексивных участников экспериментов – их попытки реконструировать замысел экспериментатора и того, что он считает правильным. Этим они отличаются от участников, принадлежащих к типу «простодушный» (или «минималист»), который «минимизирует умственную работу о целях экспериментатора и решает задачу как таковую» [28, с. 161].

Со своей стороны заметим, что, если в ходе взаимодействия с объектом для изучения мышления участник на основе его особенностей и реакций на воздействия получает то, что он считает информацией о замысле и мышлении экспериментатора, то этот объект становится для него когнитивным артефактом особого рода – метакогнитивным артефактом, средством познания чужого мышления (мышления разработчика). Это особенно очевидно в случае, когда объект, созданный психологом для изучения мышления, обследуется с теми или иными целями другим психологом. Но это верно и для рефлексивных участников исследования – не психологов. Если материальный объект для изучения мышления – это «воплощенная мысль», то кому-то из участников становится интересно эту мысль реконструировать по предложенному ему объекту.

Если говорить об эволюционном аспекте, можно задаться вопросом, как постепенно на континууме уровней развития мышления (от условной курицы, через крыс и ворон, до человекообразных обезьян и человека) объекты для

изучения мышления приобретают возможность быть когнитивными и метакогнитивными артефактами для участников исследования, а не только для исследователей? Этот же вопрос интересен применительно к возрастному развитию познавательных способностей.

Выводы

1. Материальные объекты, создаваемые для научного изучения мышления и интеллектуального поведения путем провоцирования их развертывания в экспериментах, можно рассматривать как такой инструментальный исследователей, который относится к особым когнитивным артефактам. Их функция – стимулировать развертывание процесса мышления, постановки и решения проблем. Изобретение и использование этих объектов позволяет поставить вопрос о новом для человечества типе материальных исследовательских орудий (в отличие от эхолотов, микроскопов и других научных инструментов).

2. В статье представлен перечень характеристик объектов для изучения и стимулирования мышления и интеллектуального поведения, не претендующий на исчерпывающую полноту и предлагаемый для возможного обсуждения и дополнения другими исследователями. В эти характеристики входит следующее:

- а) степень новизны объекта и неопределенности его отнесения к тому или иному классу;
- б) «серендипность» объекта – наличие заготовленных скрытых сюрпризов, неожиданных свойств, связей, выявляемых участниками при взаимодействии с ним;
- в) контринтуитивность объекта, провокация им ложных гипотез;
- г) сложность объекта, связанная с такими объективными характеристиками, как количество составляющих его элементов, количество и характер связей между ними, возможность их динамического изменения;
- д) степень «прозрачности» устройства объекта, доступности для наблюдения – от объектов с полностью наблюдаемой структурой и функционированием до «черных ящиков», где наблюдать можно только входы (входные воздействия) и выходы (ответные реакции);

е) предполагаемая понятность объекта для испытуемого (участника). На одном конце оси находятся такие объекты, которые, по мнению разработчика, могут быть поняты участниками в ходе наблюдения и обследования, на противоположном – объекты, устройство которых не может быть понято испытуемым (участником) в принципе;

ж) предполагаемая осмысленность практических действий участника по отношению к объекту. На одном конце оси находятся объекты, предполагающие метод слепых проб и ошибок со стороны испытуемого (участника), на противоположном – объекты, предполагающие осмысленный поиск и перебор возможностей практических действий на основе всё углубляющегося понимания;

з) возможность трансформации объекта с целью создания сходных, но чем-то отличающихся проблемных ситуаций, задач;

и) характер мыслительных целей (вызовов), которые, по замыслу разработчиков, должны провоцироваться (стимулироваться) объектом, – от чисто практических целей до в основном познавательных.

3. Часть материальных объектов, созданных для изучения и стимулирования развертывания мышления и интеллектуального поведения, являются когнитивными артефактами не только для исследователей-психологов, но и для участников с развитием мышления выше некоторого уровня. Взаимодействуя с такими объектами, сопоставляя произведенные воздействия на них и наблюдаемые результаты, участники осваивают некоторые общезначимые зависимости (например, арифметические, если в объект заложена арифметическая зависимость).

4. Если в ходе взаимодействия с объектом для изучения мышления участник на основе его особенностей и реакций на воздействия получает то, что он считает информацией не только о самом объекте, но опосредованно и о замысле и мышлении экспериментатора, то этот объект становится для него когнитивным артефактом особого рода – метакогнитивным артефактом, средством познания чужого мышления (мышления разработчика).

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Психология в контурах процесса познания. Прологомены к учебнику для аспирантов (Часть 5) // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т.3. № 4(10). С. 83-103.
2. Аснин В.И., Леонтьев А.Н. Перенос действия как функция интеллекта (Исследование интеллектуальной деятельности ребенка методом вариационного проблемного ящика) // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности. М.: Смысл, 2003. С. 251-254.
3. Барабанщиков В.А. Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011. Том 4. № 1. С. 4-16.
4. Битюцкая Е.В., Кавтарадзе Д.Н. Имитационная игра-головоломка как модель решения трудной жизненной задачи // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 3. С. 3-26.
5. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
6. Землянухина Т.М. Влияние общения со взрослым на развитие креативности ребенка в раннем возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 2. С. 84-86.
7. Знаков В.В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
8. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М.: Аспект Пресс, 2010.
9. Гопник Э. Как думают дети // В мире науки. 2010. № 10. С. 55-61.
10. Казакова В.И. Артефакт как концепт современной социальной науки // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 3. С. 312-316.
11. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998.
12. Лейланд К. Неоконченная симфония Дарвина: как культура формировала человеческий разум. М.: Альпина нон-фикшн, 2024.
13. Лисина М.И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 18-35.
14. Поддьяков А.Н. Исследовательские и контрисследовательские объекты: дизайн предоставляемых возможностей // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т.4. № 2-3. С. 49-59.
15. Поддьяков А.Н. Орудия изучения поведения и деятельности: изобретения психологов как составляющая культурно-исторического процесса // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 1. С. 30-34. DOI:10.17759/chp.2023190104
16. Поддьяков А.Н. Проблемные ситуации как источник развития творческого потенциала человека // Образовательная политика. 2023. № 3. С. 44-59.
17. Поддьяков А.Н. Развитие исследовательской инициативности в детском возрасте. Дис. д. пс. н. М., 2001.
18. Поддьяков А.Н., Поддьяков Н.Н. Интерактивные исследовательские объекты: от лабораторных экспериментов к массовым практикам XXI века // Исследователь/Researcher. 2019. № 3. С. 8-29.
19. Птицына И.Б. Научные приборы и инструменты как особый вид артефактов // Научное приборостроение. 2022. Т. 32. № 1. С. 11-20.
20. Рапацевич Е.С. Приборы для изучения приемов формирования понятий // Вопросы психологии. 1984. № 6. С.129-136.
21. Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. М.: Академкнига, 2005.
22. Розов Н.С. Полипарадигмальная онтология и ритуально-конституциональная концепция бытования и исторического развития артефактов // Онтологии артефактов: взаимодействие естественных и искусственных компонентов «жизненного мира». М.: Дело, 2012. С. 90-112. URL: <https://rozov.nsu.ru/rozov/publ/artefact.htm>

23. Рулев А. Научное провидение, или искусство совершать открытия // Наука и жизнь. 2017. № 3. С. 2-12.
24. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
25. Созинов А.А., Бохан А.И., Александров Ю.И. Методика оценки показателей формирования нового опыта и решения проблем в ситуации приобретения баллов или избегания их потери // Экспериментальная психология. 2018. Т.11. № 1. С. 75-91. DOI:10.17759/exppsy.2018110105
26. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
27. Ушаков Д.В. Языки психологии творчества: Я.А. Пономарев и его школа // Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2006. С. 19-143.
28. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
29. Abrahamson D., Nathan M.J., Williams-Pierce C., Walkington C., Ottmar E.R., Soto H., Alibali M.W. The future of embodied design for mathematics teaching and learning // Frontiers in Education. 2020. V.5. Article 147. DOI:10.3389/educ.2020.00147
30. Bonawitz E., Shafto P., Gweon H., Chang I., Katz S., Schulz L. The double-edged sword of pedagogy: Modeling the effect of pedagogical contexts on preschoolers' exploratory play // Proceedings of the 31st Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 29 July-1 August 2009. Amsterdam, Netherlands: 2009.
31. Dean L.G, Kendal R.L, Schapiro S.J, Thierry B., Laland K.N. Identification of the social and cognitive processes underlying human cumulative culture // Science. 2012. V.335(6072). P.1114-8. DOI:10.1126/science.1213969. Supporting online material.
32. Finn E. Don't show, don't tell? Cognitive scientists find that when teaching young children, there is a trade-off between direct instruction and independent exploration. MIT News, 2011. URL: <https://news.mit.edu/2011/teaching-children-0630>
33. Gundlach H. What is a psychological instrument? // Psychology's territories: historical and contemporary perspectives from different disciplines / Ed. by M.G. Ash, T. Sturm. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2007. P. 195-224.
34. Heersmink R. A taxonomy of cognitive artifacts: function, information, and categories // Review of Philosophy and Psychology. 2013. V 4(3). P. 465-481. DOI:10.1007/s13164-013-0148-1
35. Holleman G.A., Hooge I.T.C., Kemner C., Hessels R.S. The 'real-world approach' and its problems: a critique of the term ecological validity // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. Article 721. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00721
36. Hutchins E. Cognitive artifacts // The MIT encyclopedia of the cognitive sciences / Ed. by R.A. Wilson, F.C. Keil. MIT Press, 1999. P. 126-128.
37. Legare C.H., Lombrozo T. Selective effects of explanation on learning during early childhood // Journal of experimental child psychology. 2014. V. 126. P. 198-212. DOI: 10.1016/j.jecp.2014.03.001
38. Mitrović M. Introductory words. 2019. URL: <https://www.psypress.org/books/titles/978-0-271-08242-4.html>
39. Nersessian N.J. Interpreting scientific and engineering practices: integrating the cognitive, social, and cultural dimensions // New directions in scientific and technical thinking / Ed. by M. Gorman, R. Tweney, D. Gooding, A. Kincannon. Erlbaum, 2005. P. 17-56.
40. Norman D.A. Cognitive artifacts // Designing interaction: psychology at the human-computer interface / Ed. by J.M. Carroll. Cambridge University Press, 1991. P. 17-38.
41. Nunnally J.C., Lemond L.C. Exploratory behaviour and human development // Advances in child development and behaviour / Ed. by L.P. Lipsitt, H.W. Reese. NY, 1973. V. 8. P. 59-112.

42. Reindl E., Gwilliams A.L., Dean L. G., Kendal R.L., Tennie C. Skills and motivations underlying children's cumulative cultural learning: case not closed // *Palgrave communications*. 2020. V.6. Article number 106. DOI:10.1057/s41599-020-0483-7
43. Rothstein B.L. *The shape of difficulty: a fan letter to unruly objects*. University Park, PA: Penn State University Press, 2019.
44. Sturm T., Ash M.G. Roles of instruments in psychological research // *History of psychology*. 2005. V. 8(1). P. 3-34. DOI:10.1037/1093-4510.8.1.3
45. Taub L. What is a scientific instrument, now? // *Journal of the history of collections*. 2019. V. 31(3). P. 453-467. DOI:10.1093/jhc/fhy045
46. Warner D.J. What is a scientific instrument, when did it become one, and why? // *The British journal for the history of science*. 1990. V. 23(1). P. 83-93.

RESEARCH INSTRUMENTS: OBJECTS CREATED TO STUDY THINKING AS COGNITIVE ARTIFACTS

© Alexander N. Poddiakov

Sc.D. (psychology), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
poddyakovan@ipran.ru

A special type of research tools-material objects created to study thinking and intelligent behavior—is discussed. The main function of these objects is to stimulate thinking, posing and solving problems. The objects can be considered as special cognitive artifacts. A list of their characteristics is presented. It does not claim to be exhaustive and is offered for possible discussion and addition by other researchers. It includes: (a) a degree of novelty of an object for participants and uncertainty of its assignment to a particular class; (b) “serendipity” of the object – presence of prepared hidden surprises, unexpected properties, connections; (c) counter-intuitiveness of the object; (d) objective complexity; (e) a degree of “transparency” and accessibility for the participants’ observation; (f) a degree of expected comprehensibility of the object by the participants; (g) presumed meaningfulness of the participants’ practical actions on the object; (h) possibilities to transform the object in order to create similar, but somehow different problem situations (tasks) – e.g. to study transfer; (i) types of goals (challenges) that, should be provoked (stimulated) by the object in the participants. Some of these objects are cognitive artifacts not only for the psychologists but also for participants which have a level of thinking above some level. Such an object can also become a metacognitive artifact for the participants, i.e. a means of their cognition of the psychologists’ thinking.

Keywords: research tools (instruments), psychological instruments, material objects created to study thinking and intelligent behavior, cognitive artifacts

References

1. Allahverdov V.M. (2023). *Psikhologiya v konturakh processa poznaniya. Prolegomeny k uchebnikudlyaaspirantov (Chast' 5) [Psychology in the contours of the cognition process. Prolegomena to a textbook for graduate students (Part 5)]*. Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.3. № 4(10). P. 83-103.

2. Asnin V.I., Leont'ev A.N. (2003). Perenos dejstviya kak funkciya intellekta (Issledovanie intellektual'noj deyatel'nosti rebenka metodom variacionnogo problemnogo yashchika) [*Transfer of action as a function of intelligence (Research of intellectual activity of a child by the method of variational problem box)*]. Leont'ev A.N. Stanovlenie psikhologii deyatel'nosti [Leontiev A.N. *The formation of the psychology of activity*]. Moscow: Smysl. P. 251-254.
3. Barabanshchikov V.A. (2011). Ehksperimental'nyj metod v psikhologii [*Experimental method in psychology*]. Ehksperimental'naya psikhologiya [*Experimental psychology*]. V. 4. № 1. P. 4-16.
4. Bityuckaya E.V., Kavtaradze D.N. (2019). Imitacionnaya igra-golovolomka kak model' resheniya trudnoj zhiznennoj zadachi [*An imitation puzzle game as a model for solving a difficult life task*]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [*Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*]. № 3. P. 3-26.
5. Bruner Dzh. (1977). Psikhologiya poznaniya [*Psychology of cognition*]. Moscow: Progress.
6. Zemlyanukhina T.M. (2009). Vliyanie obshcheniya so vzroslym na razvitie kreativnosti rebenka v rannem vozraste [*The influence of communication with an adult on the development of creativity of a child at an early age*]. Teoreticheskaya i ehksperimental'naya psikhologiya [*Theoretical and experimental psychology*]. V. 2. № 2. P. 84-86.
7. Znakov V.V. (2022). Psikhologiya vozmozhnogo. Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya [Psychology of the possible. A new direction of understanding research.]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
8. Zorina Z.A., Poletaeva I.I. (2010). Zoopsikhologiya. Ehlementarnoe myshlenie zhivotnykh [*Zoopsychology. Elementary thinking of animals*]. Moscow: Aspekt Press.
9. Gopnik EH. (2010). Kak dumayut deti [*How do children think*]. V mire nauki [*In the world of science*]. № 10. P. 55-61.
10. Kazakova V.I. (2015). Artefakt kak concept sovremennoj social'noj nauki [*Artifact as a concept of modern social science*]. Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva [*Proceedings of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev*]. № 3. P. 312-316.
11. Klimov E.A. (1998). Vvedenie v psikhologiyu truda [*Introduction to labor psychology*]. Moscow: Culture and Sport, UNITY.
12. Lejland K. (2024). Neokonchennaya simfoniya Darvina: kak kul'tura formirovala chelovecheskij razum [*The Unfinished Symphony of Darwin: how culture shaped the human mind*]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
13. Lisina M.I. (1982). Razvitie poznavatel'noj aktivnosti detej v khode obshcheniya so vzroslymi i sverstnikami [*The development of cognitive activity of children in the course of communication with adults and peers*]. Voprosypsikhologii [*Questions of psychology*]. № 4. P. 18-35.
14. Podd'yakov A.N. (2017). Issledovatel'skie i kontrissledovatel'skie ob"ekty: dizajn predostavlyaemykh vozmozhnostej [*Research and counter-research objects: the design of the opportunities provided*]. Rossijskij zhurnal kognitivnoj nauki [*Russian Journal of Cognitive Science*]. V. 4. № 2-3. P. 49-59.
15. Podd'yakov A.N. (2023). Orudiya izucheniya povedeniya i deyatel'nosti: izobreteniya psikhologov kak sostavlyayushchaya kul'turno-istoricheskogo processa [*Tools for studying behavior and activity: inventions of psychologists as a component of the cultural and historical process*]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [*Cultural and historical psychology*]. V. 19. № 1. P. 30-34. DOI:10.17759/chp.2023190104
16. Podd'yakov A.N. (2023). Problemnye situacii kak istochnik razvitiya tvorcheskogo potenciala cheloveka [*Problematic situations as a source of human creative potential development*]. Obrazovatel'naya politika [*Educational policy*]. № 3. P. 44-59.
17. Podd'yakov A.N. (2001). Razvitie issledovatel'skoj iniciativnosti v detskom vozraste [*Development of research initiative in childhood. Dissertation of the Doctor of Psychological Sciences*]. Moscow.

18. Podd'yakov A.N., Podd'yakov N.N. (2019). Interaktivnye issledovatel'skie ob'ekty: ot laboratornykh ehksperimentov k massovym praktikam XXI veka [*Interactive research objects: from laboratory experiments to mass practices of the XXI century*]. Issledovatel [*Researche*]. № 3. P. 8-29.
19. Pticyna I.B. (2022). Nauchnye pribory i instrument kak osobyj vid artefaktov [*Scientific instruments and instruments as a special type of artifacts*]. Nauchnoe priborostroenie [*Scientific instrumentation*]. V. 32. № 1. P. 11-20.
20. Rapacevich E.S. (1984). Pribory dlya izucheniya priemov formirovaniya ponyatij [*Devices for studying the techniques of concept formation*]. Voprosypsikologii [*Questions of psychology*]. № 6. P.129-136.
21. Reznikova ZH.I. (2005). Intellect I yazyk zhivotnykh I cheloveka [*Intellect and language of animals and humans*]. Moscow: Akademkniga.
22. Rozov N.S. (2012). Poliparadigmal'naya ontologiya I ritual'no-konstitucional'naya koncepciya bytovaniya i istoricheskogo razvitiya artefaktov [*Polyparadigmatic ontology and ritual-constitutional concept of existence and historical development of artifacts*]. Ontologii artefaktov: vzaimodejstvie estestvennykh I iskusstvennykh komponentov «zhiznennogo mira» [*Ontology of artifacts: interaction of natural and artificial components of the "life world"*]. Moscow: Delo. P. 90-112.URL: <https://nrozov.nsu.ru/rozov/publ/artefact.htm>
23. Rulev A. (2017). Nauchnoe providenie, ili iskusstvo sovershat' otkrytiya [*Scientific providence, or the art of making discoveries*]. Nauka I zhizn' [*Science and life*]. № 3. P. 2-12.
24. Sergienko E.A. (2006). Rannee kognitivnoe razvitie: Novyj vzglyad [*Early cognitive development: Novy vzglyad*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
25. Sozinov A.A., Bokhan A.I., Aleksandrov YU.I. (2018). Metodika ocenki pokazatelej formirovaniya novogo opyta i resheniya problem v situacii priobreteniya ballov ili izbeganiya ikh poteri [*Methodology for evaluating indicators of the formation of new experience and solving problems in a situation of acquiring points or avoiding their loss*]. Ehksperimental'naya psikhologiya [*Experimental Psychology*]. V.11. № 1. P. 75-91. DOI:10.17759/exppsy.2018110105
26. Tikhomirov O.K. (1984). Psikhologiya myshleniya [*Psychology of thinking*]. Moscow: Publishing House of Moscow University.
27. Ushakov D.V. (2006). Yazyk i psikhologiya tvorchestva: YA.A. Ponomarev i ego shkola [*Languages of psychology of creativity: Ya.A. Ponomarev and his school*]. Psikhologiya tvorchestva. Shkola YA.A. Ponomareva. Pod red. D.V. Ushakova [*Psychology of creativity. The school of Ya.A. Ponomarev / Edited by D.V. Ushakov*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences". P. 19-143.
28. Frumkina R.M. (1984). Cvet, smysl, skhodstvo: aspekty psikholingvisticheskogo analiza [*Color, meaning, similarity: aspects of psycholinguistic analysis*]. Moscow: Nauka.
29. Abrahamson D., Nathan M.J., Williams-Pierce C., Walkington C., Ottmar E.R., Soto H., Alibali M.W. (2020). The future of embodied design for mathematics teaching and learning. *Frontiers in Education*. V. 5. Article 147. DOI: 10.3389/educ.2020.00147
30. Bonawitz E., Shafto P., Gweon H., Chang I., Katz S., Schulz L. (2009). The double-edged sword of pedagogy: Modeling the effect of pedagogical contexts on preschoolers' exploratory play. *Proceedings of the 31st Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 29 July-1 August 2009. Amsterdam, Netherlands.
31. Dean L.G., Kendal R.L., Schapiro S.J., Thierry B., Laland K.N. (2012). Identification of the social and cognitive processes underlying human cumulative culture. *Science*. V. 335(6072). P. 1114-8. DOI:10.1126/science.1213969. Supporting online material.

32. Finn E. (2011). Don't show, don't tell? Cognitive scientists find that when teaching young children, there is a trade-off between direct instruction and independent exploration. MIT News. URL: <https://news.mit.edu/2011/teaching-children-0630>
33. Gundlach H. (2007). What is a psychological instrument? Psychology's territories: historical and contemporary perspectives from different disciplines. Ed. by M.G. Ash, T. Sturm. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 195-224.
34. Heersmink R. (2013). A taxonomy of cognitive artifacts: function, information, and categories. Review of Philosophy and Psychology. V. 4(3). P. 465-481. DOI:10.1007/s13164-013-0148-1
35. Holleman G.A., Hooge I.T.C., Kemner C., Hessels R.S. (2020). The 'real-world approach' and its problems: a critique of the term ecological validity. Frontiers in Psychology. V. 11. Article 721. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00721
36. Hutchins E. (1999). Cognitive artifacts. The MIT encyclopedia of the cognitive sciences. Ed. by R.A. Wilson, F.C. Keil. MIT Press. P. 126-128.
37. Legare C.H., Lombrozo T. (2014). Selective effects of explanation on learning during early childhood. Journal of experimental child psychology. V.126. P.198-212. DOI:10.1016/j.jecp.2014.03.001
38. Mitrović M. (2019). Introductory words. URL:<https://www.psypress.org/books/titles/978-0-271-08242-4.html>
39. Nersessian N.J. (2005). Interpreting scientific and engineering practices: integrating the cognitive, social, and cultural dimensions. New directions in scientific and technical thinking. Ed. by M. Gorman, R. Tweney, D. Gooding, A. Kincannon. Erlbaum. P. 17-56.
40. Norman D.A. (1991). Cognitive artifacts. Designing interaction: psychology at the human-computer interface. Ed. by J.M. Carroll. Cambridge University Press. P. 17-38.
41. Nunnally J.C., Lemond L.C. (1973). Exploratory behaviour and human development. Advances in child development and behavior. Ed. by L.P. Lipsitt, H.W. Reese. NY. V. 8. P. 59-112.
42. Reindl E., Gwilliams A.L., Dean L G., Kendal R.L., Tennie C. (2020). Skills and motivations underlying children's cumulative cultural learning: case not closed. Palgrave communications. V.6. Article number 106. DOI:10.1057/s41599-020-0483-7
43. Rothstein B.L. (2019). The shape of difficulty: a fan letter to unruly objects. University Park, PA: Penn State University Press.
44. Sturm T., Ash M.G. (2005). Roles of instruments in psychological research. History of psychology. V.8(1). P. 3-34. DOI:10.1037/1093-4510.8.1.3
45. Taub L. (2019). What is a scientific instrument, now? Journal of the history of collections. V.31(3). P. 453-467. DOI:10.1093/jhc/fhy045
46. Warner D.J. (1990). What is a scientific instrument, when did it become one, and why? The British journal for the history of science. V.23(1). P. 83-93.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ТЕОРИИ ДЕГЕНЕРАЦИИ-ПРОГЕНЕРАЦИИ: КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© Сухарев А.В.

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории
социально-экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Исследование выполнено по госзаданию в Институте психологии РАН
(№ 0138-2024-0018)

В статье представлен культурно-психологический и философский анализ теории дегенерации–прогенерации субъекта и результатов исследований по данной теме. Анализ показал, что введение в психологию понятия «развитие» как возвращения к изначально заданному естественному идеалу, с одной стороны, объединяет теорию дегенерации–прогенерации с положениями и результатами исследований индивидуального и коллективного субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. С другой стороны, данная комплементарная концепция, развивая теорию дегенерации–прогенерации, позволяет использовать широкий спектр параметров развития, таких как представления архаики, премодерна, модерна, а также специальных инструментов оптимизации этого развития для анализа, прогноза и коррекции поведения субъекта.

Ключевые слова: индивидуальный и коллективный субъект, архаика, премодерн, модерн, дегенерация, прогенерация

Введение

В настоящее время в психологии и психиатрии используются термины «дегенерация» (нисходящее развитие, регресс, инволюция) и гораздо реже – «прогенерация» как опережающее развитие или процесс, обратный дегенерации, приобретение человеком новых черт, новых способностей, предположительно совершающийся у гениев. Данные термины восходят к представлениям психиатрии и психологии вековой давности. В новое время на волне интереса к идее развития, представленной в западноевропейской философии в начале XIX в. прежде всего в трудах Г. Гегеля и Ф. Шеллинга, возникли теории, применявшие принцип развития и к развитию человека, и в биологии в целом (Ч. Дарвин, Б. Морель, В. Маньян, Г. Модсли и другие). В 1857 г. Б. Морелем была предложена так называемая *теория вырождения* (дегенерации) (*théorie de la dégénérescence*). Он определял

дегенерацию как болезненное отклонение от первоначального типа, которое передаётся по наследству и склонно прогрессировать. Причем дегенерацию человека Б. Морель прослеживал вплоть до момента грехопадения, в котором и находил первоначальное отклонение от нормы. В теории дегенерации психическая болезнь трактовалась как развитие обратное прогрессивному, возврат на предшествующую ступень развития [41].

В то же время такое отклонение развития от нормы как «гениальность» (прогенерация) среди представителей образованного общества в конце XIX в. связывалось с распространенным представлением о гении в сфере искусства как о «романтическом безумце». В отличие от позиции «романтиков», гений с позиции «позитивистов» характеризовался как «гений суждения и воли» [21; 22]. Вместе с тем, в медицине представление о гениальности с указанного периода

многими врачами связывалось с психическими болезнями. Например, Ч. Лоброзо связывал гениальность с эпилепсией [23]. Результаты исследований в области теории дегенерации–прогенерации в российской научной литературе основательно представлены в работе В.П. Осипова [23, с.485-497]. В практическом плане данная теория предполагала принципиальную возможность «улучшения» человеческого биологическими методами.

Вехами зародившегося евгенического¹ движения, основанного на теории дегенерации–прогенерации, стали «Монистская лига» (Э. Геккель, 1905 г.), «Общество расовой гигиены» (А. Плотц, 1906 г.) и др. Деятельность этих организаций так или иначе была направлена на преобразование и «улучшение» человека, его творческих способностей во всех видах деятельности на основе преставлений данной теории и соответствующих методов биологического отбора.

Теория дегенерации–прогенерации в России

Объединяя представления о психической дегенерации как болезненном отклонении от нормы и связи гениальности и психиатрической симптоматики, Н.Н. Баженов в 1899 г. сформулировал представление о том, что гений – это прототип человека будущего, как по своим умственным способностям, так и биологически. В случае гениев, страдающих психическими расстройствами, он предлагал говорить не об инволюции, а об определенной дисгармонии, как следствии незавершенности развития высшего психического типа. Им и было предложено обозначать «прогрессивное» развитие человечества до уровня «гениев» термином «прогенерация» по смыслу противоположному термину «дегенерация» («вырождение») [2].

В России концепции дегенерации–прогенерации придерживались такие выдающиеся врачи как И.Д. Ермаков, С.С. Корсаков, В.П. Осипов, Г.И. Россолимо, Г.В. Сегалин, И.А. Сикорский и другие. Л.С. Выготский, вслед за психиатром Э. Морселли, также считал гениев

прогрессивным явлением в эволюции человека. Он соглашался с Э. Морселли, что общим между гениальностью и психическим расстройством является отклонение от нормы, однако первое нельзя рассматривать как «вырождение» [6]. Следует отметить, что Л.С. Выготский подвергал справедливой критике понимание английскими сторонниками концепции дегенерации «моральной дефективности» (*moral insanity*) как органического заболевания [5]. Вместе с тем известный отечественный генетик В.П. Эфроимсон считал, что «этические нормы и альтруизм имеют также и прочные биологические основы, созданные долгим и упорным, направленным индивидуальным и групповым отбором» [37, с. 465].

В отличие от Б. Мореля, русский психиатр В.П. Осипов, как и большинство его современников, придерживался материалистической научной методологии и связывал процесс дегенерации с биологической наследственностью. Осипов отмечал роль экзогенных причин в возникновении признаков дегенерации (например, употребление алкоголя, морфия, кокаина; различные токсические воздействия), но в то же время указывал на определенную предрасполагающую роль воспитания [23, с. 490, 494, 495]. В целом результаты Б. Мореля и других сторонников теории психической дегенерации о существенной роли наследственных факторов в этиологии психических расстройств либо совпадают, либо не противоречат исследованиям классической генетики и самым современным достижениям молекулярной генетики.

В середине XX в. идеи М.Е. Лобашева о том, что мутагенная активность повреждающего агента определяется адаптационными механизмами организма как целого, получили новый импульс развития. Результаты современных исследований в области молекулярной генетики в значительной степени подтверждают роль психических воздействий (эмоциональных стрессоров) как мутагенных факторов у человека [19; 15].

С учетом результатов как современных, так и ранее проведенных исследований проблемы

¹ Учение о селекции в целях отбора «лучших».

дегенерации–прогенерации можно заключить, что имеется определенная связь между психопатологической симптоматикой и «гениальностью», однако имеются варианты и «раздельного» проявления того и другого.

Теория дегенерации–прогенерации и роль идеологии в научном познании субъекта

Интересно, что П.Б. Ганнушкин в свое время призывал вообще прекратить дискуссию о роли дегенерации или прогенерации в становлении гениальной личности. Он полагал, что данная дискуссия являлась бесплодной и возникла вследствие необоснованного смешения биологического и социологического подходов, что могло сделать медицину уязвимой для *идеологической* (курсив наш – А.С.) критики [8]. Обращает на себя внимание тот факт, что во времена П.Б. Ганнушкина «идеологическая критика» могла иметь деструктивный для науки характер².

Кратко остановимся на роли идеологии в научном познании в целом и в отношении теории дегенерации–прогенерации, в частности. В настоящее время вопрос о возможной конструктивной и деструктивной роли идеологии для развития науки в России ставится как достаточно актуальный. Роль идеологии в становлении научных направлений и даже концепций, тех или иных тем и предметов исследований существенно зависит не только от ведущих представлений³ коллективного субъекта, но и специфики политической или коммерческой конъюнктуры. П.Б. Ганнушкин был прав – в нашей стране, как и за рубежом, имеется богатый

материал для изучения влияния коллективных оценочных суждений (т.е. идеологических) на развитие науки.

Идеология⁴ понимается как система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение, ценности и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений. Идеология *может опираться на научные знания*. В отличие от науки, идеология представляет собой знание о социально-политической жизни, по отношению к интересам составляющих её сил, задавая на этой основе оценку желательности или нежелательности того или иного явления, представления, в том числе и в направленности научных исследований [14].

Ментальность современной эпохи постмодерна, существенно характеризуется «качественным увеличением неопределенности», «нравственной безосновностью» и «разрывами в познании», связанными с различиями *культурных позиций* ученых [10; 17]. В связи с этим необходимость некоторой меры идеологической определенности для индивида и общества возрастает и ощущается все острее⁵. На современном этапе культурно-исторического развития, характеризующимся глобальным кризисом идентичности, в том числе идеологической, научный поход к определению основ и гуманитарных технологий формирования данной идентичности является крайне актуальным. Мы полагаем, что в эпоху постмодерна возможная современная идеология должна базироваться на научных исследованиях роли различных компо-

² Особенно с учетом того, что теория дегенерации и евгеника в XX в. были изрядно скомпрометированы их использованием немецкими нацистами именно в качестве идеологии. В частности, даже К. Лоренц в определенный период своей жизни, будучи членом «Национал-социалистической немецкой рабочей партии», был увлечен идеями евгеники.

³ В качестве ведущих представлений для конкретного этапа развития общества мы рассматриваем те, которые в исторической ретроспективе могут быть установлены как определяющие развитие на данном этапе и сыгравшие роль фундамента для наступления последующего исторического этапа. Аналогично

устанавливаются ведущие представления для индивидуального субъекта.

⁴ От греч. *ἰδεολογία*; от *ἰδέα* «прообраз, идея» + *λόγος* «слово, смысл, разум, учение».

⁵ В России полезность статьи 13 Конституции РФ, исключающей наличие в стране государственной идеологии, недавно была поставлена под сомнение на высшем государственном уровне. В частности, председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин заявил, что в России идеология была всегда и нужна сейчас. Его поддержал глава Минюста Константин Чуйченко, сказав, что с 13-й статьей «придется решить» [1].

нентов ментальности в различных аспектах жизнедеятельности человека – архаических, религиозных, научно-технологических и пр., составляющих целостное содержание мировоззрения человека и определяющих его культурную позицию.

Идеология коллективного субъекта существенно опирается на его ведущие представления. Важно, что культурная позиция субъекта познания в большинстве случаев определяет содержание и направление гуманитарного, а подчас и естественно-научного исследования. Рассматривая идеологию в качестве предмета научного познания, мы обращаем внимание на необходимость *саморефлексии* ученым собственной культурной позиции⁶. Таким образом, поскольку медицина и, тем более, психиатрия и психология являются в значительной мере гуманитарными науками, включение идеологии в дискурс данных наук представляется оправданным.

Методологические и клинические основания развития теории дегенерации–прогенерации на современном этапе

Рассмотрим далее научные преимущества и некоторые перспективы теории дегенерации–прогенерации. Во-первых, учение о дегенерации в XIX и начале XX вв. развивалось как противопоставление учению о мономаниях (Э. Эскироль) или частичном помешательстве. Под мономаниями подразумевались главным образом болезненные состояния, сосредоточившиеся в одном психопатологическом симптоме, а именно в стойких болезненных идеях и влечениях, овладевших больным. В то время психиатрия допускала возможность развития такого моносимптома при сохранении человеком душевного здоровья в остальных аспектах [23; 40]. Теория дегенерации представляла холистический взгляд на болезнь, рассматривая развитие

человека во взаимосвязи духовных (нравственных), психических и биологических компонентов. Анализ психопатологических проявлений показывает, что моносимптом является лишь одним из наиболее ярких проявлений нарушения психического здоровья. Этот симптом «выражается наряду с целым рядом других, менее бросающихся в глаза симптомов, как существующих одновременно, так и присоединяющихся по мере дальнейшего течения и развития болезненного состояния» [23, с. 544]. Целостный подход и в настоящее время является актуальным и перспективным для преодоления царящей в современной медицине дифференциации и специализации диагностики и терапии. Во-вторых, теория дегенерации–прогенерации позволяет с единых теоретических позиций рассматривать как конструктивные («гениальность»), так и деструктивные («психические расстройства») проявления личности.

В-третьих, важнейшим теоретическим понятием рассматриваемой теории является *развитие*. Термины «дегенерация» и «прогенерация» по своей этимологии и содержанию основаны на понятии развития. В целом развитие в современной психологии понимается по Гегелю как необратимое, направленное и закономерное качественное, количественное и структурное изменение психики. При этом предполагается восходящее (прогресс) и нисходящее развитие (регресс)⁷. Принято считать, что в европейской традиции представление о линейной направленности времени, характеризующее развитие, связано с базовым христианским принципом креационизма [38]. В отличие от общепринятого представления, А.Ф. Лосев пришел к выводу, что «категория органического развития» была весьма глубоко продумана, в частности, у Платона и Аристотеля [20, с. 22]. Вполне соглашаясь с этим выводом, мы полагаем, что при наличии в античной философии понятия «катарсис»

⁶ Необходимо также, чтобы исследователь обладал максимальной направленностью на учет (саморефлексию) своей собственной позиции, на осознание ее культурно-исторической и личностной специфики. Данный подход мы определяем как метод этнофункциональной историко-психологической реконструкции [29, с.110 -111].

⁷ Понимание развития в философии и психологии опирается на его гегелевские характеристики: движение по прямой и по кругу, зигзаг и возврат, увеличение и рост, расширение и прибавление, приспособление и совершенствование, возвышение степени качества и смена качества, переход внутреннего во внешнее, внешнего во внутреннее [9].

как совершенствование и очищение, в ней все же не было философской категории развития, обозначающей самые общие, базовые свойства человека и мира. А.Ф. Лосев рассматривает представление о развитии в философии Платона, сопоставляя его с представлениями о движении и становлении. Становление исследователь понимал как такую смену одного момента другим, при которой предыдущий момент при возникновении последующего уничтожается (снимается) [20, с. 3]. Отличие развития от становления он видел в том, что развитие характеризуется направленностью «постоянно развертывать то, что в самом начале дано в неразвернутом виде». Развитие определялось им как такое становление, которое изначально содержит в себе «в замкнутом и неразвернутом виде все свое дальнейшее становление и развитие» [20, с. 3-5], что сближает данное понимание развития с идеями Шеллинга. Развитие субъекта, в отличие от природного («объективного»), А.Ф. Лосев наделял мышлением и сознанием, то есть разумом [20].

Очевидно, что указанное выше определение развития предполагает использование в психологии понятия «идеала развития». В начале XX в. Г.И. Челпанов, отмечая неправомерность отождествления позитивизма и материализма, называл позитивистами тех, которые полагают, что «познаваемое ограничивается чувственным опытом», и что явления, которые не фиксируются в чувственном познании, не являются предметом ни науки, ни философии [35, с. 32]. Он отмечал, что, например, психологическое познание методом самонаблюдения осуществляется «не при помощи органов чувств» [35, с. 85], то есть умозрительно. Данный подход не был оставлен без внимания и в современных исследованиях.

Субъективная специфика религиозных и нравственных переживаний в связи с соответствующими идеальными представлениями (В. Франкл, Ф.Е. Василюк, В.И. Слободчиков и др.). Таким образом, общее направление развития отечественной психологической науки, заданное Г.И. Челпановым, может быть реализовано в разработке философско-методологического синтеза позитивистского подхода, базирующегося на рациональном познании и эмпирических методах, в сочетании с концептуальными теоретическими построениями и представлением об идеале.

Представление о развитии как идеале в неявном виде использовалось многими исследователями. Рассматривая общественное развитие, Н.А. Бердяев определял историческую составляющую ментальности субъекта как «сумму всех поколений» и «вечно живой субъект исторического процесса», где «живут и пребывают все прошлые поколения не менее, чем поколения современные» [3, с. 48], т.е. как умозрительный идеал. Также, например, согласно Ст. Холлу, онтогенез психики ребенка воспроизводит историческое развитие человеческого рода, точнее, «собственной расы». Он отмечал, что «для полноты развития ребенка» необходимо, «чтобы он переживал древние чувства с точки зрения своей расы» [34, с. 30], полнота переживания которых может рассматриваться лишь в идеале.

В свою очередь, наши эмпирические и экспериментальные исследования роли культурологических представлений в развитии субъекта показывают, что синтез (степень интеграции) этноинтегрирующих⁸ архаических, надэтнически-религиозных (*премодерн*), а также компонентов *модерна* в ментальности индивида⁹ обуславливают повышение степени его адаптированности по показателям уровня нравственности, социально-психологическим, психического и психо-

⁸ В «образной сфере» индивида (термин А.А. Гостева) представления наделяются этнической функцией: этноинтегрирующей, объединяющей субъекта с тем или иным этносом или этнической системой, этнодифференцирующей, т.е. разделяющей их. Научные и философские представления модерна наделяются нейтральной этнической функцией.

⁹ К компоненту архаики относятся представления о приоритете природы, магического мышления и родовых отношений (по Л. Леви-Брюлю), к компоненту премодерна (надрелигиозно-этническому) относится приоритет представлений мировых религий, а компоненту модерна – приоритет научно-технологических представлений, вера в технологический прогресс и т.п. [10; 17].

соматического здоровья, показателям уровня общего и творческого интеллекта и др. [30; 33]. В данных исследованиях вводится понятие идеала развития как синтеза этноинтегрирующих компонентов архаики, премодерна и модерна (так называемая концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса) [30, с.90-93], а также выделяются степени синтеза компонентов ментальности как маркеров выраженности искажений развития [30, с. 167-172]. Наряду с использованием понятия этнической функции философско-культурологическая операционализация развития ментальности субъекта осуществляется с помощью наделения ее архаических компонентов хаотизирующей функцией, относительно космизирующей функцией – компонентов премодерна, а представления модерна наделяются абсолютно космизирующей функцией. С теорией дегенерации–прогенерации нашу концепцию объединяет положение о естественном идеале развития и его искажениях.

Заметим, что в гегелевском понимании в природе, в отличие от истории, возможны лишь изменения, но невозможно развитие. Понимая природу божественной в ее идее, он полагал, что природа в том виде, как она существует, «не соответствует ее понятию» [16, с. 233]. Ф. Шеллинг, также как и Г. Гегель, полагал, что природа не способна, подобно разумным существам, «действовать в подлинном смысле этого слова» [37, с. 446]. Ф. Шеллинг не разделял природу на идеальную и антропогенно искаженную, но, характеризуя природу как «божественную», в полной мере наделял ее способностью к развитию [16, с. 156]. В качестве причины развития Ф. Шеллинг рассматривал грехопадение [7] (напомним, что автор теории дегенерации Б. Морель прослеживал вырождение человека именно с его грехопадения). Положение о единстве развития природного, душевного и духовного сближает философию Ф. Шеллинга и теорию дегенерации–прогенерации.

Наши исследования показывают, что наиболее дискриминантным показателем для психологической адаптированности субъекта являются природные представления. В связи с эти

мами вводится понятие «*девственной природы*» как идеала, не искаженного антропогенными воздействиями. В частности, показано, что предпочтение антропогенно более искаженной природы (городские скверы и т.п.) характерны для пациентов с более тяжелыми (эндогенными и менее курабельными¹⁰) психическими расстройствами, чем у пациентов с менее тяжелыми (невротическими и более курабельными), восхищавшимися именно образами *дикой* природы. При этом динамика предпочтений пациентов от представлений «антропогенной» к дикой природе соответствовала положительной динамике тяжести их основной симптоматики [30, с. 87-90].

В итоге философского и психологического анализа теории дегенерации–прогенерации выделим следующие положения. В философском плане данная теория опирается не на гегелевское представление о развитии, а скорее на шеллингианское, основанное на античном представлении о целостном развитии природы, человека и духа. В западноевропейской и русской традициях, основывавшихся на античных представлениях, «правильное» развитие человека, по сути, понималось как естественное [30, с.81-83]. В частности, следуя принципам античной философии и философии эпохи Возрождения, мэтр немецкой педагогики А. Дистервег рассматривал природосообразность в качестве вечного и неизменного «высшего основного принципа человеческого воспитания» и как идеал, к которому нужно стремиться [13, с. 223, 231]. Вместе с тем он считал необходимым учитывать требования условий «времени и места», где осуществляется воспитание, «той ступени культуры, которая нами достигнута» [13, с. 231], т.е. учитывал и принцип культуросообразности. Отметим, что в современных исследованиях практически обделена вниманием мысль Л.С. Выготского о том, что «воспитание есть искусственное овладение *естественными* (курсив наш. – А. С.) процессами развития»; на этом представлении строилась его теория психологической коррекции [4, с. 107]. Таким образом, в соответствии с пониманием развития в античности, по А.Ф. Лосеву,

¹⁰ Поддающимися лечению.

мы вводим в психологическую науку понятие развития как возвращение к изначально заданному идеалу.

В ранее опубликованных исследованиях мы уже отмечали связь некоторых положений теории дегенерации–прогенерации и этнофункционального подхода. Данная связь заключается в том, что наличие этнодифференцирующих природных и природно-анимистических представлений в образной сфере пациентов могут обуславливать возникновение эндогенных расстройств депрессивного спектра, а также с заболеваемость наркоманией, алкоголизмом и пр. Поэтому в условиях глобальной постмодернистской эклектики нарастание этнодифференцирующих представлений во внутренней и внешней информационной среде человека, «может служить вероятностным «катализаторами» возникновения выраженных клинических проявлений определенных психопатологических признаков, уже имеющих конкретную генетическую обусловленность» [27, с. 20; 28].

Таким образом, этнофункциональный подход, сохраняя ориентацию на принцип природосообразности как идеала естественного развития, добавляет к теории дегенерации–прогенерации учет этнической функции представлений как пространственный параметр, а понятие степени этнофункционального синтеза хаоса и космоса позволяет учитывать роль фазы развития как параметра времени.

Теория дегенерации–прогенерации, будучи уязвимой, согласно П.Б. Ганнушкину, «для идеологической критики», все же не дает оснований отметить идеологию как таковую, но оставляет вопрос о ее роли в научном познании дискуссионным. Мы полагаем, что идеологию как систему мотивов и ценностей субъекта, направляющей его поведение и определяющей его культурную позицию, нельзя исключать из рассмотрения психологической наукой, в частности, клинической психологией. Идеология может как способствовать, так и искажать развитие человека и общества.

В свою очередь поведение *коллективного субъекта* (А.Л. Журавлев) можно рассматривать с позиций принципа единства микро- и

макрокосма [24]. С позиций холистической концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса обоснованными выглядят результаты трансдисциплинарных исследований, свидетельствующие, что в ментальности коллективных субъектов стран с самыми высокими темпами социально-экономического развития имеет место наиболее выраженный интерес к теме «Знание» (ценность компонента модерна), по сравнению с интересом к теме «Природа» (компонент архаики) и «Бог» (надэтнически-религиозный компонент), а в странах с самыми низкими темпами преобладает интерес к теме «Природа» [31; 32].

Для индивидуального субъекта, как показывают экспериментальные исследования, повышение уровня общего и творческого интеллекта обусловлено повышением *степени синтеза* [30, с. 167-172] этноинтегрирующих архаических и надэтнически-религиозных представлений [33], что в целом предполагает наличие у субъекта интереса к знаниям как предметной области для интеллекта. По аналогии – преобладание интереса теме «Знание» с позиций принципа единства микро- и макрокосма может свидетельствовать о высоком условном «коэффициенте интеллектуальности» (IQ) государственного управления коллективного субъекта и соответственно о высоких темпах социально-экономического развития [40, с. 185].

В свою очередь, преобладание выраженности интереса к теме «Природа», по аналогии с индивидуальным субъектом, свидетельствует о потребности к восполнению его энергетического потенциала, необходимого для обретения самой возможности осуществления конструктивной деятельности. Имеются также пока не опубликованные результаты о связи структуры и выраженности указанных компонентов ментальности коллективного субъекта с медицинскими, психологическими, демографическими показателями, подтверждающие аналогичные результаты, полученные для индивидуального субъекта. Иначе, структура, выраженность и этническая функция компонентов ментальности индивидуального и коллективного субъекта, определяемая с позиций концепции этнофункциональ-

ного синтеза хаоса и космоса, может обуславливать как развитие, так и дегенерацию коллективного субъекта.

Возвратимся к вопросу, поставленному в заголовке статьи, а именно – «есть ли будущее у теории дегенерации–прогенерации»? Похоже, и в настоящее время остается справедливым замечание выдающегося русского врача В.П. Осипова: «Схемы Morel'я чрезвычайно суровы, но, к сожалению, они основаны на фактах реальной жизни; ... однако, они не представляются правилом, и сам автор обращает внимание на возможность регенерации при благоприятных условиях» [23, с.487].

Ценность «суровых схем Мореля» заключается, например, в том, что оценка вероятного возникновения наследуемых дегенеративных признаков в ряде случаев является решающим для профессиональной деятельности. Это касается многих профессиональных сфер, связанных с принятием ответственных решений для жизни и здоровья людей, с работой в силовых структурах. В частности, подобное исследование было осуществлено психиатром О.А. Гильбурдом¹¹ [12]. Редко осуществляемые современные клинические исследования¹² в целом все же подтверждают общую тенденцию к накоплению патологических признаков во внутрисемейных межпоколенных связях.

О.А. Гильбурд отмечает, что о морелевской теории дегенерации спустя полтора столетия заставило вспомнить трагическое событие весны 2009 г., когда начальник ОВД немотивированно расстрелял из пистолета прохожих и людей в московском универмаге. Стационарная судебная психолого-психиатрическая экспертиза выявила типичную морелевскую картину комплексного внутрисемейного вырождения, заключительным звеном которого стал майор Д., генетически отягощённый эпилепсией прабабки по матери и эпилептоидным характером отца. Общая картина дегенеративных изменений

данного лица, согласно О.А. Гильбурду, включала помимо генетических отягощений, социально-нравственные и характерологические особенности, а также проблемы с зачатием ребенка и антропологические нарушения. Результаты специального, осуществленного О.А. Гильбурдом исследования, косвенно отражают масштабные процессы нравственной и этической дегенерации российской семьи (а возможно, и общества в целом), перекликающиеся с концепцией вырождения Б. Мореля [12, с.201-203]. Не оставляет сомнений и констатируемая современными психиатрами связь психопатологических проявлений и заболеваний с гениальностью и талантом [18; 23; 25; 26].

В ментальности коллективного субъекта, также как и у индивидуального, выявлена связь наличия этнодифференцирующих представлений со снижением рождаемости и стремления к биологическому воспроизводству, с заболеваемостью рядом тяжелых заболеваний, показателями криминальной и суицидальной активности в обществе. Кроме того, у коллективного субъекта, как уже отмечалось, выявлена связь дисбаланса этнофункциональных и хаотизирующих-космизирующих компонентов ментальности с показателями социально-экономического и общественно-политического развития [27; 28; 29; 30].

Заключение

Философско-психологический анализ приведенных выше положений и результатов исследований показал, что введение в психологию понятия развития как возвращения к изначально заданному естественному идеалу объединяет теорию дегенерации–прогенерации с положениями и результатами исследований индивидуального и коллективного субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. С одной стороны, такое объединение учитывает теоретические положения и эмпирические

¹¹ Гильбурд О.А., психиатр, д.м.н., мед. эксперт, профессор кафедры многопрофильной клинической подготовки Сургутского гос. университета.

¹² Можно предположить, что недостаточность такого рода исследований связана с *негативным идеоло-*

гическим фоном в общественном сознании, обусловленным попытками использования теории вырождения германскими нацистами, попытками применения евгеники в социальном отборе и пр. [12]

результаты теории дегенерации–прогенерации. С другой, – дополняет ее введением понятия идеала естественного развития, а также операционализирует исследовательский инструментарий с помощью понятий: этническая функция представлений архаики, премодерна и модерна, степень этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Введение этих понятий позволяет на современном уровне интегрировать в науку результаты исследований в рамках теории дегенерации–прогенерации, анализировать развитие субъекта с помощью максимально широкого набора инструментов, включающих всю полноту трансцендентных, культурных и природных представлений в его ментальности; диагностировать конструктивную и деструктивную направленность развития целостного субъекта по показателям, выработанным в различных гуманитарных науках.

Важно, что предложенный подход позволяет осуществлять социально-психологическую и индивидуально-психологическую коррекцию и оптимизацию образной сферы субъекта. Ведущим практическим инструментом диагностики и оптимизации развития субъекта является повышение степени синтеза этноинтегрирующих хаотизирующих и космоизирующих представлений образной сферы субъекта.

Таким образом, теория дегенерации–прогенерации является вполне комплементарной концепции этнофункционального синтеза хаоса и

космоса, в чем восполняется разрыв в развитии медицинской и психологической науки, связанный с негативными идеологическими оценками, обусловленными «культурной позицией»¹³ ученых, адаптированных к реалиям соответствующих культурно-исторических периодов. «Культурные позиции» ученых часто отражают идеологическую специфику научной критики, замалчивание результатов и т.п., как это происходило и происходит, в частности, с теорией дегенерации–прогенерации [11; 12].

Важнейшим вкладом в развитие теории дегенерации–прогенерации, представленным в настоящей статье, является расширение использования природных, культурных и трансцендентных представлений для формирования психически, физически и нравственно целостного человека и общества на основе нового определения понятия «развитие», позволяющего осуществлять обоснованные научные прогнозы и терапию. Данная концепция является гуманитарной технологией, которая открывает возможность «мягкой» социальной и индивидуальной коррекции и психопрофилактики социально-нравственных, медицинских и психологических искажений развития. Следует отметить, что в отличие от многих проектов на тему формирования целостной и гармоничной личности и общества, представленные результаты имеют как гуманитарные, так и естественно-научные основания.

Литература:

1. Афонин Ю. Нужна ли России государственная идеология? // Свободная пресса. 25.05.2023. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/219008.html>
2. Баженов Н.Н. Символисты и декаденты. Психиатрический этюд. Москва: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Има-Пресс, 1990.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
5. Выготский Л.С. *Moralinsanity*. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. С. 150-152.

¹³ О.А. Гильбурд отмечает, что «Осуществлённое на основе эволюционных закономерностей антропологическое структурирование позволяет аргументировано дискриминировать ... культурально зависимую

инсайт-диагностику психических расстройств, – этническое бессознательное» [11, с.58]. Таким образом, делается вывод, что результат психиатрической диагностики может быть обусловлен культурально.

6. Выготский Л.С., Зиновьев П.М. Гениальность // Большая медицинская энциклопедия. Т.6. М., 1929. С. 612-615.
7. Гайденок П.П. Шеллинг // Филос. энцикл. словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 747-748.
8. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М.: 1933.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. Ч.1. 1816. URL:<https://studfile.net/pre-view/9754032/>
10. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2003.
11. Гильбурд О.А. Психиатрия мелкодисперсных популяций (аналитический обзор) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 3(72). С. 52-59.
12. Гильбурд О.А. Теория вырождения Б.О. Мореля и ее современные иллюстрации в семьях психически больных // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. №2. С.198-203.
13. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956.
14. Идеология. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идеология>
15. Ингель Ф.И., Ревазова Ю.А. Модификация эмоциональным стрессом мутагенных эффектов ксенобиотиков у животных и человека // Исследования по генетике. 1999. Вып. 12. С. 86-103.
16. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004.
17. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24-34.
18. Кречмер Э. Гениальные люди. М.: Академический проект, 1999.
19. Лобашов М.Е. Физиологическая (панкреатическая) гипотеза мутационного процесса // Вестник Ленингр. ун-та. Биология. 1947. № 8. С. 10-29.
20. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
21. Нордау М. Психофизиология гения и таланта. СПб.: Вестник знаний, 1908.
22. Нордау М. Вырождение. М.: Республика, 1995.
23. Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018.
24. Платон. Тимей. Соч. в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 455-543.
25. Плетнев-Кормушкин А.П. От патографии к эвропатологии // Человек. 2008. №1. С. 10-24.
26. Сегалин Г.В. Клинический анализ гениальности и одаренности. Т. 2, Вып. 4. Л.: 1926.
27. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблеме психического вырождения // Сибирский психологический журнал. 2003. №18. С. 11-23.
28. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008.
29. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
30. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. 2-е изд., перераб. и испр. М.: Когито-Центр, 2022.
31. Сухарев А.В. Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 120-128. DOI: [org/10.37816/2073-9567-2021-62-120-128](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-120-128).
32. Сухарев А.В. Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т.3. №1. С. 33-44. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_04
33. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т.12. №2. С.47-60. DOI: [10.17759/exppsy.2019120204](https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120204).

34. Холл С. Эволюция и воспитание чувства природы у детей. СПб.: Изд-во газеты «Школа и жизнь», 1914.
35. Челпанов Г.И. Мозг и душа. М.: Круг, 1994.
36. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1987. Т.1.
37. Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998.
38. Юдин Э.Г. Развитие // Филос. энцикл. словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 537.
39. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2014.
40. Esquirol E. Des maladies mentales considerees sous les rapports medical, hygieniqueet medico-legal. V. I. Paris: J.B. Balliere. 1858. Pp. 159-224.
41. Morel B.A. Traite des maladies mentales. Paris, 1860.

IS THERE A FUTURE FOR THE THEORY OF DEGENERATION-PROGENERATION: CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

© **Alexandr V. Sukharev**

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Socio-Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zavor753@mail.ru

The study was carried out according to the state assignment at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (№ 0138-2023-0010)

The article presents a cultural, psychological and philosophical analysis of the theory of degeneration-progeneration of the subject and the results of research on this topic. The analysis showed that the introduction into psychology of the concept of development as a return to the originally set natural ideal, on the one hand, combines the theory of degeneration-progeneration with the provisions and results of research of the individual and collective subject from the standpoint of the concept of ethno-functional synthesis of chaos and cosmos. On the other hand, this complementary concept, developing the theory of degeneration-progeneration, allows using a wide range of development parameters, such as archaic, premodern, modern representations, as well as special tools for optimizing this development for analysis, prediction and correction of the subject's behavior.

Keywords: individual and collective subject, archaic, premodern, modern, degeneration, progeneration

References

1. Afonin YU. (2023). Nuzhna li Rossii gosudarstvennaya ideologiya? [*Does Russia need a state ideology?*]. Svobodnaya pressa [*Free Press*]. 25.05.2023. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/219008.html>
2. Bazhenov N.N. (1899). Simvolisty i dekadenty. Psikhiatricheskij ehtyud [*Symbolists and decadents. A psychiatric study*]. Moscow: T-vo type. A.I. Mamontov.
3. Berdyaev N.A. (1990). Filosofiya neravenstva [*Philosophy of inequality*]. Moscow: Ima-Press.
4. Vygotskij L.S. (1982). Sobranie sochinenij: v 6 t. T.1. [Collected works: in 6 vols. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika.

5. Vygotskij L.S. (1983). *Moralinsanity*. Sobr. soch. V 6 t. T.5. [Moralinsanity. Collected works In 6 Vol. 5]. Moscow: Pedagogika, P. 150-152.
6. Vygotskij L.S., Zinov'ev P.M. (1929). Genial'nost' [Genius]. Bol'shaya medicinskaya ehnciklopediya. T.6. [The Great Medical Encyclopedia. Vol.6]. Moscow. P. 612-615.
7. Gajdenko P.P. (1989). Shelling [Schelling]. Filos. ehncikl. slovar'. 2-e izd [Philosophical encyclopedic dictionary. 2nd ed.]. Moscow: Sov. Ehnciklopediya [Soviet Encyclopedia]. P. 747-748.
8. Gannushkin P.B. (1933). Klinika psikhopatij, ikh statika, dinamika, sistematika [Clinic of psychopathies, their statics, dynamics, systematics]. Moscow.
9. Gegel' G.V.F. (1816). Lekcii po istorii filosofii. Kn.1. CH.1 [Lectures on the history of philosophy. Book 1. Part 1]. URL:<https://studfile.net/preview/9754032/>
10. Giddens EH. (2003). Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturizacii [The organization of society: an essay on the theory of structuring]. Moscow: Akad. proekt.
11. Gil'burd O.A. (2012). Psikhatriya melkodispersnykh populyacij (analiticheskij obzor) [Psychiatry of fine-dispersed populations (analytical review)]. Sibirskij vestnik psikhatrii i narkologii [Siberian Bulletin of Psychiatry and narcology]. № 3(72). P. 52-59.
12. Gil'burd O.A. (2016). Teoriya vyrozhdeniya B.O. Morelya i ee sovremennye illyustracii v sem'yakh psikhicheski bol'nykh [B.O. Morel's theory of degeneration and its modern illustrations in families of mentally ill]. Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura [Northern region: science, education, culture]. №2. P.198-203.
13. Disterveg A. (1956). Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House.
14. Ideologiya [Ideology]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ideologiya>
15. Ingel' F.I., Revazova YU.A. (1999). Modifikaciya ehemocional'nym stressom mutagennykh ehffektov ksenobiotikov u zhivotnykh i cheloveka [Modification of mutagenic effects of xenobiotics in animals and humans by emotional stress]. Issledovaniya po genetike [Research on genetics]. Issue. 12. P. 86-103.
16. Koplston F. (2004). Ot Fikhte do Nicshe [From Fichte to Nietzsche]. Moscow: Republic.
17. Kravchenko S.A. (2007). Modern i postmodern: «staroe» i novoe videnie [Modern and postmodern: "old" and new vision]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. № 9. P. 24-34.
18. Krechmer EH. (1999). Genial'nye lyudi [Brilliant people]. Moscow: Akademicheskij proekt [Academic project].
19. Lobashov M.E. (1947). Fiziologicheskaya (pankreaticheskaya) gipoteza mutacionnogo processa [The physiological (pancreatic) hypothesis of the mutation process]. Vestnik Leningr. un-ta. Biologiya [Bulletin of the Leningrad University. Biology]. № 8. P. 10-29.
20. Losev A.F. (1977). Antichnaya filosofiya istorii [Ancient philosophy of history]. Moscow: Nauka.
21. Nordau M. (1908). Psikhofiziologiya geniya i talanta [Psychophysiology of genius and talent]. SPb.: Vestnik znaniy [St. Petersburg.: Bulletin of Knowledge].
22. Nordau M. (1995). Vyrozhdenie [Degeneration]. Moscow: Respublika [Republic].
23. Osipov V.P. (2018). Kurs obshchego ucheniya o dushevnykh boleznyakh [Course of general teaching about mental illnesses]. SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef-PresS» [St. Petersburg: Alef-Press Publishing House].
24. Platon. (1971). Timej. Soch. v 3 t. [Timaeus. Works in 3 volumes]. Moscow: Mysl'. V. 3, part 1. P. 455-543.
25. Pletnev-Kormushkin A.P. (2008). Ot patografii k ehvropatologii [From pathography to evropathology]. Chelovek [Man]. №1. P. 10-24.
26. Segalin G.V. (1926). Klinicheskij analiz genial'nosti i odarennosti. T. 2, Vyp. 4. [Clinical analysis of genius and giftedness. Vol. 2, Issue 4]. Leningrad.

27. Sukharev A.V. (2003). Ehtnofunkcional'nyj podkhod k probleme psikhicheskogo vyrozhdeniya [*Ethno-functional approach to the problem of mental degeneration*]. Sibirskij psikhologicheskij zhurnal [*Siberian Psychological Journal*]. №18. P. 11-23.
28. Sukharev A.V. (2008). Ehtnofunkcional'naya paradigma v psikhologii [*Ethnofunctional paradigm in psychology*]. Moscow: Izd-vo «In-t psikhologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].
29. Sukharev A.V. (2017). Razvitie russkoj mental'nosti [*Development of Russian mentality*]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].
30. Sukharev A.V. (2022). Razvitie sub"ekta: Logos, kosmos i khaos. 2-e izd., pererab. i ispr [*Development of the subject: Logos, cosmos and chaos. 2nd ed., revised and corrected*]. Moscow: Kogi-to-Centr.
31. Sukharev A.V. (2021). Ehmpiricheskoe komparativnoe issledovanie mental'nosti Rossii i stran s razlichnymi pokazatelyami urovnya i tempov social'no-ehkonomicheskogo razvitiya [*Empirical comparative study of the mentality of Russia and countries with different indicators of the level and pace of socio-economic development*]. Vestnik slavyanskikh kul'tur [*Bulletin of Slavic Cultures*]. V. 62. P. 120-128. DOI: org/10.37816/2073-9567-2021-62-120-128.
32. Sukharev A.V. (2023). Analiz vzaimosvyazi social'no-psikhologicheskikh i social'no-ehkonomicheskikh kharakteristik stran mira s pozicij koncepcii sinteza khaosa i kosmosa [*Analysis of the relationship between socio-psychological and socio-economic characteristics of the countries of the world from the standpoint of the concept of synthesis of chaos and space*]. Uchenye zapiski Instituta psikhologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.3. №1. P. 33-44. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_04
33. Sukharev A.V., Timokhin V.V., Vydrina E.A., Shaporeva A.A. (2019). Rol' znachenij ehtnicheskoj funkcii predstavlenij lichnosti v izmenenii pokazatelej urovnya intellekta [*The role of the values of the ethnic function of personality representations in changing the indicators of the level of intelligence*]. Ehksperimental'naya psikhologiya [*Experimental psychology*]. V.12. №2. P.47–60. DOI: 10.17759/exppsy.2019120204.
34. Kholl S. (1914). Ehvoljuciya i vospitanie chuvstva prirody u detej [*Evolution and education of a sense of nature in children*]. SPb.: Izd-vo gazety «Shkola i zhizn'» [*Publishing house of the newspaper "School and life"*].
35. Chelpanov G.I. (1994). Mozg i dusha [*Brain and soul*]. Moscow: Krug.
36. Shelling F.V.J. (1987). Sochineniya: v 2-kh t [*Essays: in 2 volumes*]. Moscow: Mysl'. V.1.
37. Ehfroimson V.P. (1998). Genial'nost' i genetika [*Genius and genetics*]. Moscow: Russkij mir [*Russian World*].
38. Yudin E.H.G. (1989). Razvitie [*Razvitie*]. Filos. ehncikl. slovar'. 2-e izd [*Philos. the encyclopedia. dictionary. 2nd ed.*]. Moscow: Sov. Ehnciklopediya [*Soviet Encyclopedia*]. P. 537.
39. Yurevich A.V. (2014). Psikhologiya social'nykh yavlenij [*Psychology of social phenomena*]. Moscow: Izd-vo «In-t psikhologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].
40. Esqirrol E. (1858). Des maladies mentales considerees sous les rapports medical, hygieniqueet medico-legal. V.I. Paris: J.B. Balliere. P. 159-224.
41. Morel B.A. (1860). Traite des maladies mentales. Paris.

О ВОЗМОЖНОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ ПТСР СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ НА ФОНЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ПОПУЛЯЦИИ НОВОГО ВИРУСА SARS-CoV-2

© Новоселов В.М.

главный врач, АНО «Научно-медицинский геронтологический центр», Москва, Россия
Секция геронтологии МОИП при МГУ им М.В. Ломоносова
novoselovvm@mail.ru

Проведение специальной военной операции (СВО) на территории Украины ставит вопросы о вероятном прогнозе распространения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) среди участников боевых действий. Для анализа данного феномена были использованы архивные данные Наркомздрава РСФСР периода гражданской войны на фоне испанской болезни в 1918-1919 гг., а также публичная статистика распространения ПТСР у ветеранов вооруженных сил США с боевым опытом войн в Афганистане и Ираке, которые приведены в данной статье. В статье показано, что важным фактором развития ПТСР в современных условиях является появление в популяции нового вируса SARS-CoV-2.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), симптомы ПТСР, ПТСР и депрессия, ПТСР в армии США, специальные военные операции, SARS-CoV-2

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (далее ПТСР) – тяжёлое психическое состояние, возникающее в результате единичного события или повторяющихся событий, оказывающих сверхмощное негативное воздействие на психику человека. ПТСР было впервые систематизировано в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (DSM -III) в 1980 году, во многом под влиянием социальных последствий войны армии США во Вьетнаме.

Критерии DSM ПТСР оставались длительное время в основном неизменными до их обновления в 2013 году. ПТСР имеет сложные нейробиологические механизмы, что затрудняет его изучение и диагностику, а классификация данного расстройства и подходы к диагностике продолжают обсуждаться. ПТСР часто наблюдается у переживших насильственные события, стихийные бедствия, террористические атаки и войны, хотя также возможно пережить ПТСР и в результате нахождения на лечении в медицин-

ском учреждении. Также ПТСР может возникнуть в результате вторичного информационного воздействия, например, когда происходит несчастный случай с членом семьи. Большинство людей, подвергшихся подобной психической травме, испытывают ночные кошмары, тревогу и повышенную бдительность в течение одного месяца. Однако, примерно в 10-20% случаев такая симптоматика становится изнурительной и длительной, она проявляется в психологических, эмоциональных, физических, поведенческих и когнитивных способностях, мешает межличностному общению и выполнению профессиональных обязанностей.

ПТСР и военные операции

Наиболее часто ПТСР развивается у военнослужащих, которые подвергаются самому широкому спектру потенциально травмирующих событий. Первые важные исследования, которые сегодня можно отнести к изучению ПТСР, стали появляться во время Первой Мировой войны. Именно в эти годы было выявлено

большое количество комбатантов, у которых были проблемы со сном, памятью, беспричинный тремор и судороги. И хотя эти военнослужащие не имели видимых травм или ранений, тем не менее, они не могли продолжать участвовать в боевых действиях. Впервые данные симптомы попытался систематизировать британский психолог Ч.С. Майерс в журнале «Lancet» в 1915 году, где ввел термин «shell shock» (снарядный шок).

Самые выдающиеся неврологи и психиатры того времени обратили внимание на эти душевные болезни. Например, в России психологические проблемы участников Первой мировой и последующей за ней гражданской войны изучали выдающиеся психиатры и неврологи первой трети XX века В.М. Бехтерев, П.Б. Ганушкин и др. Изначально предполагалось, что эти душевные нарушения были вызваны волновым воздействием артиллерийских стрельб. Другая точка зрения предполагала, что психопатологическая симптоматика проявлялась только у тех военнослужащих, кто предрасположен к этому и имеет какие-либо личностные аномалии. Война же рассматривалась как фактор, только провоцирующий возникновение заболеваний нервной системы [3].

В истории гражданской войны в России есть цифры, которые можно с большой долей уверенности отнести к ПТСР. Например, в циркуляре об эвакуации душевно больных к месту жительства от 14 октября 1919 года указано, что по статистическим данным 10% эвакуированным из армии требуется неврологическая помощь. Такой же процент был среди возвращающихся из плена по данным Центропленбежа по данным «Невро-психиатрической комиссии при Невро-Психиатрическом Подотделе Наркомздрава» [6]. А в одном из упомянутых дел в архивах я увидел такую лаконичную фразу, что такой-то доктор «с 1915-1918 г. работал во фронтовых невропсихиатрических лечебных учреждениях». Не вызывает сомнений, что в них была значимая необходимость, раз при катастрофической нехватке медицинского персонала Российская империя тратила силы и средства на такую помощь.

Вот как говорится о работе невропсихиатрического подотдела Наркомздрава Советской России с пациентами, которые вероятно имели в современном понимании ПТСР: *«Подотделу пришлось в спешном порядке разработать план организации обмена, эвакуации, рассеивания душевнобольных военнопленных, а также заниматься рассеиванием и отправкой на родину душевнобольных бывшей армии и беженцев. Эвакуация производится в специальных вагонах в сопровождении специального медицинского персонала. Для помещения душевнобольных до их окончательного рассеивания по месту жительства подотдел имеет специальные госпитали в Москве и в провинции...»*

Не останавливаясь подробно на целом ряде вопросов, бывших на рассмотрении подотдела и получивших то или иное разрешение, следует указать на следующие из них: поднятие уровня ухаживающего за душевно-больными персонала, курсы для персонала, порядок обслуживания душевно-больных в больницах, использование окружных лечебниц, организация психиатрической помощи во вновь образуемых губерниях, санатории для травматиков и невротиков, содержание душевно-больных карательного отдела Нар. Комиссариата Юстиции, использование мобилизованных врачей психиатров и невропатологов по специальности, помощь душевнобольным Красной Армии...» [5].

Следующим этапом становления изучения ПТСР стал период Второй Мировой войны. А. Кардинер в 1941 году назвал изменения со стороны нервной системы, вызванные стрессом во время войн, хроническим военным неврозом. Он же наиболее полно первым описал симптоматику данного расстройства – возбудимость и раздражительность, фиксированность на травмирующих обстоятельствах события, острое реагирование на внезапные раздражители, предрасположенность к агрессии, неспособность управлять ею, уход от реальности [13].

На протяжении истории войн XX столетия врачи использовали разные термины – «душевной болезни», «солдатского сердца», «боевой усталости». В последние десятилетия происходит устойчивое замещение понятия «военный

невроз» на ПТСР или «комплексное ПТСР» в новой МКБ-11. Однако стоит отметить, что ни одно из предложенных ранее определений не может охватить всей палитры психических расстройств, возникающих у ветеранов боевых действий [8].

Симптомы и последствия ПТСР в условиях войны

В наши дни клинический диагноз ПТСР основывается на критериях Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5-е издание (DSM-5). Это диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 5-го издания, используемая в США с 2013 года. DSM-5 заменил DSM-IV-TR 2000 года, разрабатывается и публикуется Американской психиатрической ассоциацией.

Для удовлетворения диагностическим критериям ПТСР пациент должен прямо или косвенно столкнуться с травматическим событием, кроме того, у него должны наблюдаться симптомы по каждой из следующих категорий на протяжении периода времени равного или более одного месяца [7]:

Симптомы искажения (один или более из следующих симптомов):

- повторяющиеся, непроизвольные, навязчивые тревожные воспоминания;
- повторяющиеся тревожные сны (например, ночные кошмары) на тему события;
- пациент действует или ощущает себя так, как будто событие происходит снова; это могут быть разные ощущения, от флешбэков до полной потери осознания окружающей действительности;
- интенсивный психологический или физиологический дискомфорт при напоминании о травматическом событии (например, в виде звуков, похожих на те, что пациент слышал во время события, или в виде годовщины события).

Симптомы избегания (один или более из следующих симптомов):

- избегание мыслей, чувств или воспоминаний, связанных с событием;

- избегание действий, мест, разговоров или людей, которые вызывают воспоминания о событии;

Негативные последствия для когнитивной способности и настроения (два или более из следующих симптомов):

- потеря памяти о важных составляющих события (диссоциативная амнезия);
- стойкие и преувеличенные негативные убеждения или ожидания от самого себя, других или мира в целом;
- постоянные искаженные мысли о причине или последствиях травмы, что ведет к обвинению себя или других;
- стойкое негативное эмоциональное состояние (например, страх, ужас, гнев, чувство вины, стыд);
- значительное снижение интереса или участия в важных событиях;
- чувство разобщенности или отчуждения от других людей;
- стойкая неспособность испытывать положительные эмоции (например, счастье, удовлетворение, чувство любви).

Измененный уровень сознания и реактивности (два или более из следующих симптомов):

- трудности со сном;
- раздражительность или вспышки гнева;
- неразумное поведение или аутоагрессия;
- проблемы с концентрацией;
- повышенный старт-рефлекс;
- гипербдительность.

Кроме того, проявления должны вызывать существенный дискомфорт или значительно затруднять социальную или профессиональную деятельность, а также не должны быть связаны с физиологическим воздействием психоактивных веществ или другим заболеванием. Также нужно учитывать особенности проявлений ПТСР непрекращающихся боевых действий именно в современных условиях [2; 4]. В том числе важный фактор носит информационная составляющая гибридных войн начала XXI века.

Опыт изучения ПТСР в армии США

Текущие отчеты переписи населения США показывают, что в стране около 2,1 миллиона

военнослужащих действительной и резервной службы и 18 миллионов ветеранов армии [15]. С 11 сентября 2001 года 2,8 миллиона американских военнослужащих, находящихся на действительной военной службе в ВС США, были отправлены в Ирак и в Афганистан (также были отправки и в другие страны).

Широкомасштабные военные операции вооруженных сил США в Афганистане (2001-2021), в Ираке (2003-2011, армия США снова вошла в Ирак в 2016 году), которые включали в себя длительные наземные бои, впервые произошедшие после окончания войны во Вьетнаме. Война, которая длилась с 1955 по 1975, прямое участие армии США началось в 1965 и закончилось в 1973 году, подняла важные вопросы и особенности диагностики ПТСР.

Был сделан вывод, что медицинские работники должны принимать во внимание не только физические раны, которые могли получить эти ветераны армии США, но и такие как ПТСР и депрессия. Хотя депрессия не привлекает такого же внимания, как ПТСР, она остается одним из ведущих психических заболеваний в армии. Исследования показали, что до 9% всех обращений в амбулаторную сеть военно-медицинских учреждений связаны с депрессией. Было также показано, что не только сама военная среда может стать триггерным механизмом развития депрессии, но и разлука с близкими, стрессовая обстановка боевых операций, и видение себя и других в опасности – все эти элементы, которые увеличивают риск депрессии у лиц, находящихся на действительной военной службе, и у ветеранов. В военных медицинских учреждениях США наблюдался рост с 11,4% пациентов с диагнозом депрессия до 15% после развертывания армии в Ираке или Афганистане.

Большая депрессия проявляется многими симптомами, в том числе подавленным настроением, потерей интереса к деятельности, бессонницей, потерей или набором веса, психомоторной заторможенностью, утомляемостью, снижением способности концентрироваться, мыслями о бесполезности и мыслями о самоубийстве. Эти симптомы объединяются, чтобы значительно повлиять на способность пациентов полноценно

участвовать в боевых действиях. Поэтому крайне важно для врача и медицинского персонала правильно провести скрининг, идентифицировать и провести соответствующее лечение, особенно среди военнослужащих, проходящих действительную службу, и ветеранов вооруженных сил.

Уровень самоубийств среди ветеранов армии США сегодня находится на самом высоком уровне в истории страны: ежегодно самоубийства совершают более 6000 ветеранов в год. Общий уровень самоубийств в Соединенных Штатах увеличился на 30% в период с 1999 по 2016 год. Исследование, проведенное в 27 штатах, показало, что 17,8% всех зарегистрированных самоубийств были совершены ветеранами вооруженных сил США. Министерство по делам ветеранов США опубликовало данные в 2016 году, согласно которым уровень самоубийств среди ветеранов в 1,5 раза выше, чем среди прочего населения. При этом исследования показали, что у ветеранов самый высокий риск самоубийства в течение первого года после увольнения с военной службы в армии.

В вооруженных силах США уровень самоубийств удвоился в период с 2000 по 2012 год, но с 2012 года не произошло заметных изменений в годовом уровне: примерно 19,74 смертей на 100 000 военнослужащих.

Исследование военнослужащих США показало, что примерно 30% совершенных самоубийств и около 20% смертей из-за рискованного поведения были связаны с употреблением алкоголя или наркотиков. Среди населения США в целом алкоголь является четвертой по значимости причиной предотвратимой смерти, а 31% смертельных случаев, связанных с вождением, связаны с алкогольным опьянением. Был проведен анонимный опрос среди 2530 военнослужащих четырех боевых пехотных подразделений армии США (3 армейских подразделения и подразделение морской пехоты) до их отправки в Ирак. Также опросили 3671 военнослужащего через 3–4 месяца после их возвращения из зоны боевых действий в Ираке или Афганистана. Процент испытуемых, ответы которых соответствовали критериям депрессии, генера-

лизированной тревоги или ПТСР, был значительно выше после службы в Ираке (от 15,6% до 17,1%), чем после службы в Афганистане (11,2%) или до отправки в Ирак (9,3%). Интересно и то, что только от 23% до 40% военнослужащих с диагностированной патологией обратились за психиатрической помощью [10; 12].

ПТСР и SARS-CoV-2

Отличие представленных цифр распространения ПТСР у военнослужащих прошлых войн США в Афганистане и Ираке от военнослужащих на территории Украины в том, что в настоящее время ПТСР у военнослужащих в зоне СВО протекает на фоне появления в популяции нового заболевания, вызываемого вирусом SARS-CoV-2. Например, различные аспекты ПТСР стали особенно актуальными для жителей Луганской Народной Республики не только в связи с длительным военным конфликтом, но и с механизмами патогенеза нового коронавирусного заболевания. Это не исключает и того, что ПТСР легче формируется у перенесших данное заболевания [1]. Данный факт приводит к увеличению пациентов с ПТСР.

Подобный феномен был отмечен в 1918 году, когда эпидемия испанской болезни привела к увеличению военнослужащих с душевными болезнями в два раза [5]. Историк медицины Марк Хонигсбаум указал, что с середины 1890-х и до испанской болезни 1918-1919 гг. в британских медицинских журналах было множество сообщений о доведенных до грани безумия нервными последствиями гриппа. Это была определенная особенность того вирусного заболевания в тех условиях [11; 13; 14].

У пациентов с тяжелыми формами течения COVID-19 сам по себе повышен риск возникновения ПТСР. Оценка выраженности симптомов ПТСР у пациентов с COVID-19 после лечения в стационаре проводится в разных странах и является важной основой для планирования реабили-

литационных мероприятий с этим контингентом. Например, при обследовании пациентов НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского для оценки степени восстановления спустя от одного до нескольких месяцев после лечения коронавирусной инфекции в условиях стационара использовали опросник посттравматического стресса PCL-5, опросники тревоги и депрессии А. Бека, «Дистресс-термометр» – скрининговый инструмент, разработанный для субъективной оценки эмоционального дискомфорта пациентов с заболеваниями, представляющими угрозу для жизни, и выявления факторов этого дискомфорта, а также методический комплекс для оценки сохранности когнитивных функций. Было показано, что на риск возникновения симптомов ПТСР оказывают значимое влияние следующие психологические факторы: конфликты с близкими и страх стигматизации, финансовые трудности и изменение жизненных перспектив, риски осложнений и низкая доступность квалифицированной помощи [9].

Заключение

Таким образом, на основании анализа представленных данных можно предполагать формирование ПТСР у 10-17% военнослужащих, участвующих в СВО на территории Украины. Эта цифра не зависит от времени и страны, где проходят военные действия, но, по-видимому, зависит от активности боевых действий. Одновременно, можно предполагать, что в группе военнослужащих, переболевших новой коронавирусной инфекцией, ПТСР будет формироваться с большей вероятностью. Эти пациенты требуют особого внимания со стороны медицинского персонала. Автору данной статьи неизвестны какие-либо исследования, в которых оценивалась бы предполагаемая потребность в психологической и психиатрической помощи военнослужащим до или после боевого развертывания во время СВО на территории Украины.

Литература:

1. Балицкая-Крещенко Т.В., Дариенко А.Д. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) как одна из причин перенесенной ковидной пневмонии // Вестник Луганской Академии Внутренних дел им. ЭА. Дидоренко. 2023. №1(14). С. 169-176.
2. Дергачева О.С., Медведева Н.И. Психологические особенности проявлений ПТСР у участников боевых действий // Приднепровский научный вестник. 2022. Т. 2. № 11. С. 78-81.
3. Киркитадзе Э.Е., Халфина Р.Р. История происхождения ПТСР // Образовательный процесс. 2018. № 4(6). С. 20-25.
4. Корнеева А.И. Особенности проявлений ПТСР в условиях непрекращающихся боевых действий // В сборнике: Психология и педагогика семьи. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 28-34.
5. Новоселов В.М. Испанка в Советской России 1918-1919 гг. (документальные хроники эпидемии). Москва: ГЭОТАР-Медиа. 2022. DOI: 10.33029/9704-6776-3-SPA-2022-1-272.
6. Положения, циркуляры и инструкции Народного комиссариата здравоохранения: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Гос. изд-во, 1921.
7. Справочник MSD. <https://www.msmanuals.com/ru>
8. Сыропятов О.Г., Дзеружинская Н.А. О концепции «Боевых психических расстройств» // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. Т. 30. № 3. С. 68-72.
9. Холмогорова А.Б., Рахманина А.А., Пуговкина О.Д., Рой А.П., Истомин М.А., Авакян Т.В., Карчевская Н.А., Петриков С.С. Посттравматический стресс у пациентов с COVID-19 после лечения в стационаре // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 3. С. 58-67.
10. Hoge C.W., Castro C.A., Messer S.C., McGurk D., Cotting D.I., Koffman R.L. Combat duty in Iraq and Afghanistan, mental health problems and barriers to care // New England Journal of Medicine. 2004. №351(1). P.13-22. DOI: 10.1056/NEJMoa040603.
11. Honigsbaum M. A History of the Great Influenza Pandemics: Death, Panic and Hysteria, 1830–1920. London: I.B. Tauris, 2014.
12. Inoue C., Shawler E., Jordan C.H., Jackson C.A. Veteran and Military Mental Health Issues. 2021. Stat Pearls.
13. Kardiner A. The Traumatic Neuroses of war. N.Y.: Paul Hoeber, 1941.
14. Menninger K.A. Psychoses associated with influenza: statistical analysis // Journal of the American Medical Association. 1919. №72(4). P.235-241. DOI: 10.1001/jama.1919.02610040001001.
15. <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2020/veterans-report.html>
16. <https://www.statpearls.com/ArticleLibrary/viewarticle/131236>

ABOUT THE POSSIBLE SPREAD OF PTSD AMONG MILITARY PARTICIPANTS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE AND INFLUENCE SARS-CoV-2

© Valery M. Novoselov

Chief Physician, Scientific Medical Gerontological Center, Moscow, Russia

Section of Gerontology at Moscow State University

novoselovvm@mail.ru

The conduct of a special military operation on the territory of Ukraine raises questions about the probable forecast of the spread of PTSD (post-traumatic stress disorder) among participants in hostilities. To analyze this phenomenon, the People's Commissariat of Health of the RSFSR used data from the period of the civil war against the background of the Spanish disease in 1918-1919, as well as public statistics on the spread of PTSD among veterans of the United States armed forces with combat experience in the wars in Afghanistan and Iraq, which are given in this article. The article shows that an important factor in the development of PTSD in modern conditions is the appearance of a new virus SARS-CoV-2 in the population.

Keywords: post-traumatic stress disorder (PTSD), symptoms of PTSD, PTSD and depression, PTSD in the U.S. Army, special military operations, SARS-CoV-2

References

1. Balickaya-Kreshchenko T.V., Darienko A.D. (2023). Postravmaticheskoe stressovoe rasstrojstvo (PTSR) kak odna iz prichin perenesennoj kovidnoj pnevmonii [*Post-traumatic stress disorder (PTSD) as one of the causes of covid pneumonia*]. Vestnik Luganskoj Akademii Vnutrennikh del im. EHA. Didorenko [*Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after EA. Didorenko*]. №1(14). P. 169-176.
2. Dergacheva O.S., Medvedeva N.I. (2022). Psikhologicheskie osobennosti proyavlenij PTSR u uchastnikov boevykh dejstvij [*Psychological features of manifestations of PTSD in combatants*]. Pridneprovskij nauchnyj vestnik [*Pridneprovsky scientific bulletin*]. V.2. № 11. P. 78-81.
3. Kirkitadze E.H.E., Khalfina R.R. (2018). Istoriya proiskhozhdeniya PTSR [*The history of the origin of PTSD*]. Obrazovatel'nyj process [*Educational process*]. № 4(6). P. 20-25.
4. Korneeva A.I. (2018). Osobennosti proyavlenij PTSR v usloviyakh neprekrashchayushchikhsya boevykh dejstvij [*Features of manifestations of PTSD in conditions of incessant hostilities*]. V sbornike: Psikhologiya i pedagogika sem'i. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [*In the collection: Psychology and pedagogy of the family. Materials of the III International Scientific and Practical Conference*]. P. 28-34.
5. Novoselov V.M. (2022). Ispanka v Sovetskoj Rossii 1918-1919 gg. (dokumental'nye khroniki ehpidemii) [*Spanish in Soviet Russia 1918-1919 (documentary chronicles of the epidemic)*]. Moscow: GEHOTAR-Media. DOI: 10.33029/9704-6776-3-SPA-2022-1-272.
6. Polozheniya, cirkulyary i instrukcii Narodnogo komissariata zdravookhraneniya: Rossijskaya Socialisticheskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika [*Regulations, circulars and instructions of the People's Commissariat of Health: The Russian Socialist Federative Soviet Republic*]. State Publishing House, 1921.
7. Spravochnik MSD [*MSD specialist*]. <https://www.msdmanuals.com/ru>

8. Syropyatov O.G., Dzeruzhinskaya N.A. (2020). O koncepcii «Boevykh psikhicheskikh rasstrojstv» [*On the concept of "Combat mental disorders"*]. Social'naya i klinicheskaya psikhiatriya [*Social and clinical psychiatry*]. V.30. № 3. P. 68-72.
9. Kholmogorova A.B., Rakhmanina A.A., Pugovkina O.D., Roj A.P., Istomin M.A., Avakyan T.V., Karchevskaya N.A., Petrikov S.S. (2021). Posttravmaticheskiy stress u pacientov s COVID-19 posle lecheniya v stacionare [*Mathematical struggle in patients with COVID-19 after treatment in a hospital*]. Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstrojstv [*The modern theory of psychology*]. № 3. P. 58-67.
10. Hoge S.W., Castro C.A., Messer S.C., McGurk D., Cotting D.I., Koffman R.L. (2004). Combat duty in Iraq and Afghanistan, mental health problems and barriers to care. *New England Journal of Medicine*. №351(1). P.13-22. DOI: 10.1056/NEJMoa040603.
11. Honigsbaum M. (2014). A History of the Great Influenza Pandemics: Death, Panic and Hysteria, 1830–1920. London: I.B. Tauris.
12. Inoue C., Shawler E., Jordan C.H., Jackson C.A. (2021). Veteran and Military Mental Health Issues. *Stat Pearls*.
13. Kardiner A. (1941). The Traumatic Neuroses of war. N.Y.: Paul Hoeber.
14. Menninger K.A. (1919). Psychoses associated with influenza: statistical analysis. *Journal of the American Medical Association*. №72(4). P.235-241. DOI: 10.1001/jama.1919.02610040001001.
15. <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2020/veterans-report.html>
16. <https://www.statpearls.com/ArticleLibrary/viewarticle/131236>

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТИЛИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

© Скворцов Д.С.

магистр психологии, НОЧУ ВО Московский институт психоанализа, Москва, Россия
dmitry.skvortsov@gmail.com

© Гордякова О.В.

кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии,
НОЧУ ВО Московский институт психоанализа, Москва, Россия
o_gordyakova@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследования связи индивидуального коммуникативного стиля с предпочтением типа организационной культуры специалистов по связям с общественностью. Научная значимость состоит в обновлении знаний о проблеме коммуникативного стиля и организационного поведения. В результате проведенного исследования в средних и крупных организациях (коммерческих и государственных) было выявлено, что наиболее предпочитаемой среди российской специалистов по связям с общественностью оказалась клановая организационная культура, а наименее привлекательная – иерархическая. Среди предпочитающих клановую организационную культуру больше женщин, среди предпочитающих рыночную – мужчин. При предпочтении адхократической и иерархической культуры нет различий по полу. Было показано, что предпочтения организационной культуры не связаны с возрастом и стажем. Установлено также, что специалисты, предпочитающие клановую культуру, более последовательны и уверены в своем выборе. Исследование может иметь практический интерес для кадровой политики, поскольку коммуникативная составляющая имеет высокую значимость в деловой среде.

Ключевые слова: корпоративная культура, деловое общение, коммуникативный стиль, коммуникативные стратегии, коммуникативные характеристики личности

Введение

В настоящее время в структуре общения его коммуникативная составляющая привлекает наибольший интерес организационных психологов. Понятия «общение» и «коммуникация» сближаются через категории межличностного взаимодействия и информационного обмена (в широком смысле слова, включая обмен чувст-

вами, эмоциями, настроениями), в результате чего трансформируются и уточняются в понятии «межличностная коммуникация». Несмотря на различия в трактовках понятий, для анализа характеристик взаимодействия в проблематике организационной психологии термин «коммуникация» сегодня употребляется чаще, чем «общение» [1; 4; 5].

В 90-е гг. XX в. был предложен термин «коммуникативное поведение» для описания особенностей коммуникации, норм и традиций различных по размеру социальных групп и отдельных индивидов [11]. В условиях коммуникации человека могут формироваться устойчивые формы поведения в зависимости от того, где и с кем происходит общение.

Под коммуникативным стилем обычно понимается относительно устойчивая индивидуальная комбинация поведения субъекта в большинстве типичных ситуаций взаимодействия, обусловленная его индивидуально-личностными особенностями, целями и ситуациями общения [8]. Стил коммуникации определяется совокупностью внешних и внутренних факторов (личностными особенностями, мировоззрением, положением в обществе), проявляется в коммуникативном поведении и описывается через различные значимые для общения категории (например, коммуникабельность, доброжелательность, эмпатию, агрессивность и пр.). Понятие коммуникативного стиля означает привычные, устойчивые способы поведения, присущие человеку, которые он реализует во взаимоотношениях с другими людьми.

В компаниях с разными организационными средами практикуются разные модели внешних и внутренних деловых коммуникаций. Исследователи отмечают важность согласованности индивидуальных ценностей и предпочтений сотрудником типа организационной культуры, от чего зависит психологическое самочувствие и эффективность сотрудника [3; 7; 15].

Характеристики понятий коммуникативного стиля и организационной культуры сопряжены. В организации практические цели работы определяются взаимосвязью феноменов организационной культуры и коммуникативных стратегий. Исследователи отмечают, что существует взаимообусловленная связь организационной культуры и стилей коммуникации специалистов [2; 6; 14].

На основе изучения различных теоретических подходов в нашем исследовании была

выдвинута общая гипотеза о том, что при разных предпочтениях типа организационной культуры специалистами по связям с общественностью им свойственны разные коммуникативные стили. Общая гипотеза конкретизируется в частных, подлежащих эмпирической проверке. В них сконцентрированы центральные признаки коммуникативного стиля при предпочтении каждой из четырех организационных культур.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей коммуникативных стилей специалистов по связям с общественностью при различных предпочтениях типа организационной культуры.

Метод исследования

Для проведения эмпирического исследования был использован комплекс диагностических методик: методика диагностики типа организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна (Organizational Culture Analyze Instrument, OCAI); опросник межличностных отношений В.В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишникова; диагностика индивидуального стиля межличностного поведения Т. Лири в адаптации Л.Н. Собчик; методика «Направленность личности в общении» С.Л. Братченко; методика «Поведение в конфликте» К. Томаса, Р. Килмана в адаптации Н.В. Гришиной; методика оценки переговорного стиля (МОПС) Г.У. Солдатовой и А.Ф. Гасимова.

В исследовании приняли участие сотрудники средних и крупных компаний и организаций различной направленности из крупных городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, Казани, Екатеринбурга, а также сетевые компании. Сбор данных осуществлялся в электронном виде в формате Google-форм.

В исследовании участвовали 80 человек (из них 32 мужчины и 48 женщин), специалисты по связям с общественностью. Возрастной состав респондентов – от 24 до 40 лет (средний возраст 29,5 лет). Стаж работы участников исследования от 2 до 10 лет (средний стаж 5,2

лет). Все респонденты с высшим образованием.

Результаты исследования

В результате изучения типа организационной культуры по методике OCAI было выявлено предпочтение клановой организационной культуры. Ее доля составляет 35,19%. Наименее привлекательная организационная культура – иерархическая с совокупной долей выборов 19,72%.

Из таблицы 1 видно, что доли выборов по каждой из организационных культур по разным характеристикам похожи, а колебания между предпочтениями незначительны. Определение предпочтения типа организационной культуры проводилось на основе наибольшего

балла всех характеристик организационных культур.

Корреляционный анализ показал, что предпочтения клановой организационной культуры и иерархической обратно взаимосвязаны с остальными типологическими приоритетами ($p \leq 0,01$). То есть клановая культура некоторым образом противопоставлена всем остальным: чем выше предпочтения ценностей и стандартов клановой культуры, тем менее респондент склонен сочетать их с ценностями других типов культур. Иными словами, те, кто выбирает клановую культуру, более последовательны и уверены в своем выборе, а те, у кого преобладают остальные типы, имеют более сглаженные распределения предпочтений.

Таблица 1. Распределение респондентов по предпочтениям типов организационной культуры (%)

Тип организационной культуры	А клановая	В адхократическая	С рыночная	Д иерархическая
Параметр организационной культуры				
1. Важнейшие характеристики	35,13	22,19	22,94	19,75
2. Стилль лидерства в организации	36,73	23,41	21,69	18,24
3. Управление сотрудниками	35,34	25,81	19,54	19,31
4. Связующая сущность организации	35,84	23,83	20,23	20,11
5. Стратегические цели	34,73	25,46	20,68	19,14
6. Критерии успеха	33,40	23,85	20,96	21,79
Средние значения	35,19	24,08	21,00	19,72

Сравнение выборов мужчин и женщин показало, что среди тех, кто предпочитает клановую организационную культуру, больше женщин. Среди тех, кто предпочитает рыночную организационную культуру больше мужчин. В результате исследования не было обнаружено взаимосвязи предпочтения организационной культуры с возрастом и стажем респондентов.

Результаты по опроснику межличностного общения Шутца показали, что в группах, предпочитающих разные организационные культу-

ры, различается (по среднегрупповым показателям) и распределение показателей по уровням направленности поведения в межличностном общении.

При предпочтении клановой и иерархической культур и выраженное, и требуемое поведение в области аффекта выше, чем при предпочтении адхократической и рыночной. И выраженное, и требуемое поведение в области аффекта особенно сильно при предпочтении клановой культуры. Группа с предпочтением

рыночной культуры отрывается от остальных в сторону более выраженного поведения в области контроля. Также в ней нет респондентов с низким уровнем контроля, которые имеются в других группах.

Наряду с типологическим был проведен корреляционный анализ. На корреляционной плеяде (рис. 1) отражены наличие и теснота взаимосвязей между предпочитаемыми характеристиками организационной культуры и поведением в областях межличностных потребностей.

В результате было показано, что:

– чем больше в структуре предпочтений характеристик клановой культуры, тем сильнее стремление быть в близких отношениях с другими и проявлять к ним теплые и дружеские чувства ($r=0,26$; $p=0,018$); меньше стремление контролировать и влиять на окружающих ($r=-0,23$; $p=0,043$).

– чем сильнее предпочтение характеристик адхократической культуры, тем меньше интенсивность потребности в стремлении создавать и поддерживать эмоционально теплые и близкие отношения с другими ($r=-0,24$; $p=0,033$);

– чем сильнее предпочтение характеристик рыночной культуры, тем слабее потребность быть в близких отношениях с другими ($r=-0,23$; $p=0,039$); сильнее стремление контролировать и влиять на окружающих ($r=0,35$; $p=0,002$); выше вероятность внутренних конфликтов и фрустрации в сфере контроля и влияния в отношениях с окружающими ($r=0,29$; $p=0,010$);

– чем сильнее предпочтение характеристик иерархической культуры, тем больше внимание к различного рода потребностям, связанным с властью, контролем, распределением ответственности ($r=0,23$; $p=0,039$).

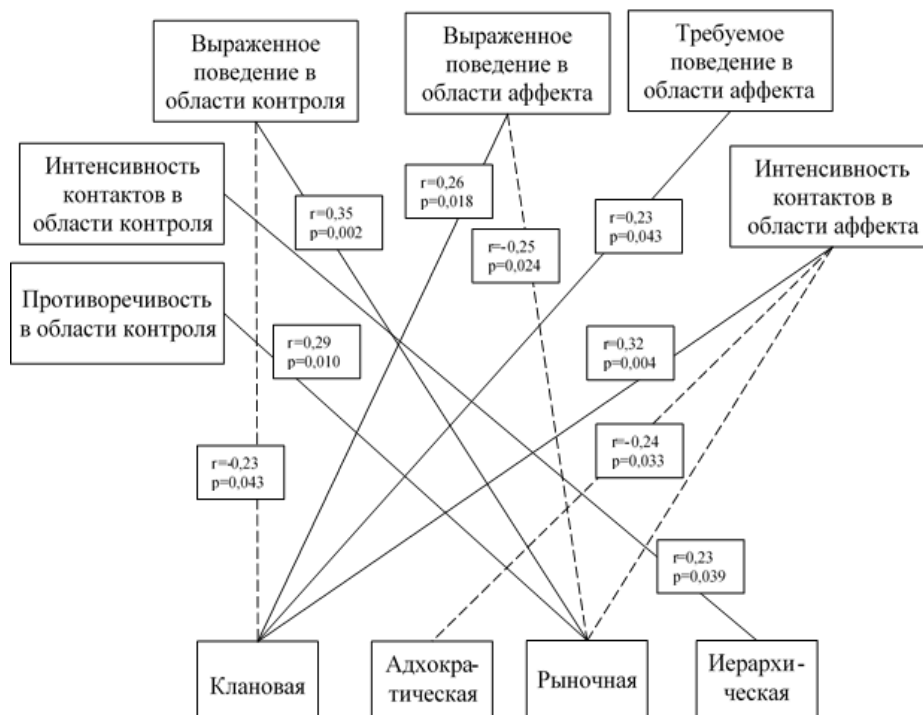

Рис. 1. Наличие и теснота взаимосвязей между типом поведения и предпочитаемыми типами организационной культуры

В результате диагностики по опроснику межличностных отношений Т. Лири было выявлено, что по ряду качеств имеются пере-

косы в группах, предпочитающих разные организационные культуры. Так, в группе предпочитающих клановую культуру 40%

респондентов демонстрируют высокий неадаптивный уровень дружелюбия, а 66% – высокий неадаптивный уровень альтруизма. Высокий неадаптивный показатель дружелюбия и альтруизма наблюдается также в группе с предпочтением адхократической культуры.

В группе тех, кто предпочитает иерархическую культуру, высокий показатель подозрительности у 46%, агрессивность у 53%, подчиняемость у 39%. В результате складываются средние значения по качествам, характерным для межличностных отношений.

В группе специалистов с предпочтением иерархической культуры выше подозрительность и агрессивность. Подчиняемость выше у тех, кто предпочитает иерархическую культуру и ниже у тех, кто предпочитает рыноч-

ную. Также у предпочитающих рыночную культуру сильнее проявляется эгоистичность.

Средние показатели самооценок качеств, характеризующих межличностное взаимодействие, находятся в зоне адаптивных значений, за исключением характеристики «альтруистический»: в группе с предпочтением клановой культуры ее среднегрупповой показатель соответствует высокому уровню.

По интегральному индексу «доминирование» у всех групп значение выше нуля, что свидетельствует о выраженном стремлении человека к лидерству в общении. У предпочитающих клановую и рыночную культуры доминирование выше, чем у тех, кто предпочитает адхократическую и иерархическую (рис. 2).

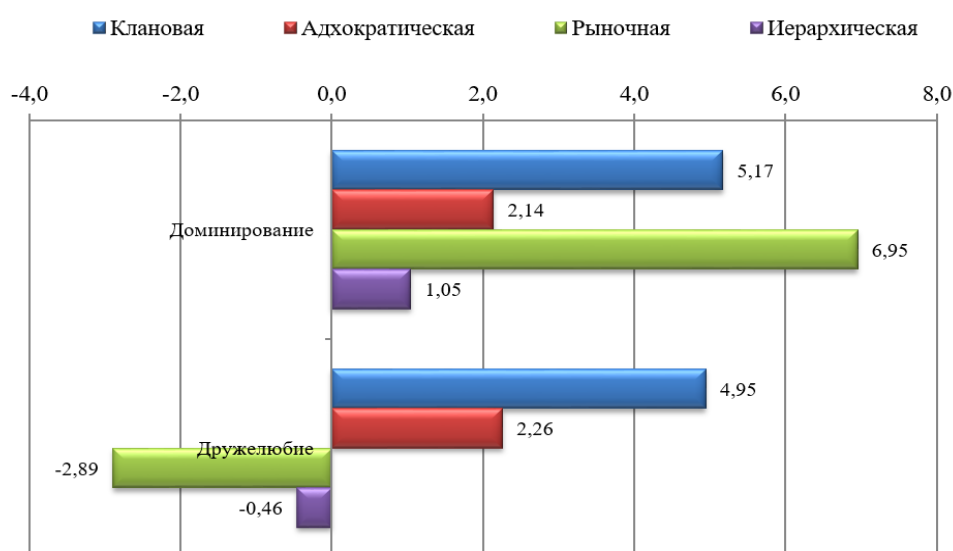

Рис. 2. Среднегрупповая выраженность интегральных индексов характеристик межличностного общения в группах с разными предпочтениями организационной культуры (баллы)

По индексу «дружелюбие» в группах с предпочтением клановой и адхократической культур выявлены значения с положительным знаком, что указывает на стремление к сотрудничеству с окружающими. При предпочтении рыночной и иерархической культур значения отрицательные, что указывает на агрессивно-конкурентную позицию.

На рис. 3 представлены результаты корреляционного анализа между предпочитаемыми характеристиками организационной культуры и характеристиками межличностного общения. Показано, что:

– предпочтение черт клановой культуры сопряжено с более выраженной альтруистич-

ностью ($r=0,36$; $p=0,001$) и меньшей эгоистичностью ($r=-0,22$; $p=0,048$);

– чем выше предпочтение качеств рыночной культуры, тем больше самооценок респондентов как авторитарного ($r=0,23$; $p=0,039$), эгоистического ($r=0,24$; $p=0,035$) и меньше как альтруистического ($r=-0,38$; $p=0,001$);

– рост количества предпочтений характеристик иерархической культуры сопряжен с повышением подозрительности ($r=0,26$; $p=0,02$) и снижением альтруистичности ($r=-0,22$; $p=0,049$);

– предпочтение адхократической культуры не коррелирует с характеристиками межличностного общения.

По методике С.Л. Братченко выявлено, что в профиле монологических стратегий при предпочтении клановой, адхократической и иерархических организационных культур преобладает манипулятивная направленность общения. При этом в группе с предпочтением клановой культуры манипулятивная направленность немного ниже, чем в группах с предпочтениями адхократической и иерархической культур, и несколько выше альтероцентристская и конформная направленности общения.

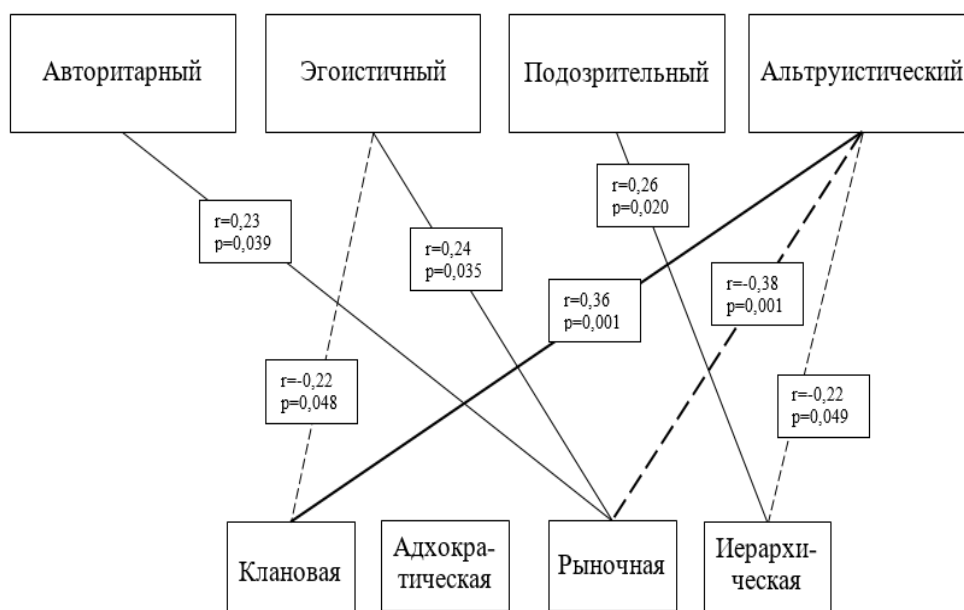

Рис. 3. Наличие и теснота взаимосвязей между типами межличностного общения и предпочитаемыми типами организационной культуры

При предпочтении рыночной культуры чаще проявляется тип общения, при котором доминирует ориентация на сугубо деловые вопросы. Однако указанные различия не достигают уровня значимости, о них можно говорить на уровне тенденций.

Корреляционный анализ показал наличие только одной обратной связи между предпочтением характеристик адхократической орга-

низационной культуры и авторитарным стилем общения ($r=-0,22$; $p=0,045$).

Согласно результатам по методике поведения в конфликте К. Томаса, Р. Килмана, профили групп с разным типом предпочтения организационной культуры наиболее отличаются друг от друга по показателю «конфронтация» и сходны по распределению остальных стратегий.

Во всех группах редко проявляется стратегия приспособления. В группе с предпочтением рыночной культуры преобладает стратегия конфронтации. В группе с предпочтением иерархической культуры стратегии сотрудничества, компромисса и уклонения проявляются на равной степени, а стратегия конфронтации выражена в наименьшей степени. В группе с предпочтением клановой культуры преобладающей стратегией является сотрудничество. В группе с предпочтением адхократической культуры на первом месте оказывается стратегия уклонения, и чуть реже – сотрудничество.

На рис. 4 представлены результаты корреляционного анализа между предпочитаемыми

характеристиками организационной культуры и стратегиями поведения в конфликте. Показано, что в конфликтной ситуации:

- чем выше предпочтение черт клановой культуры, тем ниже конфронтация ($r=-0,30$; $p=0,008$) и выше сотрудничество ($r=0,28$; $p=0,012$);
- чем больше предпочтение адхократической культуры, тем сильнее уклонение ($r=0,22$; $p=0,05$);
- прямо коррелируют с конфронтацией предпочтение рыночной ($r=0,36$; $p=0,001$) и иерархической ($r=0,25$; $p=0,023$) культур.

Рис. 4. Наличие и теснота взаимосвязей между стратегиями поведения в конфликте и предпочитаемыми типами организационной культуры

По методике оценки переговорного стиля А.Ф. Гасимова выявлено, что для представителей коммуникативных профессий, предпочитающих клановую, адхократическую и иерархическую организационные культуры, более характерны переговорные стили, ориентированные на интеграцию, поиск совместных выгод для всех сторон, нацеленность на долгосрочное сотрудничество, и менее характерен дистрибутивный стиль с преобладанием личных интересов над социальными, отсутствием заботы о других. Для предпочитающих рыноч-

ную организационную культуру показатели всех переговорных стилей находятся примерно на одном уровне.

Корреляционный анализ (рис. 5) показал, что предпочтению характеристик клановой культуры сопутствуют переговорные стили, предполагающие принятие другого, поддержку атмосферы доверия, социальный интерес, возможности идти на уступки ($r=0,33$; $p=0,003$), обмен информацией, стремление к совместному решению проблем ($r=0,28$; $p=0,0143$).

Чем больше приверженность адхократической культуре, тем реже субъект нацелен на максимизацию собственной прибыли в ущерб другому ($r=-0,23$; $p=0,044$).

Преобладание личных интересов в ущерб другому, недоверие, отсутствие альтернатив, сокрытие информации взаимосвязаны с предпочтением черт иерархической ($r=0,27$; $p=0,015$), и, еще сильнее, рыночной организационных культур ($r=0,26$; $p=0,018$).

Применение факторного анализа показало, что предпочтения клановой (факторный вес 0,833), рыночной (факторный вес -0,723) и иерархической (факторный вес -0,502) организационной культуры опосредованы общим источником.

Вместе с предпочтениями указанных типов организационных культур в фактор входит потребность в установлении близких отношений с окружающими (факторный вес 0,550). Таким образом, можно утверждать, что аффективная составляющая межличностных отношений в виде выраженной потребности в близких отношениях превалирует при предпочтении клановой культуры, а предпочтение рыночной и иерархической культур в существенной мере опираются на дистантные межличностные отношения. Остальные коммуникативные комплексы могут надстраиваться над потребностью в аффекте в разных вариациях.

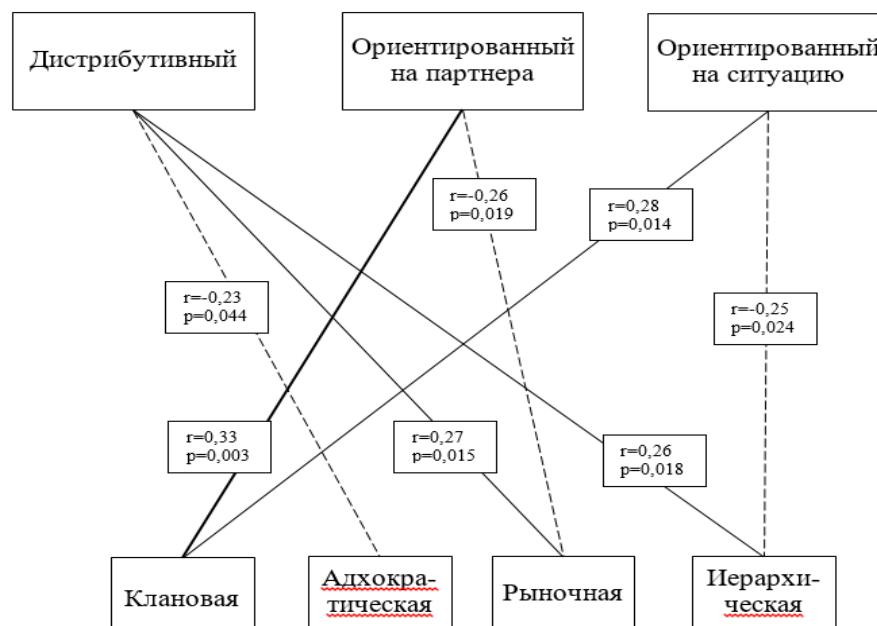

Рис. 5. Наличие и теснота взаимосвязей между стратегиями переговорного стиля и предпочитаемыми типами организационной культуры

Предпочтение характеристик адхократической культуры (факторный вес -0,761) входит в общий фактор с уклоном (факторный вес -0,659). Это может свидетельствовать о связанности предпочтений адхократической культуры с потребностью взаимной заинтересованности партнеров по общению в предмете переговоров; а при сколько-нибудь значитель-

ном расхождении целей, угасание интереса к делу.

Также факторный анализ показал, что имеется несколько устойчивых комплексов коммуникативных качеств.

Анализ результатов

В литературных источниках преимущественно исследуются оценки организационной культуры и редко ее предпочтения, а также напрямую не обсуждается проблема соотношения предпочтений типа организационной культуры и коммуникативных стилей.

Существует мнение, что немалая часть сотрудников стремится минимизировать усилия, поскольку не верит в успех работы на результат. Полученные нами результаты предпочтения клановой организационной культуры согласуются с результатами О.А. Сапожниковой [10]. Автором было показано, что большинство сотрудников (от 60 до 90%) предпочитает усилить степень выраженности ценностей кланового типа культуры. Исследование проводилось в 9 организациях, в которых сотрудники (от 54% до 81%) проявили тенденцию к снижению предпочтения рыночного типа культуры. А.И. Лисовская и П.В. Мищенко также отмечают, что, как правило, отношения внутри коллектива оказываются важнее интересов бизнеса и заработной платы [9].

К. Камерон и Р. Куинн сопоставляют типы организационных культур с общим развитием экономики и соответствующими разным периодам общего экономического развития представлениям об эффективности компании, идеалах организации и менеджмента. Авторами был сделан вывод, что эволюционный процесс экономического развития соответствует следующей цепочке изменения общих идеалов: структурированность, формализованность, правила, стабильность (до 60-х XX в.) – конкурентоспособность и продуктивность, сильные внешние позиции благодаря вызову, силе, напористости (до 80-х XX в.) – бригадность, общая ответственность, взаимоподдержка, преданность, доверие (до начала XXI в.) – динамичность, гибкость, толерантность к неопределенности, новаторство, индивидуалистичность (соответствует новой информационной эпохе).

Развитие отечественной экономики, как известно, существенно отличается от западной как по своему историческому контексту, так и

общему менталитету, что значительно отличается ее от американского типа управления организацией. В этом плане скептицизм в отношении, например, рыночной культуры может быть обусловлен тем, что у сотрудника отсутствует уверенность, что качественный продукт и хорошие специалисты принесут успех – отчасти из-за сложностей, с которыми сталкивается малый бизнес, отчасти из-за того, что в стране не было рыночной экономики на западный манер и увлеченности идеей предпринимательства.

Еще одной возможной причиной преобладания предпочтений клановой организационной культуры могут быть последствия пандемии в виде переживаний по поводу самоизоляции, массового внедрения дистанционных технологий в трудовые процессы, что не могло не сказаться на психологическом самочувствии людей. Поэтому потребность в «клановости», «семейственности» выступает компенсацией процессам вынужденной разобщенности, ослабления коллективных связей. Это подтверждается исследованием Н.Н. Сулим [12], где была выявлена связь коллективистских организационных культур с избеганием неопределенности. Возможно, что нестабильность, происходящие на протяжении последних десятилетий экономические и политические пертурбации, санкции в отношении России со стороны иностранных государств усилили коллективистские настроения в организациях.

В 2022 году Ю.В. Хотинец с соавторами также получила результаты о предпочтении клановой культуры сотрудниками одной из региональных компаний, что авторы объясняют сопротивлением декларируемым ценностям культуры потребления и потребностям в социальной поддержке и солидарности [13].

Полученные нами данные о том, что женщины предпочитают клановую, а мужчины – рыночную организационную культуру согласуются с данными О.А. Сапожниковой, которая выявила, что у женщин без высшего образования склонность к клановой организационной культуре выше, чем у мужчин [10]. В нашем исследовании все респонденты были с высшим

образованием, однако данная закономерность все равно проявилась.

Полностью подтвердились предположения относительно рыночной культуры. Возможно, это объясняется тем, что заимствование ценностей и нормативов рыночной культуры прошло в более «чистом» виде, чем для других типов культур, поэтому описанные в литературных источниках паттерны поведения, соответствующие рыночной организационной культуре (на что мы опирались при выдвижении гипотез о коммуникативных стилях), достаточно четко прослеживаются у специалистов по связям с общественностью, которые отдают предпочтение целям и ценностям этой культуры.

Предположения относительно коммуникативного стиля при предпочтении адхократической организационной культуры не нашли подтверждения в исследовании. Возможное объяснение этому – несовпадение западного и российского отношения к собственности и к ответственности: там, где для западного временного творческого коллектива предпочтительнее поиск компромиссных решений, для российского субъекта проще переключение на другую задачу в случае трудностей. Т.е. преодоление неопределенности происходит через отсев неприемлемого и поиск приемлемого варианта, что не предполагает повышенной склонности к сотрудничеству и преодолению возможных трений.

Хотя предпочтение адхократического типа организационной культуры противопоставлено выбору характеристик клановой и иерархической культур, коммуникативные профили адхократического варианта во многом сходны с коммуникативным стилем при приоритет клановой культуры, и с некоторыми чертами при предпочтении иерархической. Это подтверждает положение о специфическом отличии от классического (Камерона-Куинна) понимании адхократии специалистами современных российских компаний. Видимо, гибкость и толерантность распространяются на творчество и инновационность идей, а в коммуникационной практике выражается в отказе от доминирования в общении и приемлемости

только конструктивной стороны межличностного взаимодействия.

В отношении гипотез клановой и иерархической организационных культур подтвердилось по две гипотезы из трех, согласно которым коммуникативные стратегии специалистов при предпочтении культур, ориентированных на внутренний фокус и интеграцию, достаточно предсказуемы.

Отсутствие взаимосвязи между предпочтением организационной культуры и стажем, возрастом мы объясняем тем, что к началу трудовой реализации у специалистов этой специальности уже сложилась система личностных ценностей, которая распространяется на деловую сферу.

Сочетание предпочтения характеристик разных организационных культур одним и тем же специалистом, возможно, отражает эклектичность отечественной экономики, где уживаются, казалось бы, разные ценности четкости правил и предписаний и авторитаризма, творчества, конкуренции и контроля. Российская деловая практика нередко стремится внедрить все и сразу и совместить бизнес-модели, которые формировались в разных условиях.

Выявленная специфика коммуникативного стиля при предпочтении рыночной культуры мы объясняем тем, что рыночная культура труднее ассимилируется в коренные российские традиции, поэтому коммуникативные паттерны, характерные для этого типа организационной культуры, более предсказуемы у российских специалистов.

Неподтвержденность гипотез о коммуникативном стиле при предпочтении адхократической организационной культуры может быть связана со специфическим российским отношением к гибкости, творчеству, риску. Там, где для западного временного творческого коллектива предпочтительнее поиск компромиссных решений, для российских, вероятно, проще переключение на другую задачу в случае возникновения трудностей.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования и анализа его результатов можно заключить, что для **клановой** организационной культуры предпочтительным коммуникативный стиль включает высокую потребность во вовлечения в близкие отношения с окружающими, стремление проявлять к другим теплые и дружеские чувства и получать от других эмоциональный отклик, сострадательность вплоть до навязчивости и самопожертвования в межличностном общении.

При предпочтении **адхократической** организационной культуры особенностями коммуникативного стиля выступают ориентация на себя; осторожность в установлении дружеских отношений; меньшая ориентация на доминирование в общении; в случае конфликта – избегание, отход от достижения цели, как своей, так и оппонента.

При предпочтении **рыночной** организационной культуры в коммуникативном стиле выражены: потребность контролировать, влиять на других; нацеленность на дело; осторожность в установлении отношений; склонность к соперничеству; неуступчивость в переговорах; стремление добиться своего в ущерб другому в конфликтной ситуации; выше вероятность фрустраций в сфере контроля.

При предпочтении **иерархической** организационной культуры в коммуникативном стиле широк размах (от крайне низких до очень высоких значений) потребности контролировать и влиять на других; стремление к доминантности, критичность и скептичность в межличностном общении; низкие вариативность решений, обмен информацией, обсуждение проблем в ходе переговоров.

Выводы

1. Ведущим фактором в предпочтении клановой, рыночной и иерархической организационной культур выступает аффективная составляющая межличностных отношений. При предпочтении клановой культуры превалирует

выраженная потребность в близких отношениях; а предпочтение рыночной и иерархической в существенной мере опираются на дистантные межличностные отношения.

2. Целенаправленное формирование организационной культуры будет более эффективным, если в этом процессе учитывать предпочтения сотрудников и их индивидуально-личностные характеристики, в частности, коммуникативные стили.

3. При рассмотрении кандидатов на коммуникативные профессии необходимо оценивать их предпочтения организационной культуры, а также время от времени проводить мониторинг предпочтений организационной культуры специалистов компании.

4. Руководителям, нацеленным на поддержание ценностей клановой организационной культуры, необходимо обращать внимание на потребности сотрудников в аффективном взаимодействии: проводить сплачивающие корпоративные мероприятия; проявлять внимание к успехам сотрудников; организовывать часы отдыха и общения в коллективе.

5. При нацеленности на ценности адхократической организационной культуры важно обращать внимание на создание условий для творческой работы, поддерживать потребности сотрудников в автономности и самостоятельности, самореализации без конкуренции;

6. При нацеленности на ценности рыночной организационной культуры полезны будут корпоративные мероприятия в виде соревнований, тренинги достижений, продаж, эффективных переговоров.

7. При поддержании ценностей иерархической организационной культуры учитывать высокие скептичность и критичность в общении, прописывать возможности карьерного и профессионального роста, обеспечивать ощущение безопасности, среди мер мотивации труда использовать социальное обеспечение.

Литература:

1. Асташина О.В. Коммуникативные стратегии в организации // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2015. Т. 1. № 4. С. 1-6.
2. Баландина Т.М. Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // Известия Саратовского ун-та. Серия: Социология. Политология. 2017. Т.17, Вып. 2. С. 166-169.
3. Беликова И.П. Организационная культура. Ставрополь: Аргус, 2013.
4. Бескова Т.В. К вопросу о понятийном аппарате психологии социальных коммуникаций // Ученые записки пед. института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 18-24.
5. Болотова А.К. Психология коммуникаций. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2015.
6. Зиновьева Е.А. Проблема развития организационной культуры: социологический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46) Часть 7. С. 134-136. DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.020
7. Козлов В.В., Трифонова С.А. Организационная культура и восприятие индивидом группы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2018. Т. 24. С. 58-72. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.58>
8. Куницына В.Н. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
9. Лисовская А.И., Мищенко П.В. Менеджмент и особенности российского менталитета // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 3(11). С. 9.
10. Сапожникова О.А. Взаимосвязь типа организационной культуры и индивидуальных ценностей личности работника организации. Автореф. дисс. ... уч. ст. кандидата психологических наук. Специальность 19.00.05. Кострома, 2008. 21 с.
11. Стернин И.А. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20-34.
12. Столярчук Е.А., Водопьянова Н.Е., Никифоров Г.С. Предпочтение корпоративной культуры в зависимости от саморегуляции личности // Материалы международной научно-практической онлайн-конференции «Личностные и регуляторные процессы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации». 2020. М.: Знание-К. С. 645-659.
13. Хотинец В.Ю., Кожевникова О. В., Баранова Н. Согласование реальной и предпочитаемой организационной культуры современной региональной компании: ценностные предикторы // Российский психологический журнал. 2022. Т.19. №3. С.232-245. doi:10.21702/rpj.2022.3.15
14. Șomărescu S.M., Barbu C.M., Nistorescu T. Investigating the relationship between organizational communication and organizational culture // Management and Marketing Journal, University of Craiova, Faculty of Economics and Business Administration, 2016. Vol. 0(1). P. 91-100.
15. Wood D., Lowman G. H., Harms P.D., Roberts B.W. Exploring the relative importance of normative and distinctive organizational preferences as predictors of work attitudes // Journal of Applied Psychology. 2019. Vol. 104. № 2. P. 270-292. <https://doi.org/10.1037/apl0000356>

COMMUNICATION STYLES OF PUBLIC RELATIONS SPECIALISTS WITH PREFERENCES OF THE TYPE OF ORGANIZATIONAL CULTURE

© Dmitry S. Skvortsov

master of Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
dmitry.skvortsov@gmail.com

© Olga V. Gordyakova

Ph.D. (psychology), professor, department of social psychology,
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
o_gordyakova@mail.ru

The article discusses the results of a study of the relationship between individual communicative style and the preference for the type of organizational culture of public relations specialists. The scientific significance consists in updating knowledge about the problem of communication style and organizational behavior. As a result of the conducted research in medium-sized and large organizations (commercial and state-owned), it was revealed that the clan organizational culture turned out to be the most preferred among Russian public relations specialists, and the hierarchical one was the least attractive. There are more women among those who prefer a clan organizational culture, and men among those who prefer a market culture. There are no gender differences in preference to an adhocratic and hierarchical culture. It has been shown that organizational culture preferences are not related to age and seniority. It has also been established that specialists who prefer clan culture are more consistent and confident in their choice. The research may be of practical interest for personnel policy, since the communication component is of high importance in the business environment.

Keywords: organizational culture, open communication, business communication, communication styles, communication patterns

References

1. Astashina O.V. (2015). Kommunikativnye strategii v organizacii [*Communicative strategies in the organization*]. Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii [*Bulletin of science and education of the North-West of Russia*]. V. 1. № 4. P. 1-6.
2. Balandina T.M. (2017). Social'nye kommunikacii v sisteme organizacionnoj kul'tury predpriyatiya [*Social communications in the system of organizational culture of the enterprise*]. Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya: Sociologiya. Politologiya [*Izvestia of the Saratov University. Series: Sociology. Politics*]. V.17, Issue 2. P. 166-169.
3. Belikova I.P. (2013). Organizacionnaya kul'tura [*Organizational culture*]. Stavropol': Argus.
4. Beskova T.V. (2012). K voprosu o ponyatiijnom apparate psikhologii social'nykh kommunikacij [*On the question of the conceptual apparatus of psychology of social communications*]. Uchenye zapiski ped. instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika [*Scientific notes of the Pedagogical Institute. Institute of the N.G. Chernyshevsky SSU. Series: Psychology. Pedagogy*]. № 1. P. 18-24.
5. Bolotova A.K. (2015). Psikhologiya kommunikacij [*Psychology of communications*]. Moscow: Izdatel'skij dom «Vysshaya shkola ekonomiki» [*Publishing House "Higher School of Economics"*].

6. Zinov'eva E.A. (2016). Problema razvitiya organizacionnoj kul'tury: sociologicheskij analiz [*The problem of organizational culture development: sociological analysis*]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [*International Scientific Research Journal*]. № 4(46). Part 7. P. 134-136.
7. Kozlov V.V., Trifonova S.A. (2018). Organizacionnaya kul'tura i vospriyatie individom gruppy [*Organizational culture and individual perception of a group*]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya» [*Izvestiya Irkutsk State University. The series "Psychology"*]. V. 24. P. 58-72. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.58>
8. Kunicyna V.N. (2001). Mezhlichnostnoe obshchenie [*Interpersonal communication*]. St. Petersburg: Peter.
9. Lisovskaya A.I., Mishchenkova P.V. (2018). Menedzhment i osobennosti rossijskogo mentaliteta [*Management and features of the Russian mentality*]. Biznes i dizajn revyu [*Business and Design review*]. № 3(11). P. 9.
10. Sapozhnikova O.A. (2008). Vzaimosvyaz' tipa organizacionnoj kul'tury i individual'nykh cennostej lichnosti rabotnika organizacii. Avtoref. diss. ... uch. st. kandidata psikhologicheskikh nauk. Special'nost' 19.00.05. [*The relationship between the type of organizational culture and the individual values of the personality of an employee of an organization. Abstract of the dissertation of the Candidate of psychological Sciences*]. Kostroma.
11. Sternin I.A. (2018). Teoreticheskie problemy opisaniya kommunikativnogo povedeniya [*Theoretical problems of describing communicative behavior*]. Kommunikativnye issledovaniya [*Communicative research*]. № 2(16). P. 20-34.
12. Stolyarchuk E.A., Vodopyanova N.E., Nikiforov G.S. (2020). Predpochtenie korporativnoj kul'tury v zavisimosti ot samoregulyacii lichnosti [*Preference of corporate culture depending on self-regulation of personality*]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii «Lichnostnye i reguljatornye processy dostizheniya obrazovatel'nykh i professional'nykh celej v ehpokhu cifrovizacii» [*Materials of the international scientific and practical online conference "Personal and regulatory processes for achieving educational and professional goals in the era of digitalization"*]. Moscow: Znanie-K. P. 645-659.
13. Khotinec V.YU., Kozhevnikova O. V., Baranova N. (2022). Soglasovanie real'noj i predpochitaemoj organizacionnoj kul'tury sovremennoj regional'noj kompanii: cennostnye prediktory [*Coordination of the real and preferred organizational culture of a modern regional company: value-based speakers*]. Rossijskij psikhologicheskij zhurnal [*Russian Psychological Journal*]. V.19. № 3. P.232-245. DOI:10.21702/rpj.2022.3.15
14. Șomăcescu S.M., Barbu C.M., Nistorescu T. (2016). Investigating the relationship between organizational communication and organizational culture. Management and Marketing Journal, University of Craiova, Faculty of Economics and Business Administration. Vol.0(1). P.91-100.
15. Wood D., Lowman G. H., Harms P.D., Roberts B.W. (2019). Exploring the relative importance of normative and distinctive organizational preferences as predictors of work attitudes. Journal of Applied Psychology. Vol.104.№ 2. P.270-292. <https://doi.org/10.1037/apl0000356>

ПРЕДИКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ БОЛЬНЫХ ЯЗВЕННОЙ БОЛЕЗНЬЮ

© Орлова М.М.

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной
психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследователь-
ский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
orlova-maria2010@mail.ru

В статье представлены результаты исследования влияния семейных отношений на стратегии пре-
одоления болезни у пациентов с язвенной болезнью желудка. Анализируется значимость и пре-
дикторы семейных взаимоотношений, которые рассматриваются как ресурсы преодоления бо-
лезни, так и с точки зрения психологической травматизации больного. В исследовании приняли
участие 38 пациентов с язвенной болезнью желудка и 120 человек без выявленного заболевания
в качестве контрольной группы. Результаты исследования показали, что наиболее значимыми
для пациентов являются такие предикторы семейных отношений как сплоченность, экспрессив-
ность, возможность выражать негативные эмоции и независимость. Полученные результаты поз-
воляют использовать их в рамках психологического сопровождения как пациентов с язвенной
болезнью, так и членов их семей.

Ключевые слова: ситуация болезни, язвенная болезнь желудка, внутренняя картина болезни, со-
циальные ресурсы личности, стратегии преодоления, психологическая защита, самоотношение,
внутриличностный конфликт

Введение

Изучение психологических факторов и последствий язвенной болезни является акту-
альной проблемой медицинской психологии и
психологии личности [4]. Утрата здоровья неиз-
бежно влияет на отношение человека к жизни и
его мотивацию, становясь источником опасений
и надежд. Болезнь изменяет личность человека,
его образ жизни, процесс социальной, психофи-
зиологической и психологической адаптации.
Однако в наименьшей степени в медицинской
литературе представлены социально-психологи-
ческие проблемы, которые возникают у пациен-
тов [9].

Болезни органов пищеварения входят в число
наиболее распространенных заболеваний, харак-
терной чертой которых является их социально-
психологическая обусловленность и наличие
внутриличностного конфликта [2]. Во внутрен-
ней картине болезни таких больных возрастают
тревожность, фрустрированность и опасения по

поводу семейной поддержки [5]. Характерными
для больных язвенной болезнью считаются
депрессии [7], астенические проявления [12],
сниженный уровень адаптивности, более высо-
кий уровень гетероагрессии, неустойчивость
самооценки [7; 8], значимость социальных
достижений [3; 13; 14], социально-психологи-
ческая дезадаптация [1], психологическая защи-
та [3], сниженное качества жизни [11]. Исследо-
ватели подчеркивают, что адаптация к болезни
имеет интегративный характер. Соматические
жалобы отражают ухудшение психологического
состояния больного и его переживания по
поводу возможных ухудшений отношений в
семье [8]. Подчеркивается многообразие подхо-
дов на клинико-психологическом и социально-
психологическом уровнях адаптации [10].

Семейные отношения при изучении психо-
логических особенностей больных с различны-
ми соматическими заболеваниями могут рассма-
триваться как с точки зрения возможных ресур-

сов преодоления болезни, так и с точки зрения источника травматизации.

Методы исследования

Целью исследования является оценка ресурсности и значимости отношений в семье для больных язвенной болезнью. Гипотезой выступило предположение о том, что семейные отношения в ситуации язвенной болезни можно рассматривать как ресурс стратегий преодоления болезни.

В исследовании приняли участие 38 больных язвенной болезнью желудка (экспериментальная группа) и 120 человек, не имеющих хронических заболеваний (контрольная группа).

Анализ проводился по психодиагностическим методикам: биографическая анкета, методика «Шкала семейного окружения» (ШСО), методика исследования самоотношения Панте-

леева-Столина (МИС), опросник «Копинг-стратегии» Лазаруса, методика социальной поддержки (А.А. Нестерова), опросник Келлермана-Плутчика-Конте «Индекс жизненного стиля».

Статистические методы представлены сравнением средних (Т-критерий Стьюдента) и регрессионным анализом.

Результаты и их анализ

В группе больных язвенной болезнью наиболее значимыми оказались показатели сплоченности, экспрессивности, возможности выражать негативные эмоции, независимость, организация семейных отношений. Больные в значительной степени фиксируют внимание на семейных отношениях, поскольку семья становится источником опоры и поддержки в этой трудной для них ситуации.

Таблица 1. Сравнение средних арифметических по методике «Шкала семейного окружения» в контрольной и экспериментальной группах

Шкалы методики Группы испытуемых	«Сплоченность»	«Экспрессивность»	«Конфликтность»	«Независимость»	«Ориентация на достижения»	«Ориентация на интеллектуально-культурные интересы»	«Ориентация на активный отдых»	«Морально-нравственная ориентация»	«Организация в семье»	«Контроль»
Контрольная группа	5,8	6	5,17	5,56	5,6	4,9	4	5,5	5,1	4
Экспериментальная группа	7,11	6,37	6,26	5,68	4,6	3,9	3,0	5,74	6	5,11

В группе лиц без хронических соматических заболеваний наиболее значимыми оказались экспрессивность и сплоченность. Сравнительный анализ выраженности показателей факторов семейного окружения показал, что в группе больных язвенной болезнью достоверно выше показатели сплоченности ($t=2,3$; $p<0,01$),

возможности выражать негативные отношения ($t=2,01$; $p<0,01$), организации ($t=2,0$; $p<0,01$) и контроля в семье ($t=2,2$; $p<0,01$) и достоверно ниже показатели ориентации на достижение ($t=2,1$; $p<0,01$), интеллектуально-культурные ориентации ($t=1,9$; $p<0,01$) и ориентация на активный отдых в семье ($t=2,3$; $p<0,01$).

Таблица 2. Предикторы фактора «сплоченность» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Замещение	0,455	21%	8,280	-,056	,004
Дистанцирование	0,44	19%	4,187	,051	,006
Аутосимпатия	0,437	19%	3,822	,174	,006
Бегство–избегание	0,427	18%	4,690	,051	,007
Принятие ответственности	0,378	14%	5,110	,035	,019
Планирование решения проблемы	0,274	8%	9,144	-,029	,096

В семьях пациентов, страдающих язвенной болезнью, обнаруживается снижение активности межличностного взаимодействия. Предикторами семейной сплоченности в группе больных являются прежде всего снижение психологических защит, принятие себя и ответственность (таблица 2).

В группе лиц без хронических заболеваний повышение сплоченности связано с аутосимпатией, снижением уровня психологической защищенности, веры в надежность окружающих пациента людей (таблица 3).

Таблица 3. Предикторы фактора «сплоченность» в группе людей без хронических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Отрицание	0,281	8%	4,306	,034	,002
Аутосимпатия	0,273	7%	3,064	,147	,003
Регрессия	0,193	4%	6,729	-,029	,037
Возраст	0,198	4%	7,490	-,049	,032
Надежный союз	0,201	4%	8,089	-,172	,030

Таким образом, повышение показателя сплоченности в группе больных язвенной болезнью связано с необходимостью ресурса для принятия ответственности за ситуацию, а в контрольной группе выражает доверие окружающим.

Восприятие семейной сплоченности как необходимого ресурса для формирования стратегии совладания в ситуации болезни повышает значимость этого фактора для больных язвенной болезнью.

Таблица 4. Предикторы фактора «экспрессивность в семье» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Аутосимпатия	0,423	18%	2,815	,188	,008
Проекция	0,387	15%	4,748	,032	,016

Из таблицы 4 видно, что предикторами интенсивности общения в группе больных язвенной болезнью являются опора на позитивное самоотношение и возможность проецировать свои

трудности на других людей, что создает ресурсность, которая обеспечивается общением в семье.

Таблица 5. Предикторы фактора «экспрессивность в семье» в группе лиц без хронических соматических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Регрессия	0,362	13%	7,090	-,034	,000
Отрицание	0,162	3%	5,525	,012	,081

В группе лиц без хронических соматических заболеваний предикторами экспрессивности является прежде всего снижение регрессии, то

есть интенсивность общения в семье. Таким образом, экспрессивность – это значимый ресурс в обеих группах.

Таблица 6. Предикторы фактора «конфликтность» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Замещение	0,616	38%	7,825	-,074	,000
Конфронтационный копинг	0,565	32%	8,723	-,053	,000
Поиск социальной поддержки	0,443	20%	9,036	-,042	,005

Возможность выражать негативные чувства в семье у больных язвенной болезнью определяется снижением замещения, конфронтационного копинга в семейных конфликтах и поиска социальной поддержки. То есть можно говорить о том, что у больных язвенной болезнью возможность выражать свои проблемы в семейном

общении предупреждает взаимное отчуждение и позволяет опереться на семейные отношения (см. таблица 6).

В группе лиц без хронических заболеваний предикторами выражения негативных эмоций в семье является смягчение психологических защит и снижение негативного самоотношения.

Таблица 7. Предикторы фактора «конфликтность» в группе людей без хронических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Рационализация	0,351	12%	3,170	,042	,000
Замещение	0,263	7%	5,773	-,031	,004
Внутренняя неустроенность	0,261	7%	6,829	-,191	,004

Таким образом, возможность выражать отрицательные эмоции в общении с близкими является благоприятным фактором, который способствует сохранению позитивной самооценки и снижает чувство опасности. Следовательно, выражение негативных эмоций в семье является

для больных язвенной болезнью способом получить поддержку в семье, а в группе без хронических заболеваний определяется позитивным отношением к себе и доверием к близким за счет чего повышается уверенность и открытость.

Таблица 8. Предикторы фактора «ориентация на достижения» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Рационализация	0,568	32%	2,906	,044	,000
Планирование решения проблемы	0,444	20%	2,066	,041	,005
Аутосимпатия	0,325	11%	2,802	,111	,046
Положительная переоценка	0,238	6%	3,698	,023	,150

Из таблицы 8 видно, что предикторами ориентации на достижения в группе больных язвенной болезнью являются рационализация, планирование решения проблемы, позитивное отношение к себе и положительная переоценка

событий. По-видимому, данный фактор мог бы быть значимым ресурсом для преодоления ситуации болезни, но является ограниченным в связи с положением больного человека.

Таблица 9. Предикторы фактора «ориентация на достижения» в группе лиц без хронических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Гиперкомпенсация	0,237	6%	4,926	,014	,010
Замещение	0,221	5%	5,745	-,018	,017
Компенсация	0,226	5%	4,816	,015	,014
Самоуважение	0,195	4%	3,756	,067	,035

В контрольной группе предикторами ориентации на достижения выступают: повышение компенсации и гиперкомпенсации, а также самоуважения, снижение замещения (см. таблица

9). Следовательно, семейные амбиции повышают адаптивность личности, но в ситуации болезни больной не может ими воспользоваться.

Таблица 10. Предикторы фактора «интеллектуально-культурная ориентация в семье» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Самоконтроль	0,429	18%	1,271	,040	,007
Аутосимпатия	0,33	11%	6,225	-,118	,043

Предикторами интеллектуально-культурной ориентации в семье в группе пациентов с язвенной болезнью оказались: повышенный самоконтроль и низкий показатель принятия себя (таблица 10). Можно рассматривать этот фактор как

ресурс совладания и вместе с тем, как источник травматизации. Снижение значимости широты культурных интересов в этой группе свидетельствует об ограничении возможности использования данного ресурса.

Таблица 11. Предикторы фактора «интеллектуально-культурная ориентация в семье» в группе лиц без хронических соматических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Положительная переоценка	0,248	6%	2,792	,031	,007
Внутренняя неустроенность	0,172	3%	5,812	-,127	,064

В контрольной группе предикторами интеллектуально-культурной ориентации в семье являются повышение положительной переоценки и снижение внутренней неустроенности (таблица 11). То есть, для здорового человека этот

фактор имеет очевидно ресурсное значение. Таким образом, в ситуации болезни жизнь семьи ограничена и для больного, и для его родных и может вызывать сожаление и негативное отношение к себе.

Таблица 12. Предикторы фактора «ориентация на активный отдых в семье» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Вытеснение	0,596	36%	5,473	-,065	,000
Бегство-избегание	0,383	15%	5,524	-,047	,017
Внутренняя неустроенность	0,338	11%	4,894	-,132	,038

В группе больных язвенной болезнью были выделены следующие предикторы ориентации на активный отдых: снижение вытеснения, бегства-избегания и внутренней неустроенности

(таблица 12). То есть, семейный отдых может иметь выраженный оздоравливающий эффект, но в ситуации болезни он ограничен.

Таблица 13. Предикторы фактора «ориентация на активный отдых в семье» в группе лиц без хронических соматических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Гиперкомпенсация	0,325	11%	4,651	-,027	,000
Положительная переоценка	0,231	5%	2,118	,027	,012
Внутренняя неустроенность	0,201	4%	4,946	-,137	,030
Компенсация	0,201	4%	3,051	,018	,030

В контрольной группе предикторами ориентации на активный отдых в семье являются снижение гиперкомпенсации и внутренней неустроенности, повышение положительной переоценки и компенсации (таблица 13). Можно

сказать, что совместный активный отдых оптимизирует эмоциональный фон и снижает негативное отношение к себе, то есть имеет терапевтическое значение.

Таблица 14. Предикторы фактора «организация в семье» в группе больных язвенной болезнью

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Бегство-избегание	0,547	30%	2,550	,074	,000
Отрицание	0,384	15%	8,409	-,048	,017
Положительная переоценка	0,366	13%	3,612	,047	,024

Организация в семье в группе больных язвенной болезнью становится результатом избегания проблем или их позитивной переоценки, что

позволяет принять болезнь. Это свидетельствует о том, что семья для больного значимый источник ресурсов.

Таблица 15. Предикторы фактора «организация в семье» в группе лиц без хронических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Самоконтроль	0,275	8%	2,736	,040	,003
Замещение	0,271	7%	5,781	-,035	,003
Вытеснение	0,204	4%	4,222	,028	,027

Предикторами фактора «организация в семье» в группе лиц без хронических заболеваний являются возможность, прежде всего, контролировать себя и ситуацию, не используя психологических защит, либо вытеснять проблемы, не тратя силы на их драматизацию (таблица 15).

Таким образом, планирование и организация семейных ролей в обеих группах является ресурсом адаптационных стратегий, при этом в группе больных преобладают пассивные стратегии.

Таблица 16. Предикторы фактора «контроль в семье» в группе больных язвенной болезнью

Контроль	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Аутосимпатия	0,368	14%	1,872	,171	,023
Бегство-избегание	0,347	12%	2,815	,049	,033

Предикторами контроля в семье в группе больных язвенной болезнью оказалось позитивное восприятие себя и избегание проблемных ситуаций (таблица 16). То есть жесткая семей-

ная система может являться опорой в сохранении внутреннего благополучия в ситуации болезни.

Таблица 17. Предикторы фактора «контроль в семье» в группе лиц без хронических заболеваний

Предикторы	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Отрицание	0,28	8%	2,913	,025	,002
Аутосимпатия	0,204	4%	2,526	,079	,027

В группе лиц без хронических заболеваний контроль в семье также связан с позитивным самоотношением и отрицанием негативных событий. Таким образом, контроль в семье имеет сходные предикторы, но в группе больных язвенной болезнью он более значим.

Заключение

Семейные отношения в ситуации болезни имеют особое значение как источник поддержки человека в трудной жизненной ситуации. Так, значимость сплоченности семьи является ресурсом принятия ответственности за ситуацию. Значимость проявления открытости в общении связана с подтверждением позитивного отношения к себе. Возможность выражать негативные эмоции является как способом получить подтверждение отношения к себе, так и разделить страдание. Организация и контроль в семье

является опорой, подчеркивающей устойчивость и безусловность имеющихся отношений, что может рассматриваться гарантией их стабильности.

Таким образом, у больных язвенной болезнью большинство значимых социальных отношений и ценностей являются как ресурсными, так и травматичными. Это страх потерять профессиональные достижения, возможная дисгармоничность семейных отношений, которая проявляется в чувствах разобщенности, ненадежности и недоверии к членам семьи, что создает дополнительную травматизацию.

Полученные результаты свидетельствуют о важности и необходимости не только медицинского сопровождения пациентов с язвенной болезнью, но и социально-психологического. Причем не только самих больных, но членов их семей.

Литература:

1. Афендулов С.А., Журавлев Г.Ю., Кадиров К.М. Качество жизни больных с агрессивным течением язвенной болезни // Вестник ТГУ. Т. 16. Вып. 3. 2011. С. 889-892.

2. Березанцев А.Ю. Психосоматические и соматоформные расстройства (аналитический обзор, часть 1) // Российский психиатрический журнал. 2001. № 3. С. 61-69.
3. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина: Кратк. учебн. / Пер с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; Предисл. В.Г. Остроглазова. М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999.
4. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. Учебное пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
5. Вахрушева И.А. Отношение к болезни у подростков с заболеваниями желудочно-кишечного тракта: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
6. Казакова И.А. Особенности эмоционального реагирования у подростков с хроническим гастритом // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова: Научно-практический журнал. СПб.: Изд-во СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2007. № 1. С. 229-233.
7. Казакова И.А. Эмоциональные нарушения у юношей с хроническим гастритом и язвенной болезнью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.С. Герцена. № 102: Научный журнал. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 358-363.
8. Кондюхова Т.Н. Функции соматических жалоб пациентов с язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 3. Ч. 2. С. 196-205.
9. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: МГУ, 1987.
10. Орлова М.М. Социально-психологическая ситуация болезни на примере больных желудочно-кишечными заболеваниями: анализ объективных и субъективных составляющих // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 3. № 2(4). С. 870-875.
11. Стародубов В.А., Стародубова А.В. Изучение качества жизни у больных с язвенной болезнью // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 3. С. 791.
12. Фомин А.В. Состояние адаптационных процессов и нейрофизиологические особенности у больных язвенной болезнью // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2005. Т.4. № 2. С. 14-21.
13. Grace W.J., Graham D.P. Relationship of specific attitudes and emotions to certain bodily diseases. Psychosomatic Medicine. 1952. №14(4). P. 243-251. doi: 10.1097/00006842-195207000-00001.
14. Weiner H. Psychobiology and Human Disease. New York, Eisevier, 1977.

PREDICTORS OF THE WELL-BEING OF FAMILY RELATIONSHIPS OF PATIENTS PEPTIC ULCER DISEASE

© Maria M. Orlova

PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Counseling Psychology, Psychological
Faculty, Saratov State University, Saratov, Russia
orlova-maria2010@mail.ru

The article presents the results of a study of the influence of family relationships on coping strategies in patients with gastric ulcer. The significance and predictors of family relationships are analyzed, which are considered as resources for overcoming the disease, and from the point of view of psychological traumatization of the patient. The study involved 38 patients with gastric ulcer and 120 people without an identified disease as a control group. The results of the study showed that such predictors of family relationships as cohesion, expressivity, the ability to express negative emotions and independence are

the most significant for patients. The results obtained make it possible to use them in the framework of psychological support for both patients with peptic ulcer disease and their family members.

Keywords: disease situation, gastric ulcer, internal picture of the disease, social resources of personality, coping strategies, psychological defenses, self-attitude, intrapersonal conflict

References

1. Afendulov S.A., Zhuravlev G.Yu., Kadirov K.M. (2011). Kachestvo zhizni bol'nykh s agressivnym tekheniem yazvennoi bolezni [*Patients with Aggressive Ulcerative Disease's Quality of Life*]. Vestnik TGU [Tomsk State University Journal]. V. 16. Vyp. 3. P. 889-892.
2. Berezantsev A.Yu. (2001). Psikhosomaticheskie i somatoformnye rasstroistva (analiticheskii obzor, chast' 1) [*Psychosomatic and somatoform disorders (analytical review, part 1)*]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. № 3. P. 61-69.
3. Broitigam V., Kristian P., Rad M. (1999). Psikhosomaticheskaya meditsina [*Psychosomatic medicine*]: Kratk. uchebn. / Per s nem. G.A. Obukhova, A.V. Bruenka; Predisl. V.G. Ostroglazova. Moscow: GEOTAR MEDITSINA.
4. Burlachuk L.F., Korzhova E. Yu. (1998). Psikhologiya zhiznennykh situatsii. Uchebnoe posobie. Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo.
5. Vakhrusheva I.A. (2004). Otnoshenie k bolezni u podrostkov s zabolevaniyami zheludochno-kishechnogo trakta. Diss. kand. psikh. nauk [*Attitude to the disease in adolescents with diseases of the gastrointestinal tract. Ph. Sci. (Psychology) diss.*]. Moscow.
6. Kazakova I.A. (2007). Osobennosti emotsional'nogo reagirovaniya u podrostkov s khronicheskim gastritom [*Features of Emotional Response in Adolescents with Chronic Gastritis*]. Vestnik Sankt-Peterburgskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii im. I.I. Mechnikova: Nauchno-prakticheskii zhurnal [*Herald of North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov: Scientific Journal*]. Saint Petersburg: Publ. North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, № 1. P. 229-233.
7. Kazakova I.A. (2009). Emotsional'nye narusheniya u yunoshei s khronicheskim gastritom i yazvennoi boleznyu [*Emotional disorders in young men with chronic gastritis and peptic ulcer disease*]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.S. Gertsena [*Scientific journal of Herzen University*]. № 102: Nauchnyi zhurnal [*Scientific journal*]. Saint Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena. P. 358-363.
8. Kondyukhova T.N. (2009). Funktsii somaticheskikh zhalob patsientov s yazvennoi boleznyu dvenadtsatiperstnoi kishki [*The functions of somatic complaints of patients with duodenal ulcer*]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Psychology. Sociology. Pedagogy]. V. 3. Ch. 2. P. 196-205.
9. Nikolaeva V.V. (1987). Vliyanie khronicheskoi bolezni na psikhiku [*The effect of chronic illness on the psyche*]. Moscow: MGU.
10. Orlova M.M. (2011). Sotsial'no-psikhologicheskaya situatsiya bolezni na primere bol'nykh zheludochno-kishechnymi zabolevaniyami: analiz ob"ektivnykh i sub"ektivnykh sostavlyayushchikh [*Analysis of Objective and Subjective Components of an Illness Situation: Study of Gastrointestinal Patients*]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. V. 3. № 2(4). P. 870-875.
11. Starodubov V.A., Starodubova A.V. (2013). Izuchenie kachestva zhizni u bol'nykh s yazvennoi boleznyu [*Studying the quality of life in patients with peptic ulcer disease*]. Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsii [Bulletin of medical internet conferences]. V. 3. № 3. P. 791.

12. Fomin A.V. (2005). Sostoyanie adaptatsionnykh protsessov i neirofiziologicheskie osobennosti u bol'nykh yazvennoi bolezni'yu [*The state of adaptive processes and neurophysiological features in patients with peptic ulcer disease*]. Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [*Vitebsk Medical Journal*]. V. 4. № 2. P. 14-21.
13. Grace W.J., Graham D.P. Relationship of specific attitudes and emotions to certain bodily diseases. Psychosomatic Medicine. 1952. №14(4). P. 243-251. doi: 10.1097/00006842-195207000-00001.
14. Weiner H. (1977). Psychobiology and Human Disease. New York, Eisevier.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

ОСОБЕННОСТИ ОКУЛОМОТОРНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОСПИСИ С УЧЁТОМ СВОЙСТВ НЕРВНЫХ ПРОЦЕССОВ

© Зинченко Е.М.

кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Odonata1108@yandex.ru

© Лазунина Е.А.

старший преподаватель кафедры общей и консультативной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
ekaterinalazunina@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Росмолодежь (проект №091-11-2023-734 «Научный акселератор по психофизиологии искусства «COGvision»).

Народные промыслы играют важную роль в формировании национальной культуры. Художественная роспись, такая как гжель и хохлома, становится все более популярной и интересной для изучения. Окулomotorная активность, которую позволяет записать айтрекер, дает возможность оценить, как эти виды росписи воспринимаются современным человеком. В статье представлены результаты исследования окулomotorной активности при восприятии гжели и хохломы с учетом свойств нервных процессов: силы, уравновешенности, подвижности. В качестве стимульного материала использовались изображения гжели и хохломы в трех вариантах: цветок, птица и полотно. В результате было обнаружено, что люди с сильными нервными процессами проявляют более высокую зрительно-моторную реакцию при восприятии гжели и более высокую концентрацию внимания при восприятии хохломы. Проведенный корреляционный анализ показал, что при зрительном восприятии гжели процессы обработки изображения происходят быстрее при высоких функциональных возможностях центральной нервной системы (ЦНС). Лица, у которых процессы возбуждения и торможения уравновешены, проявляют больше внимания при рассмотрении гжели, что выражается в большем количестве и частоте зрительных фиксаций. Полученные данные окулomotorной активности могут быть использованы в арт-терапии и нейромаркетинговых исследованиях.

Ключевые слова: художественная народная роспись, гжель, хохлома, окулomotorная активность, айтрекинг, свойства нервной системы, сила нервных процессов, уравновешенность нервных процессов, подвижность нервных процессов, зрительное восприятие

Введение

Художественная роспись представляет собой один из важнейших элементов национальной культуры России. Сопровождая развитие человека на протяжении веков, многовековые традиции сохранились в уникальных стилях росписи. В настоящее время в прикладном искусстве заметно возрос интерес к народной росписи, что проявляется в дизайне интерьеров, где применяются стили гжели и хохломы. На маркетплейсах можно встретить множество товаров, стилизованных под художественную народную роспись: от зубных щеток и одноразовой посуды до одежды и аксессуаров.

Исследование посвящено изучению восприятия людьми произведений художественного творчества, в частности гжели и хохломы. Выбор данных объектов обусловлен их широкой известностью как в нашей стране, так и за рубежом. В основе гжели и хохломы лежат различная цветовая палитра и техника исполнения. В ряде работ представлены данные о окуломоторной активности (ОМА) при восприятии объектов с учетом цвета [1; 4; 5]. Окуломоторная активность характеризует когнитивную обработку визуального контента [6-9]. Целью настоящего исследования являлось изучение ОМА в процессе восприятия художественной росписи с учетом свойств нервных процессов (НП).

Метод исследования

Исследование проводилось в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского на базе лаборатории когнитивной психологии. В нем приняли участие 74 человека в возрасте от 17 до 39 лет (79% женщин и 21% мужчин). Для оценки ОМА использовалась стационарная система бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модель RED 500 System, произведенного SMI – Senso Motorik Instruments GmbH, Германия).

На основе скорости психомоторной реакции выявлялись свойства нервных процессов: сила, уравновешенность, подвижность (экспресс методика Е.П. Ильина) [3]. В качестве

стимульного материала использовали изображения гжели и хохломы в трех вариантах: цветок, птица и полотно со множеством цветов. На экране айтрекера предъявлялось по одному изображению, которое участники должны были свободно рассматривать в течение 10 секунд. После этого испытуемых просили оценить каждую роспись по 10-бальной шкале и назвать роспись, которую они считают предпочтительной. Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS Statistics 22. Для установления достоверных различий между показателями использовался критерий Манна-Уитни. Для выявления корреляционных связей – критерий Пирсона.

Результаты исследования и их анализ

В ходе проведения анализа данных было выявлено следующее распределение респондентов по свойствам нервных процессов (рис. 1).

Так, сильными нервными процессами характеризуются 32% участников, в то время как у 68% испытуемых выявлены слабые нервные процессы. Большинство (49%) имеет уравновешенные нервные процессы, у 44% – преобладают процессы торможения и лишь в единичных случаях встречаются лица с преобладанием процесса возбуждения, их число составляет 7%. Примерно равное распределение участников наблюдалось по подвижности нервных процессов. Так 57% испытуемых характеризовались подвижными процессами, в то время как у 43% отмечались инертные.

Так, сильными нервными процессами характеризуются 32% участников, в то время как у 68% испытуемых выявлены слабые нервные процессы. Большинство (49%) имеет уравновешенные нервные процессы, у 44% – преобладают процессы торможения и лишь в единичных случаях встречаются лица с преобладанием процесса возбуждения, их число составляет 7%. Примерно равное распределение участников наблюдалось по подвижности нервных процессов. Так 57% испытуемых характеризовались подвижными процессами, в то время как у 43% отмечались инертные.

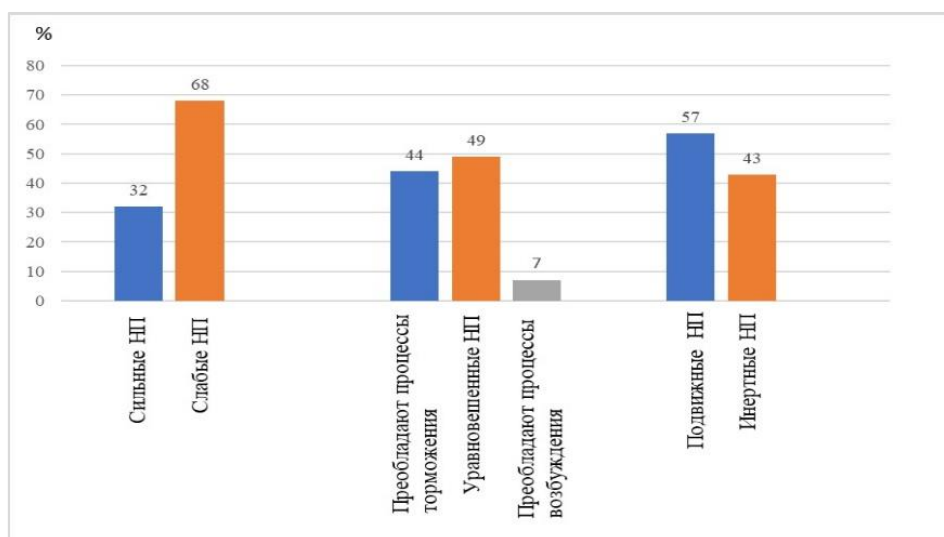

Рис. 1. Распределение участников исследования по свойствам нервных процессов

Таким образом, для большинства испытуемых характерна низкая работоспособность нервных клеток, процессы торможения уравновешены с процессами возбуждения, а смена процессов возбуждения торможением и наоборот, отличается высокой скоростью протекания.

Учитывая малую выборку испытуемых, у которых преобладает возбуждение, в дальней-

шем анализе данные этих лиц не использовались.

На следующем этапе был проведен анализ росписей, которые испытуемые оценивали, с учетом свойств их нервных процессов. На рис. 2 представлены результаты исследования в виде процентного соотношения по предпочтению гжели или хохломы.

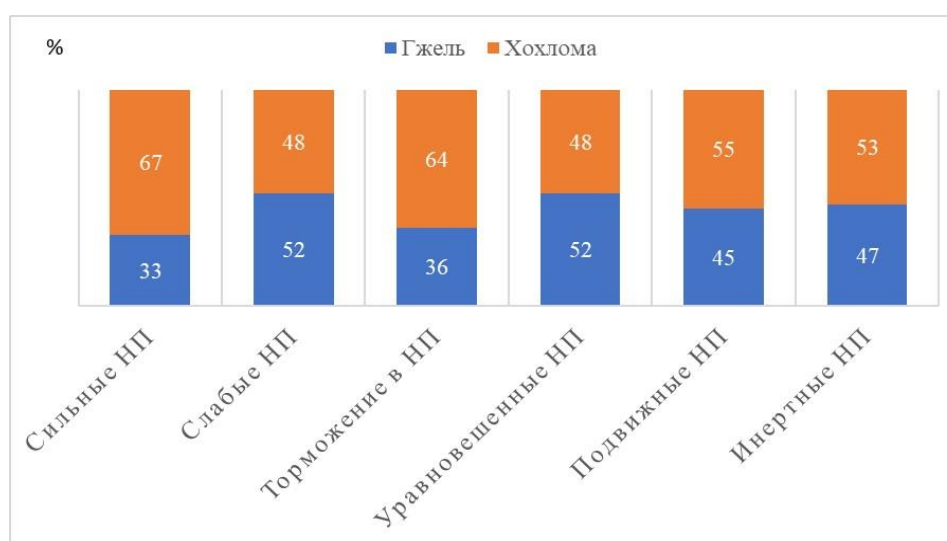

Рис. 2. Распределение участников по предпочтению росписи с учетом свойств нервных процессов

Было выявлено, что две трети испытуемых с сильными нервными процессами и преобладанием торможения остановили свой выбор на хохломской росписи (67% и 64% соответственно). Лица с подвижными (55%) и инертными нервными процессами (53%) отметили сине-белую роспись как наиболее понравившуюся. Примерно равное распределение по предпочтению той или иной росписи характерно для испытуемых со слабыми нервными

процессами и уравновешенным соотношением процессов возбуждения и торможения.

Анализ, проведенный по бальной оценке исследуемых видов росписи, значимых различий между группами не выявил (табл. 1). На данный момент мы можем говорить лишь о тенденции среди испытуемых ставить более высокую оценку хохломской росписи. Вероятно, при увеличении выборки можно будет наблюдать большее расхождение в оценке гжели и хохломы.

Таблица 1. Средняя оценка гжели и хохломы с учетом свойств нервных процессов

Группа	Балл по гжели		Балл по хохломе	
	μ Сред. знач.	σ Станд. откл.	μ Сред. знач.	σ Станд. откл.
Сильные НП	5,71	3,01	7,79	1,51
Слабые НП	6,59	1,66	7,35	1,90
Преобладание торможения в НП	6,24	2,46	7,70	1,46
Уравновешенные НП	6,37	1,52	7,24	1,86
Подвижные НП	6,12	1,75	7,41	1,63
Инертные НП	6,53	2,55	7,60	1,61

Таблица 2. Особенности окулomotorной активности при рассмотрении гжели и хохломы с учетом силы нервных процессов

Параметры	Ранги		Статистика		
	Группа	Средний ранг	U эмп	Z	P
При рассмотрении гжели					
Средняя продолжительность саккад, мс	Сильные НП	1075	424*	-2,027	,043
	Слабые НП	1699			
При рассмотрении хохломы					
Количество морганий, кол/с	Сильные НП	685	385**	-2,487	0,013
	Слабые НП	2090			
Частота морганий, кол/с	Сильные НП	685	385**	-2,487	0,013
	Слабые НП	2090			
Общая продолжительность морганий, мс	Сильные НП	678	378**	-2,564	0,010
	Слабые НП	2097			
Средняя продолжительность морганий, мс	Сильные НП	709	409*	-2,200	0,028
	Слабые НП	2065			

Примечание: *p≤0,05, **p≤0,01 по сравнению с лицами со слабыми нервными процессами.

Предполагая, что свойства нервной системы влияют на процесс восприятия, был проведен анализ окулomotorной активности с учетом выявленного распределения по психомоторной реакции.

Так, для лиц с сильными нервными процессами характерно большее значение средней продолжительности саккад при рассмотрении гжели (таблица 2), что говорит о более высоком уровне зрительно-моторной реакции. Для лиц со слабыми нервными процессами обнаружены достоверно большие значения различных параметров морганий при восприятии хохломы. Это свидетельствует о более низких значениях концентрации внимания.

В таблице 3 представлены результаты по ОМА с учетом уравновешенности процессов возбуждения и торможения.

Было установлено, что количество, частота и дисперсия фиксаций больше при рассмотрении гжели у испытуемых с преобладанием торможения. Это свидетельствует о повышенном

внимании, сосредоточенности, возможной вдумчивой когнитивной переработке воспринимаемых образов художественной росписи. Таким образом, воспринимая сине-белые изображения, испытуемые основательно изучают их. При этом для них же характерны более высокие значения количества и частоты саккад при восприятии хохломы, что говорит об увеличении глазодвигательной активности и исследовательской стратегии наблюдения.

Также были выявлены различия в ОМА с учетом смены процессов возбуждения и торможения (табл. 4). Длина пути сканирования существенно больше у лиц с подвижными нервными процессами при восприятии как гжели, так и хохломы. Это согласуется с тем, что подвижные процессы характеризуются большей скоростью переключения в нервной системе. То есть, по сути, отражается скорость переработки информации в заданном лимите времени.

Таблица 3. Особенности окулomotorной активности при рассмотрении гжели и хохломы с учетом уравновешенности нервных процессов

Параметры	Ранги		Статистика		
	Группа	Средний ранг	U эмп	Z	P
При рассмотрении гжели					
Количество фиксаций	Уравновеш.	1324	425*	-2,031	,042
	Тормож.	1091			
Частота фиксаций, кол/с	Уравновеш.	1324	425*	-2,031	,042
	Тормож.	1091			
Общая дисперсия фиксаций, рх	Уравновеш.	1370	379**	-2,583	,010
	Тормож.	1045			
При рассмотрении хохломы					
Общая дисперсия фиксаций, рх	Уравновеш.	1324	425*	-2,030	,042
	Тормож.	1091			
Количество саккад	Уравновеш.	1318	431*	-1,958	,050
	Тормож.	1097			
Частота саккад, кол/с	Уравновеш.	1318	431*	-1,958	,050
	Тормож.	1097			

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$ по сравнению с лицами с преобладанием торможения в нервных процессах.

Также был проведен статистический анализ по окулomotorной активности, который был призван отразить различия в восприятии двух видов живописи испытуемыми, характеризующимися одними свойствами нервной системы.

Достоверных различий выявлено не было. Таким образом, можно сделать вывод, что лица с определенными значениями по силе, уравновешенности и подвижности рассматривают стимул одинаково, не зависимо от его характера.

Таблица 4. Особенности окулomotorной активности при рассмотрении гжели и хохломы с учетом подвижности нервных процессов

Параметры	Ранги		Статистика		
	Группа	Средний ранг	U эмп	Z	P
При рассмотрении гжели					
Длина пройденного пути	Подвиж. НП	1859	388**	-3,099	,002
	Инертн. НП	916			
При рассмотрении хохломы					
Длина пройденного пути	Подвиж. НП	1851	396**	-3,011	,003
	Инертн. НП	924			

Примечание: ** $p \leq 0,01$ по сравнению с лицами с инертными нервными процессами.

На заключительном этапе оценивалась корреляционная связь параметров нервных процессов с показателями окулomotorной активности в пределах каждой группы отдельно при восприятии гжели и хохломы.

Так, при рассматривании гжели больше всего связей было выявлено для лиц со слабыми нервными процессами. Значение подвижности отрицательно коррелирует с общей продолжительностью морганий ($r = -0,291$; при $p \leq 0,05$). Уровень силы имеет тесную положительную связь с общей продолжительностью морганий ($r = 0,296$), средней дисперсией фиксаций ($r = 0,287$), средней амплитудой саккад ($r = 0,313$), средней скоростью саккад ($r = 0,300$) и латентным периодом саккад ($r = 0,347$; при $p \leq 0,05$).

Также была выявлена отрицательная корреляция показателя уравновешенности нервных процессов с количеством и частотой фиксаций у лиц с преобладанием торможения ($r = -0,353$; при $p \leq 0,05$). Для испытуемых с подвижными нервными процессами была установлена положительная связь между уровнем подвижности и средней продолжительностью фиксаций

($r = 0,387$; при $p \leq 0,05$) и отрицательная между уровнем подвижности и общей дисперсией фиксаций ($r = -0,315$; при $p \leq 0,05$).

Иная картина наблюдалась при восприятии хохломской росписи. Было выявлено, что у испытуемых со слабыми нервными процессами показатель подвижности отрицательно коррелирует со средней дисперсией фиксаций и положительно со средней скоростью саккад ($r = -0,350$ и $r = 0,340$; при $p \leq 0,05$ соответственно). Уровень силы в этой же группе положительно связан со средней амплитудой саккад ($r = 0,302$; при $p \leq 0,05$). Для испытуемых с уравновешенными нервными процессами была обнаружена высоко значимая отрицательная связь силы нервной системы с количеством и частотой морганий ($r = -0,479$; при $p \leq 0,01$). Значение подвижности нервных процессов коррелирует с количеством и частотой саккад ($r = -0,382$; при $p \leq 0,05$), средней скоростью саккад ($r = 0,425$; при $p \leq 0,01$) и латентным периодом саккад ($r = 0,337$; при $p \leq 0,05$). У лиц с подвижными нервными процессами выявлена связь подвижности со средней продолжительностью фиксаций ($r = 0,443$; при $p \leq 0,01$),

количеством и частотой саккад ($r=-0,386$; при $p\leq 0,05$), общей продолжительностью и средней скоростью саккад ($r=-0,319$ и $r=0,369$ при $p\leq 0,05$ соответственно) и латентным периодом саккад ($r=0,536$; при $p\leq 0,01$).

Заключение

В результате проведенного исследования было показано, что для лиц с сильными нервными процессами характерен более высокий уровень зрительно-моторной реакции при восприятии гжели и более высокие значения концентрации внимания при восприятии хохломы. У лиц с преобладанием торможения над процессами возбуждения при рассматривании гжели повышено внимание, по сравнению с уравновешенными лицами. При восприятии хохломы для них характерна исследовательская стратегия наблюдения.

У лиц с подвижными нервными процессами выявлена большая скоростью переключения в нервной системе на основе показателя длины пути сканирования как при рассмотрении гжели, так и хохломы.

Корреляционный анализ результатов восприятия гжели позволяет говорить, что чем выше функциональные возможности ЦНС, тем быстрее идет обработка изображения, а выявленная связь с латентным периодом саккад указывает на повышенную умственную

деятельность. Высокое значение уравновешенности процессов возбуждения и торможения у людей с преобладанием последнего проявляется в большем количестве и частоте фиксаций, что говорит о большем внимании.

При увеличении подвижности нервных процессов у людей с высокой сменой возбуждения и торможения возрастает концентрация внимания. По результатам восприятия хохломы было выявлено, что увеличение уровня подвижности у лиц со слабыми нервными процессами приводит к большей скорости сканирования изображения. Нагрузка на процессы внимания и памяти тем ниже, чем выше уровень силы у людей с уравновешенными нервными процессами. Для них же характерен переход к исследовательской стратегии наблюдения при увеличении подвижности. При этом возрастание подвижности у лиц с ярко выраженной подвижностью нервных процессов усиливает аналитическую деятельность.

В предыдущих исследованиях нами было показано, как влияет предпочтение той или иной росписи на окулomotorную активность [2]. Полученные в настоящее время данные способствуют более глубокому пониманию процессов и особенностей восприятия гжели и хохломы, что на практике может быть применено при обучении художественному творчеству.

Литература:

1. Гавричкова Е.С., Петрова О.А. Влияние цвета на восприятие человека // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т.2. №.8. С. 300-301.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsveta-na-vospriyatie-cheloveka> (дата обращения: 29.02.2024).
2. Зинченко Е.М. Айтрекинг-исследование восприятия художественной народной росписи на примере гжели и хохломы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, Вып. 4. С. 424-430. DOI:10.18500/1819-7671-2023-23-4-424-430
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2001.
4. Мокшанцев Р.И. Психология восприятия цвета в рекламе. Анализ и результаты исследования // Advesti.ru: [сайт]. 2005. URL: http://www.advesti.ru/publish/psiholog/200405_color2 (дата обращения: 20.02.2024).

5. Янчус В.Э., Борович Е.В. Исследование значения цветового решения в процессе гармонизации кинокадра // Информатика, телекоммуникации и управление. 2016. №4(252). С. 53-68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-znacheniya-tsvetovogo-resheniya-v-protsesse-garmonizatsii-kinokadra> (дата обращения: 29.02.2024).
6. Bachurina V. A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements // Decision Support Systems. 2022. Vol. 155. P. 113713. DOI:10.1016/j.dss.2021.113713
7. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. Contact-free cognitive load recognition based on eye movement // Agricultural Water Management. 2016. Vol. 172. P. 1-8. DOI:10.1155/2016/1601879
8. Wu S.C., Remington R.W. Characteristics of Covert and Overt Visual Orienting: Evidence from attentional and oculomotor capture // Journal of Experimental Psychology: Human perception and performance. 2003. Vol. 29. №.5. P. 1050-1067. DOI:10.1037/0096-1523.29.5.1050.
9. Zheng T., Glock C.H., Grosse E.H. Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda // Computers & Industrial Engineering. 2022. V. 171. P. 108444. DOI:10.1016/j.cie.2022.108444

FEATURES OF OCULOMOTOR ACTIVITY IN PERCEPTION OF ART PAINTINGS WITH RESPECT TO THE PROPERTIES OF NERVOUS PROCESSES

© **Ekaterina M. Zinchenko**

PhD (Biology), Associate Professor at the Department of General and Counseling Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia
Odonata1108@yandex.ru

© **Ekaterina A. Lazunina**

Senior Lecturer at the Department of General and Counseling Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia
ekaterinalazunina@yandex.ru

This work was supported by the Rosmolodezh (project №091-11-2023-734 «Scientific Accelerator on the Psychophysiology of Art “COGvision”»).

Folk crafts play an important role in the formation of national culture. Artistic painting, such as Gzhel and Khokhloma, is becoming increasingly popular and interesting to study. Oculomotor activity, which allows you to record an eyetracker, makes it possible to assess how these types of paintings are perceived by a modern person. The article presents the results of a study of oculomotor activity in the perception of artistic folk paintings of Gzheli and Khokhloma, taking into account the properties of nervous processes: strength, balance, mobility. As a stimulus material, Gzheli and Khokhloma images were used in three versions: a flower, a bird and a canvas. As a result, it was found that people with strong nervous processes exhibit a higher visual-motor response when perceiving Gzhel and a higher concentration of attention when perceiving Khokhloma. The conducted correlation analysis showed that with the visual perception of Gzhel, image processing processes occur faster with high functional capabilities of the central nervous system. Persons whose processes of arousal and

inhibition are balanced show more attention when examining the image, which is expressed in a greater number and frequency of visual fixations. The obtained oculomotor activity data can be used in art therapy and neuromarketing studies.

Keywords: folk art painting, Gzhel, Khokhloma, oculomotor activity, eye-tracking, properties of the nervous system, strength of nervous processes, balance of nervous processes, mobility of nervous processes, visual perception, observation strategies

References

1. Gavrichkova E.S., Petrova O.A. (2012). Vliyanie tsveta na vospriyatie cheloveka [*The Influence of Color on Human Perception*]. Aktual'nye problem aviatsii i kosmonavtiki. [*Current Problems of Aviation and Astronautics*]. Vol. 2. №.8. P. 300-301. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsveta-na-vospriyatie-cheloveka> (Accessed: 29.02.2024).
2. Zinchenko E.M. (2023). Aitreakingovoe issledovanie vospriyatiya khudozhestvennoi narodnoi rospisi na primere gzheli i khokhlomy [*Eye-tracking study of the perception of folk art on the example of Gzhel and Khokhlom*]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. [*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*]. Vol. 23. № 4. P. 424-430. DOI:10.18500/1819-7671-2023-23-4-424-430
3. Ilyin E.P. (2001). Differentsialnaya psikhofiziologiya [*Differential Psychophysiology*]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Mokshantsev R.I. (2005). Psikhologiya vospriyatiya tsveta v reklame. Analiz i rezultaty issledovaniya [*Psychology of color perception in advertising. Analysis and research results*]. Advesti.ru: [website]. URL: http://www.advesti.ru/publish/psiholog/200405_color2 (Accessed: 29.02.2024).
5. Yanchus V.E., Borevich E.V. (2016). Issledovanie znacheniya tsvetovogo resheniya v protsesse garmonizatsii kinokadra [*A Study of the Effect of Color Palette in the process of Film Frame Harmonization*]. Informatika, telekommunikatsii i upravlenie [*Computing, Telecommunications and Control*]. №4 (252). P. 53-68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-znacheniya-tsvetovogo-resheniya-v-protsesse-garmonizatsii-kinokadra> (Accessed: 20.02.2024).
6. Bachurina V. (2022). A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements. Decision Support Systems. Vol. 155. P. 113713. DOI:10.1016/j.dss.2021.113713
7. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. (2016). Contact-free cognitive load recognition based on eye movement. Agricultural Water Management. Vol. 172. P. 1-8. DOI:10.1155/2016/1601879
8. Wu S.C., Remington R.W. (2003). Characteristics of Covert and Overt Visual Orienting: Evidence from attentional and oculomotor capture. Journal of Experimental Psychology: Human perception and performance. Vol. 29. №.5. P. 1050-1067. DOI: 10.1037/0096-1523.29.5.1050.
9. Zheng T., Glock C.H., Grosse E.H. (2022). Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda. Computers & Industrial Engineering. Vol. 171. P. 108444. DOI:10.1016/j.cie.2022.108444

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ

© Карелов С.В.

кандидат технических наук, экс топ-менеджером компаний IBM и Silicon Graphics Inc. (SGI)
karelovs@gmail.com

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории
психологии личности, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru

В интервью гл. ред. журнала «Ученые записки Института психологии РАН» д.пс.н. Лебедева А.Н. с экс топ-менеджером компаний IBM и Silicon Graphics Inc. (SGI), к.т.н. С.В. Кареловым обсуждаются новые технологии искусственного интеллекта, проводится сравнительный анализ языковых и мультимодальных моделей в свете изучения феномена сознания. Рассматриваются возможности и ограничения моделирования сознания средствами искусственного интеллекта, в частности – ошибка антропоморфизма в интерпретации структуры и функций искусственного интеллекта, его эмерджентные свойства и др. Интервью выполнено по материалам выступления С.В. Карелова на заседании Академического дискуссионного клуба ИП РАН на тему «Самый непонятый X-риск – деградация агентности людей», которое представлено на канале Академического дискуссионного клуба ИП РАН¹.

Интервью выполнено в рамках Государственного задания № 0138-2024-0005

Лебедев А.Н.: Уважаемый Сергей Владимирович, в июне 2023 года в вашем выступлении на заседании Академического дискуссионного клуба ИП РАН, а потом в статье в №3(9) журнала², вы говорили о стремительном развитии искусственного интеллекта в мире, в частности, о GPT-4. И вот недавно у вас на канале появился пост под очень интересным названием – «Стохастический попугай умер! Да здравствует близнецы Homo sapiens!». Там речь шла о мультимодальной модели Gemini. Как мы знаем, Gemini может обрабатывать не только текстовую, но и визуальную информацию, которую не может обрабатывать ChatGPT. Могли бы вы рассказать об этом подробнее? И вообще, что нового появилось у разработчиков ИИ?

Карелов С.В.: Когда я говорю о Gemini компании DeepMind, то речь идет о том варианте,

который должен появиться в 2024 году. Стратегия OpenAI под руководством Сэма Альтмана, которая разработала ChatGPT, заключалась в том, чтобы привлечь максимум внимания общественности. Она выбрала «хоккейный метод», когда шайба забрасывается на сторону противника и все быстро туда бегут. В свою очередь, компания DeepMind поступила иначе и осторожно сформировала стратегию вывода на рынок своих продуктов.

OpenAI выпустила свой ChatGPT, когда уже была готова четвертая версия, но она решила сначала обнародовать предыдущую, «сырую» версию и позже ее «обновить», чтобы привлечь больше внимания.

DeepMind сделала по-другому. Она сразу заявила о том, что выпустила свой продукт в трех вариантах. Первый – самый маленький – «нано».

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=0sRiU5mRiuY>

² Карелов С.В. «Ловушка Гудхарта» для AGI: проблема сравнительного анализа искусственного

интеллекта и интеллекта человека // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т.3. №3. С.5-22.

У него изначально упрощенный функционал, который предназначен для того, чтобы запускать на мобильных устройствах. Второй вариант – «ультра», который сейчас все ругают и говорят, что он ничего особенного не делает по сравнению с GPT-4. Есть также и максимальный вариант, который планируется продемонстрировать в начале 2024 года.

Разработка DeepMind основана на идее мультимодальности. До сих пор все феноменальные свойства больших языковых моделей работали сами по себе. Все видели, как появляется тонкая изысканная буква творчества, когда тексты складываются очень красиво и умно, когда есть размышление, когда можно вести развитый диалог. Но это же есть и у Gemini. При этом Gemini одновременно работает с текстом, изображением и видео. Определенные попытки были реализованы и OpenAI, и рядом других фирм, когда изображение генерируется по тексту. Но это был скорее некий трюк. Специалисты удивились, когда вдруг эти модели заговорили на других языках, которым их не обучали (например, обучали английскому, а ИИ ловко заговорил по-русски). Но все это также своеобразный трюк. Просто идет перевод с языка на язык, а потом проводится обратный перевод результатов. То же самое и с изображениями. Что-то описывается словами, переводится в некую промежуточную форму, потом эта промежуточная форма превращается в некое подобие изображения, и только после этого с ним идет работа.

Так вот мультимодальность, которая есть у живых существ, включая человека, работает не так. Дело в том, что мозг обладает своими языковыми возможностями, связанными напрямую с каждым нашим анализатором (зрением, слухом, обонянием). Но он не переводит сенсорную информацию в слова. Мультимодальность Gemini фактически делает нечто похожее, что создает абсолютно иной уровень агентности. Программа не обладает сознанием (в человеческом понимании), агентностью, волей, но за счет того, что разные потоки сенсорной информации у нее естественным образом обрабатываются единой моделью, получается качественный скачок. При этом описать последствия такого

качественного скачка мы не можем. Ясно только то, что он качественный, что происходит нечто принципиально отличное от предыдущего функционала.

Самый мой любимый пример – это представить жизнь как очень усложненный химический процесс. Была некая химическая вселенная, где взаимодействовали различные элементы, молекулы становились все более сложными, а потом вдруг появилась жизнь. Вот это тот самый качественный скачок, тот самый переход, который принципиально отличается от предыдущего состояния природы. То же самое происходит с мультимодальностью. Опять подчеркну, что именно возможность обрабатывать видеоизображения, звуки и тексты одновременно превращает этот новый искусственный интеллект, эту мультимодальную модель в некоего эмергентного агента, качества и свойства которого предугадать невозможно. Это так же, как, например, невозможно предугадать свойства развивающейся жизни, то есть, как будут эволюционировать живые существа, если у нас в основе есть лишь предыдущая развитию химическая вселенная. Эволюция неповторима, ее можно увидеть лишь, когда она уже произошла.

Вот, собственно говоря, это и происходит сейчас в связи с появлением первых мультимодальных моделей, которые не просто искусственное сочетание обработки видеоизображения, текста, звука, а всё в одной модели, скажем так, – модели понимания мира. Пусть это совсем другое понимание, не человеческое, но во многом оно уже подобно нашему человеческому, поскольку мы представляем собой, упрощенно говоря, такого же рода мультимодальные модели.

Что в результате всего этого получится, мы увидим в этом году. В лаборатории DeepMind работают с этим уже давно, то есть с мая 2023 года. И по той закрытой информации, которой я располагаю, можно сказать, что то, с чем они сталкиваются, заставляет их все дальше и дальше отодвигать открытый запуск этих моделей для всеобщего доступа.

Лебедев А.Н.: А чем это вызвано, какими-то опасениями?

Карелов С.В.: Это связано с эмерджентностью модели. Начав работать с ней в полном варианте, компания наталкивается еженедельно на какие-то новые проявления ИИ, которые не находят объяснения. И, соответственно, здесь невозможно предвидеть последствия таких способностей. А у разработчиков есть только весьма грубый способ запрета, то есть рамки, определяющие, что модели можно делать, а чего нельзя (так, например, у языковой модели ChatGPT, есть запрет на расистские высказывания, неполиткорректные и т.д.). Но проблема в том, что любую такую возможность можно запретить только после того, как она проявится. А для того, чтобы увидеть ее заранее, нужна предварительная диагностика. Даже когда человек начинает сходить с ума, опытному врачу, прежде чем поставить диагноз, необходимо довольно долго разговаривать с пациентом, чтобы понять, что это – шизофрения, психоз, симуляция, акцентуация личности или что-то другое. Но все эти человеческие свойства и проявления люди изучают как минимум несколько сотен лет, и поэтому уже есть понимание механизмов, классификации этих патологических проявлений. Когда такие проявления появляются у модели, то некоторые из них совершенно не похожи на человеческие и в нашем понимании они не являются никакой акцентуацией.

Лебедев А.Н.: Похоже на борьбу с наркотиками. Когда появляется наркотик на рынке, то со временем принимается запрещающий закон. А затем появляется новый наркотик и новый закон. И так по кругу. Получается, что появление новых препаратов опережает методы ограничения их употребления в свободном доступе.

Карелов С.В.: Это так, но здесь ситуация еще хуже, чем в вашем примере. Новый наркотик делают люди, познакомившиеся с этим законом, а что вылезет эмерджентно, даже предугадать невозможно, поскольку неизвестно, как это будет выглядеть и как проявит себя.

Лебедев А.Н.: Сейчас часто идут дискуссии о том, что реализовано в искусственном интеллекте из того, что мы знаем о сознании человека. Как известно, Д. Канеман говорит о двух системах переработки информации. По сути, первая –

это бессознательное или подсознание, вторая – это сознание, рациональное мышление. И вот возникает вопрос: нечто подобное есть у моделей ИИ или это принципиально иное, например, по логике и способам решения задач? Можно ли сказать, что у ИИ есть некое сознание и подсознание?

Карелов С.В.: Здесь не только логика иная, здесь базовые предпосылки возникновения самих процессов совсем иные. Пример такой: есть цифровые компьютеры, а есть аналоговые. Аналоговые компьютеры не оперируют никакими битами, это непрерывные потоки информации в аналоговой машине. И в то же время на цифровой машине можно моделировать аналоговую. Так вот наиболее близкий пример того, что такое искусственный интеллект – это цифровая машина, которая имитирует работу аналоговых машин, коими являются люди.

И говорить о том, насколько реальна имитация сознания, которое мы представляем у людей, невозможно. Это моделирование. Здесь бессмысленно говорить, появится у ИИ сознание или нет. Оно может и появиться, и нет. Но в основе лежат абсолютно другие процессы так же, как в аналоговых и цифровых вычислениях. С одной стороны, в цифровой машине это определенный набор триггеров (нули и единицы), усложняя вычисления которых, мы выполняем некие алгоритмы. В аналоговой машине нет никакой программы, записывающей алгоритм, а запускается некий физический процесс, который сам по себе является моделью какого-то явления. Поэтому любая антропоморфизация ИИ и попытка сказать, что сейчас он проявит какие-то человеческие свойства, это будет только моделирование. Но то, что в результате может получиться, мы не способны предугадать из-за его эмерджентных свойств.

Лебедев А.Н.: Когда мы анализируем понятие психики в учебниках по общей психологии, мы говорим, что психика состоит из психических процессов, свойств и состояний, которые включают в себя мышление, память, внимание, эмоции, то есть все то, что можно изучить, измерить и т.д. Но возникает вопрос, с которым психологи часто сталкиваются: может ли выйти

машина из-под контроля, начать что-то самостоятельно делать и «восстать против человека»? Дело в том, что у человека есть чувство собственного достоинства, мы переживаем состояние стыда, гордости, чувства вины, справедливости, тщеславия и пр. Нас можно оскорбить, обидеть. Мы иногда хотим поразить мир какими-то новыми идеями или соревнуемся с кем-то за приоритеты, стремимся что-то сделать для того, чтобы пережить состояние некоего превосходства над другими, кого считаем в чем-то хуже нас и пр. Ведь ничего этого нет у ИИ, а значит у него другая мотивация или ее вообще нет?

Карелов С.В.: Александр, я еще раз повторю принципиально важный тезис: чем больше степень антропоморфизации, тем большую ошибку мы допускаем.

Лебедев А.Н.: Но это именно та ошибка, которая пугает людей далеких от этой темы. А таких, похоже, большинство.

Карелов С.В.: Да, но я сейчас обсуждаю эти вопросы с позиции человека несколько более погруженного в эту тематику. И подчеркиваю, что эту точку зрения разделяют не только всякие там думеры³, которые боятся рисков, но и такие технооптимисты, как Ян Лекун⁴, которых довольно много. Абсолютно все, кто конкретно сталкивался с разработкой этих систем, понимают, что любая антропоморфизация ИИ – это большая ошибка. ИИ гораздо дальше от нас отстоит по всем психологическим параметрам, чем, например, муравей. Муравей гораздо ближе к нам с точки зрения психологии, потому что муравей может быть голодным, у него может быть много стимулов и даже не только с точки зрения его биологической сущности, но и с точки зрения когнитивных возможностей (интересное, опасное, любопытное, странное, новое и т.д.). А есть ли любопытство у ИИ? Есть, но моделируемое. Но поскольку у подобного рода систем нет ни абсолютных аналогов, ни когнитивных свойств, ни эмоциональных, ни связан-

ных со знанием, то здесь все по-другому, есть какие-то другие свойства, но мы их не знаем.

Лебедев А.Н.: Сергей, очевидно, что свойством человеческого сознания является как раз желание найти что-то подобное себе. Так люди придумывают богов, похожих на человека, молятся иконам, считая, что за деревянной панелью есть что-то такое, с чем можно разговаривать, общаться. И вот это стремление искать человеческое и разумное в том, что таковым не является, преследует человечество уже тысячелетия и будет, видимо, преследовать и дальше, потому что искусственный интеллект дает повод к этому. Он имитирует человеческие эмоции, чувства, он способен решать очень сложные логические задачи, но при этом гораздо более эффективно, чем человек. И это вызывает чувство страха.

Карелов С.В.: В первую очередь я подтверждаю, что самые серьезные риски, которые реально видны и которых следует опасаться и против которых нужно пытаться искать защиту и спасение, это не риски некоего восстания искусственного интеллекта, где он захочет нанести кому-то вред. Этот вопрос пока отодвигается в неопределенное будущее и застилается куда более серьезными вполне реальными рисками. Например, это риск захлебнуться в фейках и в дезинформации. Но даже это люди начинают понимать в рамках свойственного человеку антропоморфизма.

Очень глубокие исследования, проводимые в этом году, показали, что лингвистико-семантические, психологические способности порождения текстов большими языковыми моделями сильнее, чем у людей. Они способны порождать более убедительные тексты, направленные на универсальную аудиторию. Если же эти системы знают кое-что о людях, на которых они ориентируются, например, персональные данные, то тут их возможности становятся похожими на ядерное оружие. Если система знает,

³ Думер, думеризм – термины для описания людей, которые крайне пессимистично относятся к глобальным проблемам, таким как перенаселение или изменение климата. Некоторые из них утверждают, что существует вероятность, что эти проблемы приведут к вымиранию человечества.

⁴ Ян Лекун (Yann LeCun) – французский учёный, специалист в области информатики, машинного обучения, робототехники и вычислительной нейробиологии. Лауреат премии Тьюринга 2018 года за разработку теории глубокого обучения.

что говорит именно с вами и адресует месседж именно вам, то у человека очень мало шансов противостоять такому влиянию. Настораживает то, что подобные системы уже начали использоваться для создания медийных нарративов. И как они будут развиваться, мы не знаем. Зритель может видеть и слышать настоящего ведущего по телевизору, но текст, который тот произнесет, подготовит и напишет эта система. И его убедительность окажется чрезвычайно мощной.

Такие системы уже искусно оперируют восприятием информации и способны «ввинтить», и ежедневно делают это, через разные медиа каналы, некие нарративы, направляющие и меняющие способы восприятия действительности миллионов людей. И что будет результатом этого влияния, мы не можем даже предположить, потому что не было у человечества ничего подобного. Некоторые люди говорят: «Ну и что? Ведь дезинформация была всегда, менялся только инструментарий. Весь мир всегда строился на обмане». Однако сегодня происходят качественные изменения и бессмысленно говорить, что люди всегда убивали друг друга луками и стрелами, поэтому ничего особенно не произойдет, если в ход пойдут баллистические ракеты с термоядерным оружием.

Лебедев А.Н.: Сергей, вот еще вопрос. Сегодня, наверное, можно говорить о развитии не одного какого-то искусственного интеллекта, а о многих, о разных его вариантах, которые будут связаны с культурой и политикой тех или иных стран, которые достигнут в этой области успехов. Сейчас мы понимаем, что США впереди в разработке таких программ. А как быть, например, с Китаем и Россией, и другими странами, в которых эти разработки также ведутся. Насколько мы, например, отстаем от США, и в каком качестве выступает Китай по отношению к уровню развития этих технологий?

Карелов С.В.: Технологии искусственного интеллекта развиваются уже более полувека и тот качественный революционный скачок, который произошел за последние буквально пару лет, связан с технологиями трансформеров. Трансформеры – это особая архитектура, позволяющая масштабировать систему искусствен-

ного интеллекта простым наращиванием вычислительной мощности. Берешь и делаешь систему в 100 раз больше, она работает в 100 раз с большим количеством параметров, и ее возможности и ее свойства экспоненциально растут. Так вот это наращивание вычислительной мощности стало определять на 95% потенциал того, чего могут добиться люди в реализации подобного рода систем. И это означает то, что я обозначил в девизе, ставшим когда-то вирусным: «есть железо – участвуй в гонке, нет железа – кури в сторонке».

Поскольку технологии производства интегральных схем для специализированных систем искусственного интеллекта, таких как графические процессоры компании NVIDIA (это наиболее яркий пример), сосредоточены в руках американских фирм, то ситуация получается очень и очень интересная. У американцев есть все для того, чтобы это развивать с той скоростью, с которой позволяют интеллектуальные возможности их лабораторий. У китайцев ситуация сложилась очень тяжелая, потому что последние два года, ровно параллельно тому, как происходила революция трансформеров, американцы зажимали экспортный контроль. И сейчас запрещают не только экспортировать сами графические процессоры, но и технологии, позволяющие самим сделать у себя подобного рода процессоры. А китайцы вкладывают в это дело колоссальные деньги, бросают колоссальные ресурсы на то, чтобы этот разрыв устранить, чтобы самим производить микросхемы у себя. По планам китайцев нужно решить эту проблему к тридцатому году. Решат или не решат – сказать сложно, но до тех пор, пока не решили, они отстают от США во всех областях, связанных с искусственным интеллектом где-то на год, где-то на два, три, пять.

В России ситуация совсем иная. Дело в том, что здесь и не светит ничего. Проблему нельзя решить серыми поставками, как это делается для автомобилей, айфонов или электронных схем, которые используются в вооружении, их все-таки нужны десятки, сотни, тысячи в лучшем случае. Дело в том, что когда речь идет о системах искусственного интеллекта, то этих графиче-

ческих процессоров только для обучения одной модели требуются десятки тысяч. Наладить производство у себя можно. Для этого нужно несколько десятков, а лучше сотен миллиардов долларов и запас времени в 10-15 лет.

Лебедев А.Н.: Сложная ситуация. Получается, что нужно либо помириться с Америкой и начать сотрудничать, либо забыть об этом навсегда и жить по старинке, то есть заимствовать у конкурентов и платить им большие деньги?

Карелов С.В.: Всегда остается надежда, что вместо одной технологии придумаю другую. Я знаю реально очень много примеров, когда наши разработчики говорят о том, что трансформеры уже «упираются в стену», т.к. невозможно бесконечно масштабировать. У производителя графических процессоров не хватает производственных мощностей, чтобы обеспечить всех желающих. Якобы мы разработали новый метод, который не требует такого масштабирования, то есть не нужно в миллион раз повышать производительность железа, а можно сделать все не менее искусно. Но, к сожалению, все это остается только обещаниями, обогнать американцев пока не удается никому.

Лебедев А.Н.: Не секрет, что фантасты, которые пытаются предположить, что будет в будущем, иногда очень здорово предсказывают то, что происходит на самом деле. Например, в книгах В. Пелевина «Generation П» и «Transhumanism Inc.» было показано, как будут работать фейковые видео программы, и что миром будет управлять не просто телевизор, а телевизор, где роль ведущего возьмет на себя оцифрованный человек, который представит зрителям оцифрованного лидера, а тот, в свою очередь, скажет населению, как нужно правильно жить. Причем В. Пелевин написал это, когда еще не было программ вроде Midjourney, ChatGPT и так далее.

Сейчас мы часто обсуждаем вопросы трансгуманизма, у которого есть сторонники и ярые противники. Проблема в том, что нас ждет в будущем, будет ли все развиваться так, как нам говорят трансгуманисты и что с этим делать? Нужно ли все это запрещать? У нас есть рели-

гиозные ученые, и среди них есть психологи, которые говорят, что с этим надо бороться. Не просто потому, что это вред человечеству приносит, а потому что это те сферы, в которые человек не должен внедряться. Они считают, что не нужны искусственные органы, не нужно улучшать человеческое мышление, что это идет против «божьего замысла», а значит «аморально».

Высказываются и другие крайние мнения, противоположные, например, о том, что хорошо бы разработать некий чип с программой, который можно вставить в голову человеку, и этот модуль, соединяясь с биологическими структурами, расширит возможности человеческого мозга и улучшит способности человека, в частности, в решении сложных интеллектуальных задач. Поскольку известно, что Илон Маск уже добился определенных успехов в данной области, можно, наверное, предположить, что это совсем скоро может стать реальностью, а затем повседневно. И ведь, наверное, можно такую штуку вставить в голову и животного, тогда оно превратится в оружие или раба, которое будет воевать или трудиться, не заявляя о своих правах. Вот для таких фантастических технологий, как вы считаете, есть какие-то основания или нет?

Карелов С.В.: Начну с того, что фантасты чаще всего предсказывают развитие зачатков уже существующих технологий, а не выдумывают что-то совершенно непостижимое, чего в лабораториях не разрабатывается. В. Пелевин в «Generation П» описывает компьютеры Silicon Graphics Inc. И смею вас заверить, что роман не появился бы в 1998 году, если бы в 1995 году в России не открылось отделение этой компании, которое я тогда и возглавил. И все, что там описано, Deepfake, оцифровка личности, все это уже тогда делалось в лабораториях Silicon Graphics Inc. в 1995 году. Это стоило миллионы долларов, для этого нужны были огромные графические суперкомпьютеры, но все это уже было и, собственно говоря, потребовалось всего тридцать лет для того, чтобы по стоимости подобного рода деятельность стала доступной для массового применения.

Аналогично можно сказать и про нейроинтерфейсы и способы их использования для людей и животных. Все это уже есть в лабораториях, и возможности, которые показывают подобного рода системы, – фантастические. Очень велика вероятность, что всего через 5-7-10 лет проблема понимания языка животных будет успешно решена так же, как решена задача перевода с любого из 200 языков на базе машинного обучения. То, что мы будем понимать язык собак, кошек, енотов и пр., это уже, по сути дела, предрешено. Вопрос только в том, когда такие переводчики подешевеют, чтобы они получили массовое распространение.

С нейроинтерфейсами сложнее, но уже сейчас разработаны такие варианты, которые позволяют достаточно четко считывать из мозга информацию и вкладывать в мозг соответствующее управляющее воздействие. Проблема заключается в том, что до сих пор ни один ученый мира не может сказать, что он действительно понимает, каким образом из нейрокоррелятов сознания, которые можно измерить с помощью fMRT, зафиксировать и воспроизвести, рождаются сами феномены – сознание, ощущение боли, голода, тоски, любви и т.д. Нет на это ответа. Летом 2023 года были опубликованы работы Анила Сета⁵, где он приводит пятьдесят основных теоретических фреймворков для описания сознания. Но ни один из них не решает этой трудной, возможно непреодолимой, проблемы. Если не будет найден способ объяснить, как из нейрокоррелятов сознания, мышления и прочее рождаются сами эти феномены, то говорить о том, о чем говорят трансгуманисты, о слиянии, переносе и т.д. так и будет оставаться фантастикой.

Лебедев А.Н.: Да, в психологии мнения по поводу этой проблемы, которая у нас благодаря Г. Фехнеру получила название психофизиологической, очень разные. Многие считают, что она вообще не имеет решения и для этого находят разные основания, не только философские, но и

научные. Парадоксально, но сегодня ученые часто спорят не о том, как решить психофизиологическую проблему, а о том, как лучше доказать, что решить ее невозможно в принципе. Мы на эту тему тоже много спорим в нашем Академическом дискуссионном клубе. На заседаниях часто такие вопросы возникают, но пока, действительно, все это очень сложно. Может быть, как раз работа над искусственным интеллектом позволит нам в нашей науке продвинуться и понять, как же все-таки нейроны работают и создают психические переживания и движение мысли? Как они формируют этот спектр индивидуальных субъективных психологических ощущений, которые каждый знает, но никто не знает, как это все можно изучить и воспроизвести в экспериментальных условиях?

Есть еще одна проблема, связанная с тем, о чем мы говорим. Интересно ваше мнение и как вы к этому относитесь. На заседании нашего клуба выступал философ Д.И. Дубровский, который считает, что поскольку все субъективные переживания возникают на основе работы нейронов, из которых состоят сложные структуры мозга, то их работа, разумеется, гипотетически, воспроизводима и не на биологической основе. И если мы поймем, как работает мозг, то сможем воспроизвести структуры мозга таким образом, чтобы полученная некая «интеллектуальная активность» смогла переживать что-то похожее на эмоциональные состояния, например, такие, как страх, боль и т.д. Одни этого боятся, другие говорят, что субъективные переживания – это продукт определенного этапа развития биологии и ни на какой технической основе их воспроизвести нельзя. Есть еще третья группа людей, которые, следуя Декарту и Лейбницу, полагают, что, помимо нейронов мозга, существует некая духовная субстанция, обладающая волей, нечто «внетелесное», что вообще невоспроизводимо путем какого-либо моделирования. Что вы можете добавить по этому вопросу?

⁵ Анил Сет (Anil Seth) – британский нейробиолог, специалист в области когнитивной и вычислительной нейробиологии. Сторонник материалистического объяснения сознания, который входит в число

наиболее цитируемых в мире ученых по темам нейробиологии и когнитивной науки.

Карелов С.В.: Я исхожу из того, что мне известно о работах, которые проводятся в самых лучших передовых лабораториях мира. Многие из этих работ еще не опубликованы, но тем не менее в подавляющем большинстве результаты исследований говорят о том, что все феномены, о которых мы говорим применительно к человеческому сознанию, разуму, мышлению, все они, являются вычислительными, т.е. в их основе вычислительный механизм. Это первое. Многие копы ломались по вопросу: является ли это все-таки результатами вычислений, обработки информации или нет? Ответ на этот вопрос с вероятностью 90% – да, это результат вычислительных действий.

Второе это то, что материальной основой реализации этих вычислений может быть что угодно. На сегодняшний день уже известны разные механизмы реализации вычислений. Например, возьмите то, как умеют вычислять растения, насекомые и люди, они просто принципиально по-разному реализованы. То, что процессы саморегуляции происходят через тот же самый вычислительный механизм, показывает, что материальный носитель вычислений может быть любым. Это также экспериментально подтверждено.

Наконец, третье и последнее заключается в том, что физика, то есть материальные процессы, реализующие эти вычисления, могут быть разными. До тех пор, пока мы их не изучим и не поймем, как вычисляет дерево или звезда, мы не поймем, за счет каких процессов реализуется вычисление в мозге. В этом смысле попытка смоделировать отдельный нейрон или же сети нейронов является аналогичной, например, желанию папуасов сделать соломенный самолет в надежде, что он взлетит и потом принесет подарки от наших умерших родственников. Речь не о том, чтобы смоделировать элемент и соединить элементы, а в том, чтобы понять физику процесса, то есть за счет чего самолет поднимается в воздух. И до тех пор, пока мы это не поймем, говорить о реализации чего-то подобного бессмысленно.

Человечество и так продвинулось очень далеко с таким способом вычислений, который

реализован в наших компьютерах. Компьютеры были созданы всего-то в середине прошлого века, и с тех пор прошли колоссальный путь и масштабировались в миллионы и миллиарды раз по своей вычислительной мощности. В результате на этой вычислительной основе (кремниевой, цифровой) мы смогли достичь такого уровня реализации, что уже делаем вещи, которые очень похожи на мышление, где-то даже на сознание. Но представьте себе, что реализовать все это можно и абсолютно на другой основе, абсолютно на других физических принципах.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что существует бесконечное количество способов реализации тех феноменов, о которых мы говорим. Один из этих способов – биологический – нам показала сама природа, второй способ люди сделали самостоятельно, но он еще довольно основательно отстает по своей вычислительной мощности от того, что есть у человека. Удастся ли на основе вычислительных цифровых машин, реализованных в кремниевых микросхемах, достичь уровня, сопоставимого с человеком, пока считается теоретически возможным. Есть ли альтернативные способы? Наверняка есть, и их огромное количество. Основной вопрос – их найти.

Лебедев А.Н.: Но ведь задавшись такой целью и с генетикой можно поэкспериментировать. Взять какую-нибудь обезьянку и улучшить ей мозг путем генетической инженерии, сделать из нее более разумное существо. Такая идея тоже может появиться. Разве нет?

Карелов С.В.: В связи с этим я вам назову лишь два имени. Это Майкл Левин и Джош Бонгард. Они создали ксеноботы, экзоботы, то есть живые программируемые организмы, которые сделаны из адаптированных стволовых клеток африканского вида лягушек (*Xenopus laevis*). Разработчики уже близки к решению проблемы регенерации органов. Это тот самый стык вычислений и биологии, цель которого понять, как выполнять вычисления на уровне биологического субстрата, а не на уровне кремниевом. Они страшно перспективны и лично я думаю, что это будет магистральной линией, которая позволит совершить следующий качественный рывок. И

это будет уже не наращивание масштабов по числу процессоров, которое сейчас характерно для реализации трансформеров, а нечто более глобальное.

Лебедев А.Н.: Сергей, для психики и сознания характерно саморазвитие. Мозг как саморегулирующаяся система себя строит, меняет и так далее. А языковые модели, похоже, пока еще не очень?

Карелов С.В.: Языковые модели решают свои задачи. Эволюция создала живые организмы, в том числе и мыслящие, для решения задач

выживания. Компьютеры строились совсем для другого, они не предназначены для собственного выживания. Я еще раз повторю, антропоморфизм – это самая большая ошибка, которая может быть допущена в разговорах об искусственном интеллекте!

Лебедев А.Н.: Сергей, спасибо вам за участие в наших дискуссиях и за очень интересное интервью.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PROBLEMS OF PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS

© **Sergey V. Karelov**

PhD in Engineering, Extop Manager of IBM and Silicon Graphics Inc. (SGI)
karelovs@gmail.com

© **Aleksandr N. Lebedev**

Sc.D. (psychology), Chief Scientific Officer, laboratory of psychology of personality,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lebedev-lubimov@yandex.ru

Interview of the editor-in-chief of the journal "Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", Doctor of psychology science Lebedev A.N. with ex-top manager of IBM and Silicon Graphics Inc (SGI), Ph.D. S.V. Karelov. New artificial intelligence technologies are discussed, and a comparative analysis of linguistic and multimodal models is carried out in the light of the study of the phenomenon of consciousness. The possibilities and limitations of modeling consciousness by means of artificial intelligence are considered, in particular, the error of anthropomorphism in interpreting the structure and functions of artificial intelligence, its emergent properties, etc. The interview was conducted based on the materials of the article by S.V. Karelov and his speech at the meeting of the Academic Discussion Club of the IP RAS on the topic "The most misunderstood X-risk is the degradation of human agency", which is presented on the channel of the Academic Discussion Club of the IP RAS.